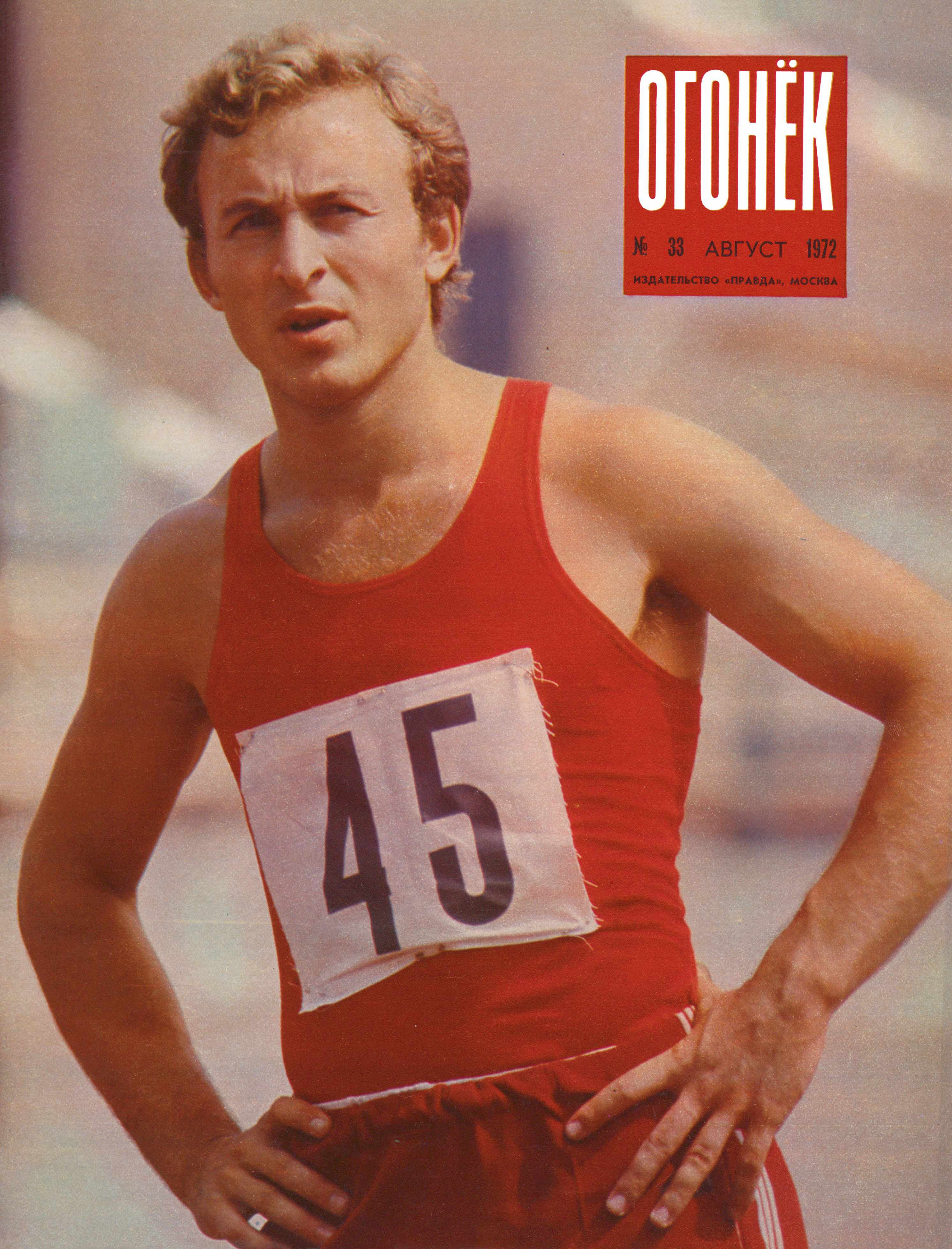

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
45

Алексей Зарко, перворазрядник спортклуба «Чайка», сдает норму на значок ГТО.

СЕГОДНЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ

Старт бега на 100 метров.

Заводские спортсмены на дистанции кросса.

День физкультурника в нынешнем году совпал с кануном XX Олимпийских игр. В шестой раз выйдут на старт этих крупнейших международных соревнований лучшие спортсмены СССР. За двадцать лет сменилось несколько олимпийских поколений, значительно выросло мастерство и его показатели — рекорды, но в нашей стране неизменной осталась сама основа спортивных успехов — массовость советского спорта.

Все наши олимпийцы — питомцы низовых физкультурных коллективов, и Всесоюзный день физкультурника — праздник всех спортсменов, и рядовых и известных всему миру. Да, массовость и мастерство — вот в чем секрет неисчерпаемой силы физкультурного движения Советской страны. Во всех союзных республиках, в городах и селах спорт вошел в жизнь советской молодежи, а сейчас, когда вступил в действие новый комплекс ГТО, число физкультурников растет с каждым днем.

Наш фотокорреспондент А. НАГРАЛЬЯН побывал у спортсменов Горьковского автозавода и показывает жизнь одного из лучших спортивных клубов страны.

Лидия Кизяева, контролер ОТК, член сборной команды по волейболу.

ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

Гонки на Оке.

Товарищ Фидель Кастро выступает на одном из массовых митингов на Кубе.

Фото Л. Шерстенникова.

ДРУЖБА БЕСКОРЫСТНАЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА ФИДЕЛЯ КАСТРО НА МИТИНГЕ В ГАВАНЕ

26 июля Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Премьер-Министр Революционного правительства Фидель Кастро выступил в Гаване на грандиозном массовом митинге по случаю Дня национального восстания.

Фидель Кастро поделился некоторыми впечатлениями о своей недавней поездке в социалистические страны Европы и в Африку. Говоря об итогах визита в страны Африки, он подчеркнул, что «как Гвинея, так и Алжир призваны сыграть важнейшую роль в борьбе против остатков колониализма, неоколониализма и империализма в Африке».

Особое внимание в своей речи Фидель Кастро уделил поездке в СССР и другие европейские социалистические государства. Он охарактеризовал свой визит как «интересный и плодотворный», дал высокую оценку успехам этих стран в социальной, культурной, технической, экономической и научной областях. Особенно тепло премьер-министр Кубы говорил о достижениях советского народа, строящего коммунизм, о большой помощи, которую СССР оказывает социалистическим странам. «В СССР нас больше всего поразило то, как в этой стране сохраняются лучшие революционные традиции, что там жив дух семнадцатого года, во всем своем величии живут идеи марксизма-ленинизма». Нет никакого сомнения, сказал Фидель Кастро, что человечество выразит свою признательность советскому народу за все, чем оно ему обязано.

Как отметил Ф. Кастро, реакционная пропаганда, направленная против первого в мире социалистического государства, не прекращается. Он остановился на «смехотворном утверждении», будто Куба является «сателлитом» СССР. Первый секретарь ЦК КП Кубы сказал, что так «твердят вот уже пятьдесят лет империалистические писаки, когда речь заходит о революционерах». «Следует отметить, что термин «страна-сателлит» применим только к империализму и к его пособникам в мире»,—уточнил премьер-министр. «Империалистам больше всего неприятен тот факт,— заявил он,— что наша маленькая страна, расположенная у самых ворот Соединенных Штатов в Карибском море, которое янки считали своим морем, сумела перечеркнуть все это, совершить революцию, защитить и упрочить ее завоевания». Фидель Кастро подчеркнул, что Советский Союз оказывал Кубе бескорыстную помощь.

«Мы в полной мере,— сказал далее товарищ Фидель Кастро,— сознаем огромную ценность дружбы советского народа, дружбы бескорыстной и революционной. Повсюду в СССР со стороны народа, со стороны членов партии и руководителей Советского Союза мы неизменно встречали глубокое чувство дружбы к нашей стране. Мы верим, что завтра мир будет другим, но наша дружба с советским народом не изменится, и благодарность наша останется вечной».

Первый секретарь ЦК КП Кубы заявил, что вступление Кубы в СЭВ отвечает принципам марксизма-ленинизма, интересам кубинского народа, народов других стран социализма.

Как указал Ф. Кастро, существуют два решающих фактора с точки зрения упрочения кубинской революции: неуклонное и последовательное применение революционной доктрины и международная солидарность. «Бесспорно, в сегодняшнем мире невозможно совершить революцию без социализма и без международной солидарности»,— сказал он.

Товарищ Фидель Кастро выразил уверенность, что в будущем наступит мир, каким его представляли Маркс, Энгельс и Ленин. Это мир, где не будет ни капитализма, ни империализма, где исчезнут общественные классы и эксплуатация человека человеком.

Остановившись в своем выступлении на латиноамериканских проблемах, Ф. Кастро упомянул о революционном процессе в Перу — стране, только что восстановившей дипломатические отношения с Кубой.

Сообщив, что в президиуме митинга находится и перуанский посол, Ф. Кастро выразил чувство признательности и обратился со словами «братского привета к правительству Перу, в частности к президенту этой братской страны генералу Веласко Альварадо». «Наша страна считает для себя честью эти отношения и формы отношений, которые, по нашему мнению, имеют политическую ценность, а также моральное содержание, поскольку речь идет о правительстве, в полной мере утвердившем свой суверенитет».

Такое же значение кубинский руководитель придал восстановлению отношений с Чили. «Отношения Чили с Кубой являются отношениями революционными»,— сказал премьер-министр. Ф. Кастро зачитал письмо, направленное президентом Чили Сальвадором Альенде, где тот указывает: «Чили, как всегда, на стороне Кубы». Как подчеркнул Фидель Кастро, Куба поддерживает борьбу панамского народа в том, что касается требований в отношении канала, и приветствует усилия, прилагаемые Ямайкой для упрочения своего суверенитета, хотя кубинское государство и не имеет дипломатических отношений с правительствами этих стран.

«Куба озабочена не только нашими местными национальными интересами в отношениях с Соединенными Штатами. Еще не покончено с войной во Вьетнаме, империалисты еще не убрались оттуда, остаются на повестке дня проблемы Латинской Америки, и не решен вопрос о подрывных акциях в отношении Кубы или о военно-морской базе в Гуантанамо. Если они хотят что-то обсудить с нами, то тема таких обсуждений не Куба, а Латинская Америка»,— подчеркнул он. Далее Фидель Кастро сказал, что отношения между Кубой и Соединенными

ПРАЗДНИК НАРОДНОЙ КОРЕИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 33 (2354)

Основан 1 апреля 1923 года

12 АВГУСТА 1972

15 августа корейский народ отмечает знаменательную дату своей истории — 27-ю годовщину освобождения страны от колониального гнета японского империализма. В августе 1945 года Советская Армия и силы национально-освободительного движения Кореи разгромили японских колонизаторов. Корейский народ получил возможность демократического развития. С этой датой связано и становление отношений братской дружбы и сотрудничества между корейским и советским народами.

Советский Союз, верный принципам пролетарского интернационализма, неизменно оказывает КНДР бескорыстную помощь в строительстве социализма.

При техническом содействии Советского Союза расширяется металлургический комбинат имени Ким Чака в крупнейшем промышленном центре страны Чхончжине, строится нефтеперегонный завод.

Советские специалисты участвуют в сооружении ТЭЦ на берегу бухты Чосанман. Станция оснащается оборудованием, изготовленным на советских предприятиях.

Отношения СССР и Корейской Народно-Демократической Республики неизменно основываются на принципах равноправия, взаимного уважения, пролетарского интернационализма.

В день праздника освобождения Кореи советские люди желают всем трудящимся КНДР новых успехов в строительстве социализма, в борьбе за мирное объединение страны.

Штатами не могут улучшиться, пока США кичатся правом на вмешательство в дела любой латиноамериканской страны. Оратор подтвердил, что Куба не заинтересована в возвращении в Организацию американских государств (ОАГ), а также в связях со странами, являющимися марионетками правительства США.

«Мы,— добавил оратор,— являемся на этом континенте выразителями определенного принципа, определенной позиции. Мы представляем собой передовой отряд. Знамя над нами — не националистическое знамя: это знамя интернационалистское, латиноамериканское».

Говоря об агрессии американского империализма в Индокитае, премьер-министр Кубы отметил, что «империализм, безусловно, делает во Вьетнаме шаги, продиктованные чувством отчаяния». «Никакие бомбардировки,— сказал Фидель Кастро,— не могут одолеть страну, исполненную такой решимости». Он выразил солидарность народа Кубы с героической борьбой вьетнамских патриотов.

Глубокий разносторонний анализ внутреннего и международного положения Республики Куба, сделанный Фиделем Кастро, вызвал широкие отклики в мире и особенно в странах Латинской Америки. Речь кубинского руководителя еще раз продемонстрировала, что Куба, являясь форпостом социализма в Западном полушарии, твердо и непоколебимо стоит на принципах марксизма-ленинизма, идя по пути дальнейшего развития социалистической революции. Как отмечают латиноамериканские газеты, успехи кубинского народа не были бы столь многогранны, если бы не братская солидарность и помощь стран социалистического содружества, в том числе Советского Союза.

Так крупнейшая газета Мексики «Эксельсиор», комментируя итоги визита лидера кубинской революции Фиделя Кастро, подчеркивала, что социалистические страны выразили готовность и впредь оказывать Кубе всестороннюю помощь в строительстве нового общества, в деле укрепления ее обороноспособности и защиты ее революционных завоеваний. «Отношения между Советским Союзом, другими социалистическими странами и Республикой Куба становятся все более тесными и разносторонними,— отмечает прогрессивная венесуэльская газета «Трибуна популар»,— они способствуют взаимному обогащению опытом». «Встречей единомышленников, связанных узами братства, общностью идеологии и целей»,— так назвала поездку Ф. Кастро чилийская газета «Сигло».

Растущий международный авторитет Кубы, который нашел свое подтверждение во время недавней зарубежной поездки товарища Фиделя Кастро, вызывает трезвые оценки даже у ее политических противников. Так, газета «Нью-Йорк таймс» вынуждена была признать, что, «если Вашингтон будет настойчиво пытаться сохранить дипломатическую и экономическую блокаду Кубы, установленную Организацией американских государств, ему будет угрожать поражение в Западном полушарии».

Фидель Кастро в своей речи в День национального восстания подчеркнул, что никогда еще перед революцией не открывались такие перспективы, как сейчас. Он сказал: «В этот день, 26 июля, мы можем сказать, что положение нашей Революции исключительно упрочилось и что будущее многое сулит нашему отечеству во всех отношениях».

В цехе Пхеньянского текстильного комбината, построенного с помощью Советского Союза.

Фото ЦТАК — ТАСС.

КРЫМСКАЯ ВСТРЕЧА: ВОЛЯ К МИРУ И ЕДИНСТВУ

Николай ПАСТУХОВ

Большинство обозревателей, реалистически оценивающих современный этап международных отношений, приходит к единому выводу: эти отношения сегодня формируются под непосредственным воздействием внешней политики Советского Союза и других братских социалистических стран. Что же составляет основу внешней политики великого социалистического содружества? Последовательная верность незыблемым принципам марксизма-ленинизма, создание наиболее благоприятных условий для строительства нового общественного строя, для защиты социализма, свободы народов и всеобщего мира, эффективное противодействие империалистической стратегии развязывания войн и нагнетания напряженности.

Вот почему любая встреча, любая внешнеполитическая акция стран социалистического содружества вызывает такой резонанс в мире, отклики, позитивное и конструктивное обсуждение. Понятно поэтому, что состоявшаяся 31 июля в Крыму дружеская встреча руководителей коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии явилась одним из важных политических событий современной международной жизни.

Обсудив итоги встречи, Политбюро ЦК КПСС выразило твердое убеждение, что она является крупным шагом в деле укрепления сплоченности и взаимодействия братских партий социалистических государств. Политбюро полностью одобрило деятельность делегации КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление, в котором определило практические меры по реализации выводов крымской встречи.

Зарубежные обозреватели отмечают тот факт, что участники крымской встречи единодушно подтвердили глубокую жизненность и действенность внешней политики Советского Союза, большое международное значение Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, программы, которая последовательно претворяется в жизнь.

На крымской встрече обсуждался широкий круг международных вопросов. Положение в Европе, итоги московской встречи в верхах между СССР и США, проблемы Индокитая и Ближнего Востока, утверждение принципов мирного сосуществования в межгосударственных отношениях, усиление идеологической борьбы, в которой не может быть мирного сосуществования. Участники крымской встречи едино и согласованно от имени всего социалистического содружества дали ответы на самые острые вопросы современности, вселили еще большую уверенность широким кругам прогрессивной общественности планеты в правоту дела мира и безопасности народов и еще раз обратили внимание на антинародную сущность империализма и его агрессивные устремления.

Что касается Европы, то здесь развитие обстановки показывает благоприятный ход событий в направлении к разрядке напряженности и созыву общеевропейского совещания, несмотря на противодействие реакционных сил. Главное сейчас заключается в том, что принципы мирного сосуществования государств с различными социальными системами и их добрососедства неуклонно утверждаются в практике международных отношений в Европе и на всей планете. Министр иностранных дел Италии недавно заявил: «Ратификация Московского и Варшавского договоров открыла новые перспективы для процесса ослабления напряженности в Европе и положила начало более интенсивному и широкому сотрудничеству между странами Западной и Восточной Европы». Министр же иностранных дел Австрии выражает твердое убеждение в том, что «Европа в настоящее время находится на пути к разрядке напряженности, которая, как мы ожидаем, приведет к безопасности и к миру».

Итоги московских переговоров между руководителями СССР и США, ясная классовая и интернационалистическая позиция СССР получили высокую оценку со стороны участников крымской встречи и, как показали события, всех миролюбивых народов, рассматривающих эти итоги как общий успех сил мира и прогресса. Подписанные в Москве советско-американские соглашения уже благотворно сказываются на развитии современных международных отношений. Это чувствуется на проходящей в эти дни в Женеве летней сессии Комитета по разоружению, в предпринимаемых практических шагах советско-американского сотрудничества в области науки, здравоохранения, торговли.

Участники крымской встречи, как и все прогрессивное человечество, осуждают продолжающуюся агрессию американского империализма в Индокитае, варварские бомбардировки городов, населенных пунктов, предприятий и ирригационных сооружений в ДРВ. Страны социалистического содружества оказывают неизменную помощь и всестороннюю поддержку героическому вьетнамскому народу. Что касается положения на Ближнем Востоке, то страны социализма выступают за полный вывод войск Израиля со всех оккупированных арабских территорий и безоговорочное выполнение резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года.

Исторические успехи СССР и братских социалистических стран во всех областях все более меняют соотношение сил на международной арене в пользу мира и социализма. Встреча в Крыму, пишет чехословацкая газета «Руде право», целиком соответствует и нашему чехословацкому опыту и представлению о коллективной разработке стратегии и тактики коммунистического движения. Будапештская «Непсабадшаг» видит в итогах крымской встречи еще одно убедительное доказательство единства стран социализма и согласованности их политической линии. Орган ЦК КПСС газета «Правда» подчеркивает: «Коммунисты, все трудящиеся нашей Родины горячо одобряют итоги и выводы дружеской встречи руководителей коммунистических и рабочих партий, социалистических стран в Крыму»

САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ:

ВЫСОКО ЦЕНЮ ПРОЯВЛЕНИЕ ПОНИМАНИЯ И ДРУЖЕСКУЮ ПОМОЩЬ

А. СОФРОНОВ
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,

специальные корреспонденты «Огонька»

Совершенно естественно, что, находясь в Чили для того, чтобы познакомиться с жизнью чилийского народа, ставшего на путь революционных преобразований, мы высказали пожелание своим друзьям и, в частности, советнику президента по вопросам пропаганды и печати Антонио Бенедикто о том, что очень бы хотели повидаться с президентом республики Сальвадором Альенде.

Антонио Бенедикто ответил:

— Постараюсь все сделать для этого. Надеюсь, президент найдет возможность принять вас.

На другой день, позвонив Антонио, мы узнали о том, что президент готов встретиться с нами после нашего возвращения из Чукикаматы — знаменитых медных рудников, являющихся одним из драгоценнейших богатств Чили, до последнего времени принадлежавших по кабальному договору американской компании «Анаконда», недавно национализированных и перешедших в собственность государства.

Вернувшись из Чукикаматы, мы с грустью узнали: президент заболел. В Чили в это время была зима. В столице перепадали дожди и даже, что бывает здесь чрезвычайно редко, снег. Время нас подгоняло: были запланированы поездки в другие районы страны. Мы снова улетали в Пунта-Аренас для того, чтобы побывать на Огненной Земле.

За два дня до отлета из Чили, поздно вечером, мы вернулись в Сантьяго. Наутро в нашем посольстве мы застали советского посла в Чили Александра Васильевича Басова, собирающегося на прием к президенту.

— Он еще не поправился окончательно,— сказал Басов,— принимает в личной резиденции... Но я напомню о его обещании встретиться с вами. Ждите у телефона.

Басов уехал.

А через полчаса раздался телефонный звонок. Мы отправились в резиденцию президента.

В памяти невольно возникли воспоминания четырнадцатилетней давности, когда мы, группа советских журналистов, были в Сантьяго и по приглашению чилийских друзей оказались на митинге, посвященном выборам президента Чили. Трудящиеся Чили выдвинули тогда кандидатуру известного общественного деятеля, члена социалистической партии Чили сенатора Сальвадора Альенде. Запомнились факелы, горящие в темноте позднего вечера, и пламенное выступление Сальвадора Альенде.

Во время тех выборов Альенде, собрав значительное число голосов, все же был побежден представителем правых сил Хорхе Алессандри. Об этом мы узнали уже позже, вернувшись из Латинской Америки в Москву.

Через несколько лет мы снова встретились с Сальвадором Альенде, на этот раз на Кубе, на конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, получившей тогда звучное название «триконтиненталь». Сальвадор Альенде был главой чилийской делегации и поддерживал дружеские и деловые отношения с советской делегацией, возглавляемой Шарафом Рашидовым.

А теперь вот снова предстояло встретиться с человеком, прошедшим большой и сложный путь политической борьбы и на собственном опыте познавшим, что достижение победы лежит через объединение всех прогрессивных сил народа.

В эти дни внимание чилийцев было приковано к провинции Кокимбо, где происходили выборы депутата в парламент, взамен умершего. Покойный депутат был коммунистом. Коалиция Народное единство выдвинула своим кандидатом члена Компартии Чили Аманду Альтамирано, объединенная оппозиция — члена т. н. левой радикальной партии Орландо Поблетте.

Накануне по пути из Пунта-Аренаса в Сантьяго мы прочли в газете, что коммунистка Альтамирано собрала более чем на восемь тысяч голосов больше, чем Поблетте. Это была внушительная победа, важная не только для провинции Кокимбо, но и для всех прогрессивных сил Чили...

Мы сидели в приемной, когда на пороге вместе с А. В. Басовым появился Альенде. Он был в мягкой темно-синей теплой куртке.

Поздоровавшись, он сказал:

— Может, выйдем на солнце? Сегодня хороший день.

Мы вышли на широкую веранду, на которой возле небольшого столика стояли легкие металлические стулья, окрашенные в белый цвет. Альенде чуть покашливал. Простуда еще не прошла.

Мы поздравили президента с успехом на выборах в Кокимбо. Лицо его мгновенно изменилось, глаза засверкали. Он снова пригласил нас в гостиную.

— Да,— сказал он, усаживаясь в кресло,— выборы в Кокимбо имеют чрезвычайно большое политическое значение. Впервые в истории здесь левые силы при голосовании выиграли у объединенной оппозиции. На выборах президента республики, если соединить кандидатуры Томича и Алессандри, в этой провинции у них было на десять тысяч голосов больше.— Альенде протянул нам газету «Ультима ора», на первой странице которой крупно было напечатано:

Кокимбо

1970:	Народное единство	41 080
	оппозиция	52 876
1972:	Народное единство	50 482
	оппозиция	42 309

— Лично я, как кандидат в президенты, выиграл во время прошлого голосования, но в итоге в этой провинции мы тогда потеряли. Нынешние выборы в Кокимбо были более определенными. Победила женщина, член коммунистической партии, а вся оппозиция проиграла выборы. Надо иметь в виду, что кандидат оппозиции принадлежит к левой радикальной партии. Всем известно, что родиной радикализма в Чили является провинция Кокимбо. Оппозиция возлагала очень большие надежды на выигрыш в этих выборах и приложила для этого все силы. Кампания была направлена непосредственно против коммунистов. Оппозиция ставила вопрос: коммунизм или радикализм? — Альенде остановился, словно взвешивая всю остроту такой постановки вопроса, затем сказал: — В этих выборах для успеха с двух сторон были использованы и свои символы, особенно для неграмотных избирателей. В бюллетенях левых радикалов был обозначен петух. Символом компартии являлся серп и молот. Оппозиция вела кампанию, стараясь внушить избирателям, что тот, кто голосует за петуха, тот голосует за Чили, а кто за серп и молот — тот за Россию.— Альенде посмотрел на нас.— Даже, видите ли, не за Советский Союз, а за Россию.— Президент улыбнулся и, покачав головой, увлеченно продолжал: — Выборы в Кокимбо имеют большое значение и в международном плане. Это четвертая подряд победа народных сил Чили. При выборах в КУТ (Единый профцентр трудящихся Чили) было подано в общей сложности за эти силы

Stgo 18 julio 72
Por intermedio de la Revista
Ogonek - saludo cordialmen-
te a los compañeros dirigen-
tes del gobierno y del Partido
y al pueblo soviético en
nombre de los trabajadores
chilenos y reitero mi
confianza en la construc-
ción socialista en que
estamos empeñados. Les
estoy agradecido la compren-
sión y ayuda solidaria que
hemos recibido de parte de la
Unión Soviética. S. Allende

От имени чилийских трудящихся сердечно приветствую через журнал «Огонек» руководителей правительства и партии, весь советский народ. Выражаю уверенность в успешном строительстве социализма в нашей стране. Высоко ценю проявление понимания и дружескую помощь, оказанную Советским Союзом.

С. АЛЬЕНДЕ

около 70 процентов голосов. Мы допустили при этих выборах известную ошибку — выдвинули кандидатуры раздельно, но в сумме мы все равно выиграли. Как вы знаете, председателем избран коммунист Фигероа.

Народное единство победило и при выборах в Федерацию студентов Чилийского университета. Президентом там также избран коммунист, а в совет федерации вошли от Народного единства левый христианин, сын бывшего кандидата в президенты Томич, а также социалист, радикал и представитель МАПУ. И в Техническом университете избраны: ректором — коммунист и проректором — социалист. Таким образом, выборы в Кокимбо — это четвертая подряд победа объединенных народных сил. Альенде говорил все это с большим внутренним удовлетворением. Видно было, что выборы в провинции Кокимбо прошли, что называется, через сердце президента.

Но нам этого было мало. Нам хотелось еще услышать из уст президента ответы на наши вопросы.

— Что сделано правительством за этот полуторагодовой период? Какие планы укрепления экономики страны? Как развивается сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами?

Альенде улыбнулся, давая понять, что на каждый вопрос можно ответить очень много. Затем, словно размышляя, он начал говорить:

— Главное, что характеризует этот короткий период,— это то, что мы вырабатываем у нашего народа новое сознание, воспитываем революционную волю, чтобы завоевать экономическую независимость и одновременно решительно порвать с политической зависимостью. Такая политика правительства позволила нам вернуть в лоно родины медь, железо, ликвидировать латифундии, национализировать банки и различные предприятия монополистической промышленности.— На мгновение Альенде остановился.— Конечно,— продолжал он жестко,— вся эта наша деятельность создала ряд трудностей как внутри страны, так и вне ее. Но иначе и быть не могло. К счастью, мы не одиноки в борьбе. Мы сохранили деловые отношения с рядом капиталистических стран. Но главное — это то, что мы открыли большую дорогу сотрудничества с социалистическими странами. Особо я хочу отметить наши дружеские, деловые отношения с Советским Союзом. Сейчас заключены соглашения по вопросу сотрудничества в области экономики, науки, техники, культуры. Это относится к поставкам оборудования, расширению торговли и банковских кредитов. Это действенное техническое содействие и помощь. Я бы сказал, решающая помощь. Все это делается не только для непосредственных сегодняшних нужд, но и для последующего периода. Делается для строительства новых промышленных объектов, жилищ, предприятий обрабатывающей промышленности, развития добычи меди. То же самое можно сказать о помощи в геологоразведочных работах. В перспективе намечаются использование атомной энергии для мирных целей и также работы по изысканию пресной воды в пустыне. Помимо этих соглашений, мы получили большую дружескую помощь в связи с прошлогодним землетрясением в Чили. Мы расцениваем это как проявление братской солидарности. Мы также благодарны за подарок Советского Союза — домостроительный комбинат, который строится сейчас в Вальпараисо и должен войти в действие в октябре этого года. Хотелось бы отметить также большое значение, которое имеет для нас обмен делегациями как на высшем политическом и правительственном уровне, так и обмен экономическими и торговыми делегациями. Не могу не отметить чрезвычайный успех посещения нашей страны Валентиной Терешковой. Она оставила огромное впечатление в самых разных кругах нашего общества. Мы с особым чувством отмечаем, что, даже когда она вернулась на родину, она не забыла Чили, направила подарки для чилийских женщин и сердечные письма.

В приемной послышались голоса. Альенде взглянул на часы.

— Наше будущее,— сказал он, заканчивая беседу,— идти постоянно вперед и производить больше по той программе, которую мы наметили. Мы должны дать уверенность разным секторам нашего общества, в частности мелким и средним торговцам, служащим и другим, в прочности их положения. И самое главное, что нам необходимо,— это увеличить производство продуктов и товаров. Мы ставим перед собой реальные цели, и важно, чтобы выполнение этих целей способствовало развитию революционного процесса.

В комнату вошел помощник президента в форме морского офицера. Мы поднялись.

— Последняя просьба,— обратились мы к президенту Чили,— написать несколько слов для того, чтобы мы могли опубликовать их на страницах нашего журнала.

— Пожалуйста... С удовольствием,— сказал президент и наклонился над низеньким столиком. Через несколько минут он протянул нам лист бумаги.— Почерк у меня малопонятный,— сказал он.

В комнату вошло несколько человек. Среди них была знакомая уже нам женщина, старший специалист по продаже меди Мария-Изабелла Камус.

— Давайте вместе сфотографируемся,— предложил Альенде.— Вы уже посетили медные рудники Чукикаматы — вот она, главный наш специалист. Как видите, все доверили женщине...

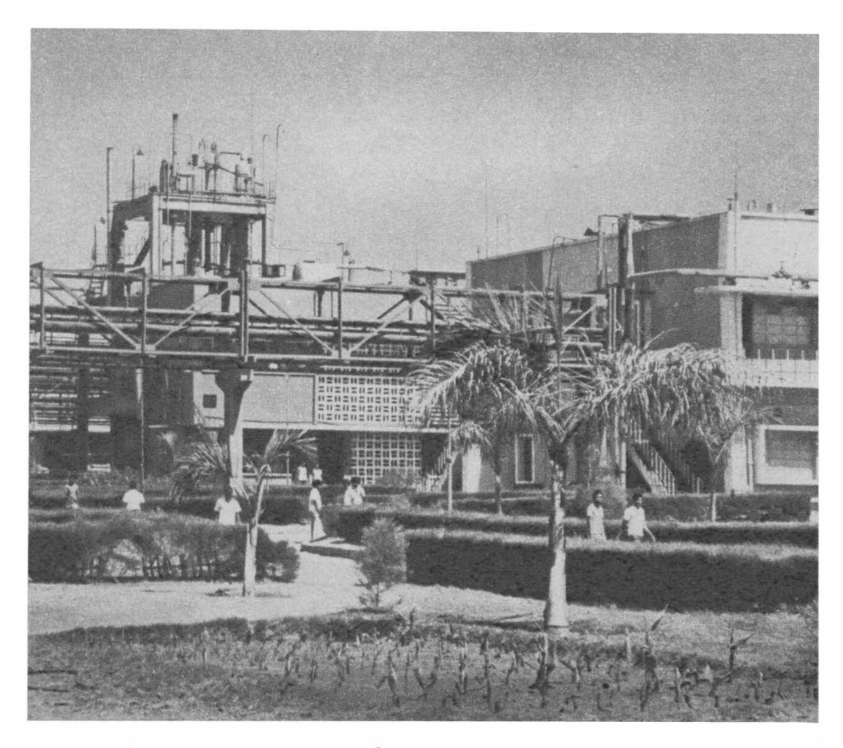
Щелкнул фотоаппарат, мы попрощались и вышли из гостиной.

Был яркий, солнечный день. Снежные вершины гор, окружающие Сантьяго, ослепительно блестели.

Чили. Сантьяго.
Июль. 1972.

ДЖАЙ ХИНД!

К 25-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ

Завод химико-фармацевтических препаратов в Хайдарабаде, построенный при содействии СССР.
Фото ТАСС.

Павел ЕРЗИН

В ночь с 14 на 15 августа 1947 года огромная древняя страна — седьмая в мире по размерам территории и вторая по численности населения — освободилась от векового гнета колониализма. Улицы городов и селений залили разноцветные огни иллюминаций. Никто не спал. Как только стрелки часов перевалили за полночь, торжественные звуки национального гимна перекрыли ликующие возгласы «Джай Хинд!» — «Да здравствует Индия!». В этот момент премьер-министр Джавахарлал Неру поднял оранжево-бело-зеленый флаг, навсегда заменивший английский «Юнион Джек». Индия, обескровленная многовековым колониальным господством, начала свою новую жизнь.

Мне довелось принимать непосредственное участие в установлении первых контактов Советского Союза с Индией, встречаться и беседовать с ее лидерами, бывать в различных городах и общаться с представителями всех слоев индийского населения.

Восьмого декабря 1947 года самолет «ИЛ-12» доставил в Дели небольшую группу сотрудников первого советского посольства в свободной Индии. Сразу же после прибытия в Дели нас пригласил к себе в резиденцию Джавахарлал Неру. Там мы встретились с его сестрой Виджая Лакшми Пандит и генеральным секретарем МИДа Индии Джирджи Шанкаром Баджпаем. Во время беседы Неру сказал, что по всем вопросам, связанным с открытием советского посольства, он просит обращаться к нему лично в любое время, без соблюдения какихлибо формальностей. Неру обратился к нам с просьбой: разрешить г-же Пандит вылететь в Москву на нашем самолете «ИЛ-12». Виджая Лакшми Пандит только что возвратилась из США, где она возглавляла индийскую делегацию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и направлялась в Москву в качестве первого посла независимой Индии. Первым же советским послом в Индии был назначен видный дипломат Кирилл Васильевич Новиков.

Не успели газеты сообщить о прибытии в Дели группы сотрудников советского посольства, как нам посыпались письма.

Индийцы выражали удовлетворение установлением отношений между нашими странами, желали успехов посольству и всему советскому народу в социалистическом строительстве.

А как тепло в городах Индии встречали первые советские делегации! Народный артист СССР Н. К. Черкасов, приезжавший в Индию с известным кинорежиссером В. И. Пудовкиным, восторженно рассказывал, что такой прием он видел лишь в театре, когда по ходу пьесы надо было оказать почести высокопоставленной королевской особе. Прекрасно прошел визит в Индию на ежегодную сессию Всеиндийского научного конгресса академика В. А. Энгельгардта и д-ра Бутрова. Они свободно владели английским языком и часто выступали на публичных митингах и собраниях, вызывая неизменный интерес аудитории.

Первую выставку советского изобразительного искусства, которую привезли в Индию живописцы В. П. Ефанов и С. А. Чуйков, открывал в Дели известный политический деятель, министр образования Абдул Азад. К началу 50-х годов установились торговые отношения между СССР и Индией. Первоначально Советский Союз поставлял в Индию сельскохозяйственные удобрения, газетную бумагу, отдельные виды промышленной продукции, а закупал в Индии чай, джут, кожи и другие товары.

На всю жизнь запомнилось прибытие в Бомбей весной 1951 года советского судна с пшеницей. Это был дар нашей страны жертвам стихийного бедствия. Жители Бомбея в течение трех дней стоянки судна в порту шли непрерывным потоком на корабль и выражали советскому народу сердечную благодарность за братскую помощь в беде. С тех пор сотни советских судов побывали в портах Индии.

За годы независимости сложились и успешно развиваются дружественные отношения между Индией и Советским Союзом. Маяками этой дружбы являются около 70 крупных современных предприятий, построенных и строящихся на индийской земле при содействии Советского Союза. На их долю приходится более 30 процентов производимой в стране стали, 80 процентов — продукции тяжелого машиностроения, 60 процентов — электрооборудования. На этих предприятиях непосредственно трудятся около 170 тысяч рабочих и служащих. Широкие связи установила Индия с Советским Союзом в области науки, культуры и искусства.

Новым значительным шагом в развитии наших отношений явился Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Республикой Индией, подписанный в Дели 9 августа 1971 года. Этот договор подготовлен всем предшествующим развитием дружественных отношений между обеими странами. Договор открывает новые благоприятные перспективы для развития дружбы и сотрудничества между СССР и Индией, для широкого упрочения всеобщего мира и международной безопасности. Индия подходит к своему знаменательному юбилею с большими успехами во всех областях. Это очевидно для всех.

ПРАЗДНИК НА ТЮМЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

В городах и рабочих поселках Тюменской области прошел большой праздник — Дни советской литературы, посвященные 50-летию образования Союза ССР. Посланцы одиннадцати союзных и восьми автономных республик нашей страны, а также писатели братских социалистических стран встречались и беседовали с нефтяниками и судостроителями, геологами и речниками, провели писательскую конференцию по теме «Рабочий класс в литературе народов СССР». Выступая на заключительном вечере, секретарь правления СП СССР А. Кешоков сказал: «Нет сомнения, что герои труда станут героями наших новых книг».

Одним из значительных событий праздника явилось торжественное открытие в Тобольске памятника великому русскому сказочнику Петру Павловичу Ершову.

АМАДУ — ЗНАЧИТ «ЛЮБИМЫЙ»...

Жоржи Амаду — шестьдесят!

Со всех концов света идут в эти дни в Бразилию поздравительные телеграммы. «Круглая» дата в жизни писателя не прошла не замеченной его читателями и почитателями.

Впрочем, если быть точным, дат две. Ровно 40 лет назад вышла первая книга тогда совсем еще юного литератора. Называлась она «Страна карнавала». Это была едкая сатира на столичных интеллигентов, оторвавшихся от народа.

Выбор темы не был случайным. Жоржи Амаду органически не приемлет тех, кому чужды проблемы задавленного нищетой и эксплуатацией народа. Недаром народ был и остается главным героем его книг — их за четыре десятилетия создано почти два десятка,— а местом действия большинства своих романов Жоржи Амаду избрал

Тобольск. Открытие памятника П. П. Ершову.

На строительстве Сургутской ГРЭС. Старший инженер по технике безопасности Лидия Григорьевна Чернавская, поэты Сильва Капутикян (Ереван), Виктор Боков (Москва), Виктор Кочевский (Киев).

Фото Н. Кочнева.

Баию, «землю какао», свой родной штат, самый, как принято говорить здесь, «афро-бразильский штат Бразилии».

Всего-навсего один штат... Но в этом нет «провинциализма». Жоржи Амаду создает удивительные по силе экспрессии, широкие социальные полотна.

С присущим ему характерным бразильским юмором, щедро используя фольклор, Жоржи Амаду лепит незабываемые характеры. Складывается впечатление, что живые, реальные люди «населяют» его книги. В городе Сальвадоре, столице штата Баия, меня знакомили по крайней мере с дюжиной людей, утверждающих, что именно их Жоржи Амаду «вставил» в свои книги. Так ли это? Сам Жоржи Амаду только улыбается в ответ.

Доподлинно известно, что лишь однажды крупнейший современный романист и публицист Бразилии перенес на страницы книги судьбу реального человека. Книга эта — «Жизнь Луиса Карлоса Престеса, «Рыцаря Надежды». Она написана в 1942 году. Работая над книгой о находившемся в заточении легендарном вожде бразильских коммунистов, Жоржи Амаду всерьез, как все, что он делает, занялся изучением работ классиков марксизма-ленинизма. Сыновняя любовь к трудовому люду Бразилии, стремление еще эффективнее служить его интересам привели Жоржи Амаду без малого 30 лет назад в ряды Бразильской коммунистической партии.

Это произошло в конце второй мировой войны. Победа над фашизмом в Европе благотворно сказалась на политической обстановке многих стран мира, в частности Бразилии. В результате наметившейся тенденции к либерализации режима Бразильская коммунистическая партия получила возможность выйти из многолетнего подполья. Луис Карлос Престес был освобожден из тюрьмы, стал сенатором республики.

Впрочем, вскоре партия вновь подверглась жестоким полицейским репрессиям. Лишь в начале 60-х годов, в период правления президента Ж. Гуларта, наступила относительно спокойная пора. Конец ей положил переворот 1964 года: вновь начались гонения на прогрессивно мыслящих людей, «охота на ведьм», преследования коммунистов, ссылки.

Будем объективны, лично Жоржи Амаду они не коснулись: повидимому, даже отъявленные антикоммунисты, узурпировавшие в то время власть, не решились поднять руку на одного из выдающихся деятелей бразильской культуры, ее гордость и славу.

Был схвачен сын, студент... Начали притеснять Джеймса, брата писателя... Арестовали многих друзей...

Жоржи Амаду протестовал против арестов патриотов, обличая произвол и репрессии. Нередко его протесты достигали цели: арестованных выпускали на свободу.

Это было нелегкое время. Мне довелось в те годы жить и работать в Бразилии. Свидетельствую: именно тогда в коротко остриженных волосах всемирно известного романиста появилась седина.

Таков Жоржи Амаду, выдающийся писатель, борец, гражданин, видный общественный деятель, член Всемирного совета мира, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», член Бразильской академии словесности. Громкие, почетные титулы... И есть еще один — необычный. Для простых людей Бразилии Жоржи Амаду просто «амаду», что по-португальски означает «любимый».

Вадим ПОЛЯКОВСКИЙ

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР!

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Темы дня — жара и матч Спасский — Фишер. На этот раз от шахматной горячки страдают без исключения все. О матче Спасский — Фишер говорят всюду и все, в перерыве и в рабочее время.

В середине июля в одной редакции мы обсуждали старт в Рейкьявике. В дискуссию вмешалась уборщица. Она сказала: «Не волнуйтесь: наш Борис его «причешет». Он ведь всегда выигрывал у этого, как его... Фишера». Эта пожилая женщина была хорошо информирована и знала, что Фишер до этого матча никогда не выигрывал у Спасского. Как известно, долг платежом красен, но в данном случае никто из нас не обиделся бы на Фишера, если бы он был менее аккуратен в своих расчетах со Спасским. Однако за каких-то три недели Фишер успел полностью рассчитаться за 12-летние долги и захватить лидерство в этом матче.

Что случилось? Что происходит со Спасским? Вопросов много, еще больше догадок. Ответить на все вопросы куда труднее, чем, скажем, угадать все шесть чисел в «Спортлото». Наши и иностранные журналисты до сих пор утверждают, что в предматчевом скандале Фишер своими выходками взвинтил нервы Спасского. Согласен: Фишер, мягко выражаясь, не показал джентльменских манер. У Спасского имелась прекрасная возможность наказать Фишера, а именно несколькими сильными ударами за шахматной доской. Так он и собирался поступать, как он это сделал в первой партии, но это ему не удалось.

Чем объяснить причину неудач Спасского? Распространились различные версии. Фишер привез из США свое личное кресло, и это кресло подсказывает ему все хорошие ходы. Но если это так, то почему таинственный «подсказчик» допустил поражения Фишера в первой и одиннадцатой партиях? Мы живем в век фантастики, и поэтому версий немало. Если кресло Фишера ни при чем, то, значит, Фишер гипнотизирует Спасского. Версия насчет гипноза не нова. Любители шахмат старшего поколения помнят, как Ласкер «гипнотизировал» своих партнеров. А молодое поколение знает и помнит, какими «гипнотическими» свойствами обладал Таль. Но как только Таля раскусили, то все перестали говорить о гипнотизере из Риги, и теперь после какой-нибудь неудачи рижанина говорят, что Таль играет, как загипнотизированный. Вот как меняются времена. Убежден, что будут перемены и с Фишером.

Никак не хочу сказать, что я умнее, чем другие комментаторы, но мне кажется, что найти причину неудач Спасского не так уж трудно. Начнем с того, что Фишер после его блестящих побед в турнире претендентов чистосердечно и объективно признался: «Я ничего нового в шахматах не придумал. Я только четко и строго наказываю противника за допущенные ошибки». Это признание самого Фишера нам значительно облегчает расшифровку событий в Рейкьявике. Фишер в матче со Спасским тоже ничего нового в шахматах не придумал (кроме, конечно, некоторых теоретических новинок, что сделал и Спасский). Но Фишер верен своей тактике сурово наказывать за погрешности. И надо сказать, что в этом смысле он в Рейкьявике не сидел без дела. Если в 10 партиях Фишер только в первой допустил грубую ошибку, то у Спасского имеется немалый их комплект. В сыгранных партиях были у Фишера хорошие фрагменты, была и прекрасная победа в десятой партии, но во многом, не умаляя успехов американца, надо признать, что он находился на «иждивении» у Спасского.

В какой-то степени в Рейкьявике мы видим нового Фишера и, к сожалению, не старого Спасского, Спасского 1965—1969 годов. Что же произошло?

Спасский сам упрекал Фишера в том, что у него узкий дебютный репертуар. Спасибо за хороший совет, как бы ответил американец и за последнее время много работал, перестроился и значительно расширил свой репертуар.

Фишер как-то упрекал Спасского в том, что чемпион мира, как это ни парадоксально, мало играет в шахматы! Действительно, за три года Спасский в ранге чемпиона мира не выступал в чемпионатах СССР и с нашими ведущими гроссмейстерами встречался редко, чаще всего за рубежом.

И вот приходится констатировать, что в первой половине матча Фишер был в отличной форме, а Спасский в плохой.

Что же будет дальше? Дела Спасского безнадежны? Нет, это не так. Дела чемпиона мира, разумеется, неутешительны, но выражение «безнадежны» неподходяще. Ведь пройдена только половина матча. У Спасского еще есть время на ходу перестроиться. Об этом свидетельствует одиннадцатая партия. Как Спасский растерзал Фишера! Такого удара никогда Фишеру еще не наносили. Перелом в матче? Это видно будет, но в любом случае мы убедились, что у Спасского появилась присущая ему меткость удара.

В Рейкьявик съехалось много знаменитых гроссмейстеров. Приехал в Исландию и Б. Ларсен. Он заявил журналистам, что победить Фишера может лишь он и Спасский (после 0 : 6 в матче с Фишером заявление Ларсена звучит не очень убедительно). Правда, после десятой партии Ларсен махнул рукой на Спасского и собирался вылететь домой, но, увидев одиннадцатую партию, вернул билет и считает, что матч снова начинается.

Что верно, то верно. Одиннадцатая партия должна окрылить Спасского. Прибавить ему уверенности.

Спасский в июле нас неоднократно разочаровывал, но чемпион мира не вышел из доверия. Мы верим, что весь август Спасский будет сражаться, как лев, и постарается наверстать упущенное.

Еще не вечер! Тем более, что Рейкьявик славится своими белыми ночами...

КАРЛ БРЮЛЛОВ В РИМЕ

Иван БОЧАРОВ, Юлия ГЛУШАКОВА

26 июня 1852 года русский посланник в Риме направил товарищу министра иностранных дел России, в Санкт-Петербурге, срочную депешу: «С искренним сожалением имею честь уведомить Ваше превосходительство о кончине знаменитого нашего художника, профессора живописи К. П. Брюллова, последовавшей 11 (23) сего июня, в местечке Манциана, в 30 милях от Рима... кончина его была так скоропостижна, что он был в тот день с утра на ногах, обедал по обыкновению, как вдруг сделался с ним припадок удушья, и часа через три он испустил дух, в совершенной памяти, прежде, нежели прибыл доктор. По распоряжению миссии тело перевезено было в Рим и сего дня похоронено».

В Риме в те дни находился мало тогда кому известный молодой человек из России, которому впоследствии суждено было сыграть большую роль в судьбах отечественного искусства. Звали его Владимир Васильевич Стасов. Болезнь помешала Стасову присутствовать на похоронах Брюллова, но едва будущий знаменитый художественный критик стал на ноги, он тут же с присущей ему энергией и страстностью принялся за розыски творений Брюллова, созданных художником после приезда в Рим в 1850 году.

Письмо Стасова «Последние дни К. П. Брюллова и оставшиеся в Риме после него произведения», опубликованное в 1852 году в «Отечественных записках», по сей день является основным источником сведений о жизни и творчестве художника в 1850—1852 годах. В нем содержится упоминание более чем о трех десятках крупных работ Брюллова — живописных полотнах, акварелях, рисунках. Из них только шесть картин, этюдов и эскизов маслом в настоящее время находятся в Советском Союзе, включая знаменитый портрет итальянского археолога и востоковеда Микельанджело Ланчи, который по праву украшает Третьяковскую галерею.

Против всех остальных работ Брюллова, упоминаемых Стасовым, во всех современных каталогах указано: местонахождение неизвестно. В цвете эти работы не воспроизводились.

Между тем портрет Ланчи, например,— произведение замечательное, свидетельствующее о том, что безнадежно больной художник до самых последних дней не утратил удивительной остроты и живости в восприятии жизни, людей, сохранил неувядаемым свое живописное дарование.

Высоко оценивал Стасов и созданную Брюлловым на закате жизни в Риме портретную галерею семьи Титтони, с которой был дружен художник: Анджело Титтони, его матери Екатерины, дочери Анджело — Джульетты.

Но наибольшее впечатление на критика произвел эскиз маслом «Всеразрушающее время»— картина, которая «должна была вместить всю пролетевшую историю мира...» и «быть огромных размеров, нечто вроде «Страшного Суда» Микельанджело».

Составив подробную характеристику живописного наследия художника последних лет его жизни, Стасов лишь очень бегло остановился на итальянском окружении Брюллова, в частности на семье Титтони.

Кто были эти Титтони?

Почему Брюллов в Риме 50-х годов прошлого века ближе всего сошелся именно с Анджело Титтони, по словам Стасова, «оптовым торговцем всеми сельскими произведениями и всяким скотом»? Где сейчас составляющие гордость русского искусства полотна художника, о которых в 30-х годах нашего века в одной итальянской публикации промелькнуло лишь сообщение о том, что часть из них тогда по-прежнему находилась у наследников Анджело Титтони?

Задавшись целью разыскать эти произведения Брюллова в Риме, мы прежде всего занялись изучением родословной Титтони. Толчком к этому послужило одно случайное открытие, сделанное нами как-то во время воскресной прогулки по тенистому Яникульскому холму, откуда открывается захватывающий вид на «вечный город». «Джаниколо» — так звучит по-итальянски название холма — ныне превращен в своеобразный гарибальдийский мемориал. Здесь стоят конные статуи Аниты и Джузеппе Гарибальди, а вдоль Аллеи героев под сенью вековых платанов установлены бюсты виднейших участников Рисорджименто — движения за национальное освобождение и единство Италии. Справа от памятника Джузеппе Гарибальди мы обнаружили бюст с надписью на основании: «Анджело Титтони».

Нам показалось, что моделью и для бюста и для известного портрета Брюллова служил один и тот же человек. Правильные черты лица, форма носа, коротко остриженная бородка — все это повторялось и на скульптурном и на живописном портретах.

Мы засели за изучение публикаций по истории Рисорджименто в поисках сведений о римском гарибальдийце Анджело Титтони. Нам удалось установить, что Анджело Титтони начиная с 40-х годов прошлого века — активный участник патриотического антипапского движения. Во время революции 1848 года и Римской республики — он член революционного муниципалитета города, и его имя в те дни часто можно было видеть под обращениями к гражданам властей Рима. Будучи полковником сформированной в ходе революции национальной гвардии, Анджело Титтони участвовал в героической обороне республики. Любопытное совпадение: батарея, руководимая полковником Анджело Титтони, занимала позиции как раз на Яникульском холме, неподалеку от церкви Сан Пьетро ин Монторио, о разрушении которой французами упоминал в одном из своих писем Брюллов...

После поражения революции 1848 года Анджело Титтони и его брат Винченцо продолжают участвовать в патриотическом движении: они играют видную роль в подпольных организациях Рима, выступавших с идеей ликвидации Папского государства и воссоединения Италии под эгидой Пьемонтского королевства. В 1859 году оба брата Титтони, опасаясь преследований папских властей, эмигрируют в Тоскану, где продолжают патриотическую деятельность вплоть до окончательной победы движения Рисорджименто, освобождения Рима от власти пап и объявления его в 1871 году столицей объединенной Италии.

Но подтверждения тому, что римские патриоты братья Титтони и друзья Брюллова — одни и те же люди, в итальянских источниках мы найти не смогли. Оставалось одно — попытаться разыскать потомков Анджело и Винченцо Титтони и через них выяснить, состояли ли их предки в середине прошлого века в дружбе с русским художником Брюлловым и какова судьба написанных художником в те годы работ.

Предприятие нелегкое, почти безнадежное через 120 лет после смерти художника.

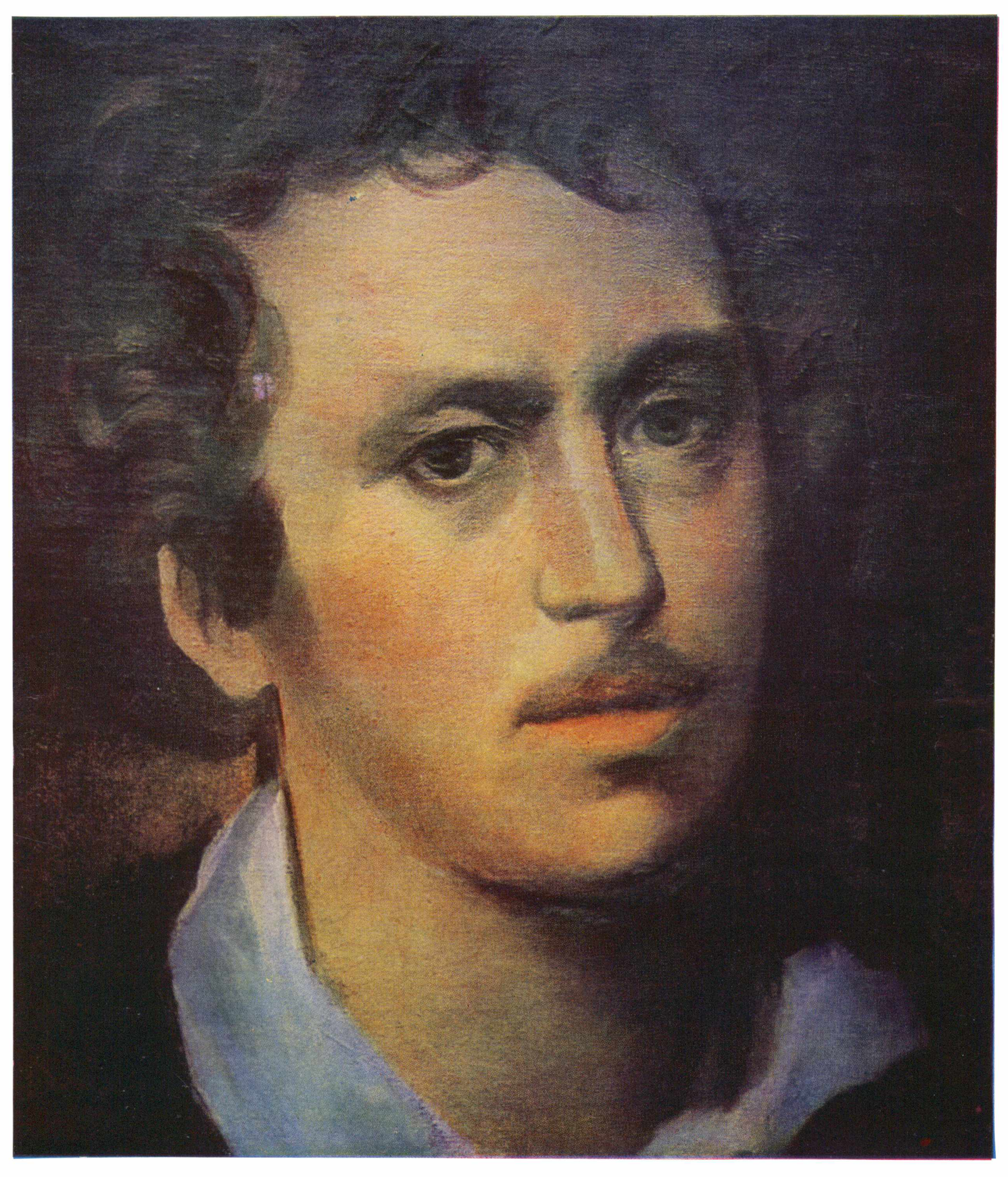
Римский телефонный справочник, к которому мы обратились, чтобы выяснить адреса жителей города по фамилии Титтони, поверг нас в уныние: римлян, носящих эту фамилию, согласно справочнику, было за сотню. И тут нас осенило. А что если начать с Манцианы? Титтони, окажись таковые в Манциане, скорее должны иметь родственные узы с друзьями Брюллова, чем сотня их однофамильцев в трехмиллионном современном Риме.

Раскрыли третий том телефонного справочника «Рим — провинция»: в Манциане значилось три телефонных номера, записанных за Титтони. И можно было тут же позвонить по каждому номеру и навести справки по интересующему нас вопросу. Но мы решили съездить в Манциану и встретиться там лично со всеми однофамильцами и возможными потомками нашего героя.

В первый же свободный воскресный день мы направились в Манциану. Из Рима туда ведет старая Авврелиева дорога, проложенная еще древними римлянами от «Урбе» до нынешнего Парижа. Скоро вдали блеснула голубая чаша озера Брaччано, и над ней показалась темная громада старинного замка Орсини-Одескальки. Начинались брюлловские места.

В Манциане нам охотно рассказали, где находятся нужная нам улица и дом — адрес тех Титтони, которые в телефонном справочнике значились первыми.

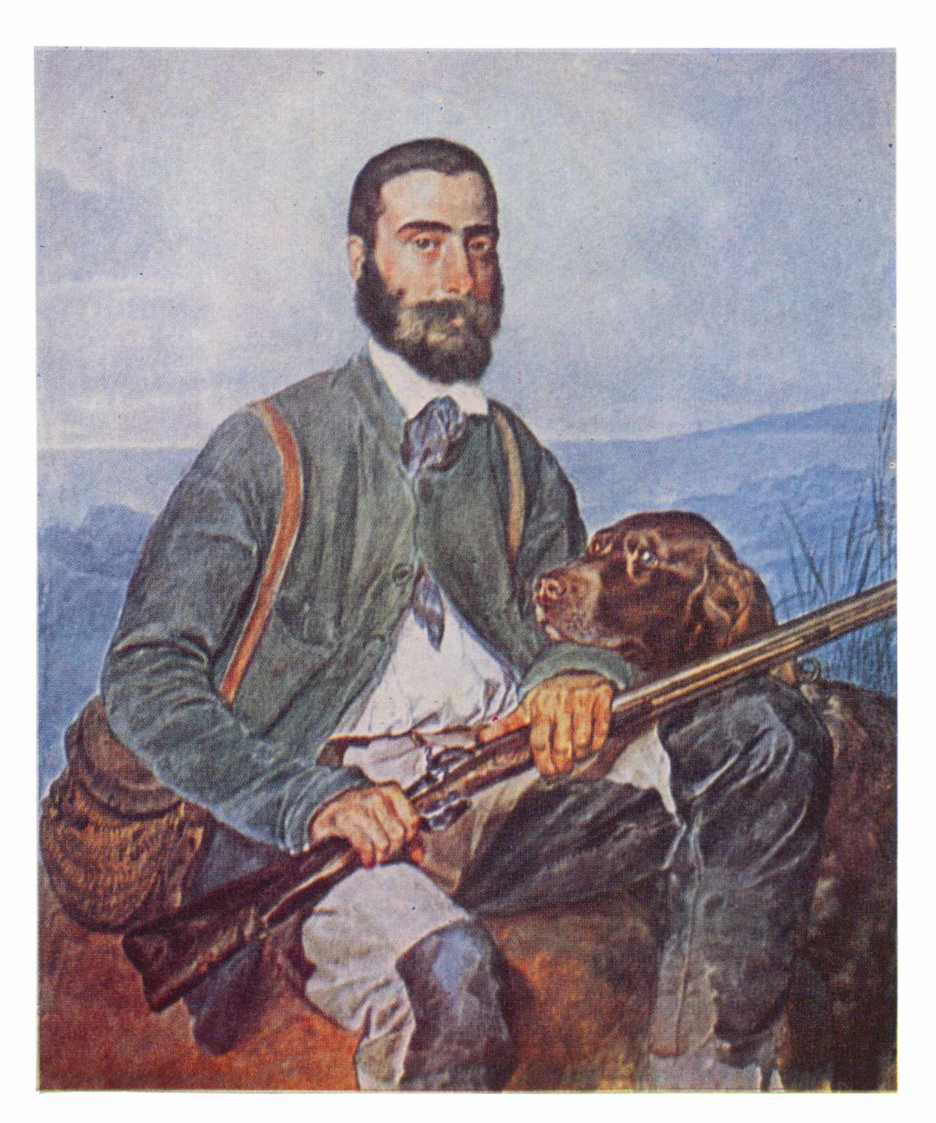
Мы подъехали к ничем не примечательному, довольно обшарпанному особняку. Жалюзи в доме на всех окнах, выходивших на улицу, были закрыты. Вообще дом с его облезшей штукатуркой и растрескавшейся дверью, с давно не чищенной фигурной бронзовой ручкой производил впечатление нежилого помещения. Но мы на всякий случай все же позвонили. Щелкнул автоматический электрический замок, и дверь медленно приоткрылась. Мы попали в маленькую прихожую, из которой на второй этаж вели мраморные ступеньки (первый этаж в таких домах в Италии обычно нежилой и предназначен для хозяйственных нужд). Сверкающие чистотой прихожая и лестница были в столь явном несоответствии с неказистым внешним видом дома, что казалось, будто на наших глазах произошла смена театральной декорации. С потолка прихожей, украшенного старинной лепкой, свешивался великолепный светильник из кованого железа и разноцветного венецианского стекла. В сте-

К. Брюллов. 1799—1852. АВТОПОРТРЕТ.

К. Брюллов. ПОРТРЕТ ТЕРЕЗЫ-МИКЕЛЕ ТИТТОНИ С СЫНОВЬЯМИ.
Акварель.

ПОРТРЕТ МАРИАНО ТИТТОНИ. Акварель.

ны, как в палаццо эпохи Возрождения, были вставлены куски «антиков» — подлинных древнеримских барельефов.

Голоса слышались на третьем этаже. Направились туда. Показалась молоденькая тонкая девушка в белом кружевном переднике, как видно, служанка. Она, ничего не спрашивая, молча указала на входную дверь третьего этажа, где была гостиная с диванами и креслами, в одном из которых у зажженного камина сидел в теплой домашней куртке седовласый мужчина, читавший книгу. Он положил на низкий столик книгу и поднялся, вопросительно глядя на нас. Книга была на французском языке: «Когда же придет день, товарищ?». Мы были знакомы с содержанием этой работы об Октябрьской революции в России, подготовленной к 50-летию Советской власти одним доброжелательно настроенным к нашей стране французским журналистом, и сочли хорошим предзнаменованием, что в этом доме читают подобные книги.

Объяснили цель нашего визита: советские журналисты, собираем документы о жизни и творчестве Брюллова в Риме. А к ним обращаемся потому, что Брюллов в последние годы жизни был очень дружен с одной итальянской семьей, которая жила здесь, в Манциане, и носила фамилию Диттони.

Мужчина с какой-то загадочной улыбкой выслушал нашу несколько сбивчивую речь. Мы уже ожидали, что нам ответят ядовитой шуткой в римском стиле насчет того, например, не хотим ли мы заодно познакомиться с дальними родственниками Юлия Цезаря, который тоже, говорят, когда-то проезжал через эти места. Но хозяин дома, все так же непонятно чему улыбаясь, молча отошел в сторону, снял со стены небольшую раму, заключавшую в себе карандашный рисунок, и протянул ее нам.

На рисунке в карикатурной форме был изображен нескладный, сутулый дядя с заспанной физиономией, взъерошенными волосами и огромным, чисто итальянским крючковатым носом. На рисунке была подпись: «Jo no so niente!» — «Я ничего не знаю!»

— Это Роберто, слуга Брюллова. Говорят, что он не отличался особым прилежанием и на все замечания художника отвечал: «А что я знаю? Я ничего не знаю!»

Мы не верили ни ушам, ни глазам своим, настолько удачным был наш первый же визит в семью итальянцев по фамилии Диттони, и готовы были обрушить каскад вопросов, когда в комнату вошла невысокая женщина с тонким, интеллигентным лицом.

— Моя жена Мария-Джулия. Советские журналисты. Интересуются Брюлловым.

Хозяева пригласили нас устраиваться в креслах у камина: по итальянским представлениям в комнате было прохладно. Синьора Мария-Джулия, указывая на висевший на стене большой фотографический портрет прошлого века, спросила нас:

— Знаете, кто это?

Со старого дагерротипа на нас смотрел снятый вполуоборот мужчина средних лет с коротко подстриженной бородкой, одетый в форму офицера римской национальной гвардии. Правая рука его с отставленным в сторону локтем крепко сжимала рукоятку палаша, левая покоилась на ручке кресла. Некоторая аффектация позы — дань вкусам фотографов того времени — чуть портила впечатление от портрета, от этого благородного, умного и волевого лица.

Мы, конечно, знали. Скульптор, автор бюста Анджело Диттони на Яникульском холме, оказывается, рабски скопировал эту фотографию, высекая портрет своего героя.

— Это мой прадед и друг Брюллова Анджело Диттони. Кстати, в каком году Брюллов приехал в Рим? — спросила синьора Мария-Джулия.

— Из Петербурга он выехал весной 1849 года...

— Да, но с Анджело он встретился позднее. Анджело за участие в революции почти весь 49-й год, до амнистии, был в заключении в замке Святого ангела...

— Действительно, Брюллов не сразу из Петербурга поехал в Италию. Некоторое время он путешествовал по другим странам Европы, потом жил на острове Мадейра. В Рим художник прибыл лишь через год, летом 1850 года...

— К тому времени Анджело был уже на свободе. Неизвестно, где и когда они встретились, Анджело Диттони и Брюллов. Мы знаем только, что они сразу так привязались друг к другу, что художник скоро оставил свою студию и переехал в римский дом Анджело на виа дель Корсо. С тех пор они почти никогда не расставались. Лето русский друг Анджело со всеми Диттони проводил в Манциане. И главное, что поражает: Брюллов ведь знал, что Анджело для папских властей — государственный преступник, от которого ему, иностранцу, надо было держаться подальше, чтобы не навлечь беды и на себя. Любопытная он был фигура, этот ваш Брюллов...

Перед нами совсем в ином свете представала дружба русского художника с итальянским сельским негоциантом Анджело Диттони, дружба, которой удивлялся еще Стасов. Критик наверняка знал, что скрывалось за близостью Брюллова к семье «торговца всеми сельскими произведениями», но он намеренно умолчал об этом в своем письме в «Отечественные записки», ибо рассказать о причастности к революции 1848 года семьи Диттони значило сочинить донос на покойного художника...

Скоро в доме появились три дочери Диттони с мужьями и детьми, приехавшие на уик-энд из Рима. Круг собеседников расширился. Молодежь незаметно перевела беседу на темы более современные, стала расспрашивать о жизни в Советском Союзе, о советской литературе, кино, театре, изобразительном искусстве. Оказалось, что и молодые люди и старшие Диттони великолепно осведомлены о нашей стране, много читают, знают о ее нынешнем дне. Наряду с десятками книг иностранных авторов о Советском Союзе на книжной полке мы увидели том мемуаров маршала Жукова, «Как закалялась сталь» Николая Островского, сборник стихов Ольги Берггольц, книги Михаила Шолохова, Бориса Полевого, Константина Паустовского. Со времен Брюллова в этой семье никогда не умирал интерес к России, к русской культуре.

Когда наступил час обеда и мы решили распрощаться, чтобы не мешать традиционному воскресному слету семьи, нам был предъявлен категорический ультиматум. Вся посильная помощь в розысках о Брюллове будет оказана только в том случае, если мы остаемся обедать. И уже после обеда, как объявила хозяйка, нам будет преподнесен первый сюрприз, который не разочарует нас.

За столом и был выработан план ознакомления с работами Брюллова, перешедшими от Анджело Диттони к его наследникам. Камнем преткновения оставалась «дзия Эмма» — «тетушка Эмма», девяностолетняя старуха, постоянно пребывающая по причине своего преклонного возраста и болезней в загородной клинике. В ее пустующей квартире в Риме — несколько работ Брюллова. Она страшно дорожит ими и, будучи предельно недоверчивой, без собственного присутствия никого в дом не пускает. Благоволит она лишь к своей племяннице Франческе, и все будет зависеть от того, явится ли та к ней в хорошую минуту...

Мы не подозревали, что первый этап плана начнет осуществляться сразу же. После обеда мы вышли с синьорой Марией-Джулией и с зятем Романо на прогулку по Манциане. Подошли к одному из домов центральной улицы. Синьора Мария-Джулия извлекла из сумочки ключи, открыла тяжелую входную дверь, зять, пошарив в темноте, включил рубильник, осветив устланную красной ковровой дорожкой лестницу, по которой хозяева предложили нам подняться на второй этаж. Пока хозяйка открывала ставни и окна в соседней комнате, мы рассматривали живописное убранство прихожей. Наше внимание привлек небольшой незаконченный портрет молодого мужчины с черной бородой, в алой бархатной шапочке. Мы не знали такого портрета у Брюллова. Романо нам сказал, что в семье Диттони тоже неизвестно, принадлежит ли портрет кисти Брюллова, или же это работа одного из русских художников, его современников и друзей.

Однако все говорило за то, что перед нами неизвестная работа Брюллова. И манера наложения мазков, и колористическое решение портрета, и, наконец, сама его незавершенность, незаписанность фона — все это было типично брюлловским.

По-видимому, это один из портретов русских художников, живших в Риме одновременно с Брюлловым в первый итальянский период его жизни (1823—1835 годы), когда, как свидетельствует Ф. И. Иордан, художник «занимался рисованием небольших портретов со своих сотоварищей». Скорее всего это портрет молодого Александра Иванова. Несомненно сходство изображенного Брюлловым молодого человека с известными нам более поздними портретами автора «Явления Христа народу» и совпадение черт облика его с некоторыми чертами внешности Александра Иванова, сообщаемыми им самим в письме к отцу в середине 30-х годов, где он говорит, что имеет «бакенбарды легкие, но усы и бороду значительные». Но, помимо бороды и усов, сходство прослеживается в верхней части лица, в форме надбровных дуг, глазниц и особенно линиях прямого носа и нервно очерченных ноздрей. Поскольку портрет находился в Манциане, Стасов мог его и не видеть, чем и объясняется отсутствие упоминания о портрете в перечне произведений Брюллова, приводимом критиком в «Отечественных записках».

Синьора Мария-Джулия пригласила нас пройти в комнату, где она открыла ставни и окна. Половину комнаты занимала большая кровать из полированного орехового дерева. Две тумбочки, старинный комод-трюмо. Несколько кресел и стульев. В углу — подставка с мужским бюстом из гипса.

— Здесь жил и умер Карл Брюллов,— объясняла Мария-Джулия.— Сто лет назад Анджело Диттони с семьей жил в этом доме. Согласно его завещанию, здесь все осталось так же, как в день смерти художника. Бюст — прижизненный скульптурный портрет Брюллова работы неизвестного нам автора.

Долго стояли мы в комнате, в которой провел свои последние дни и навсегда закрыл глаза наш великий соотечественник. Никак не думалось, что через сто двадцать лет после смерти художника останутся в силе слова Стасова, который писал в 1852 году, что комната, «где у Диттони жил всегда Брюллов», «теперь навсегда останется нетронутою, в точно таком виде, как была при Брюллове, и будет называться брюлловской».

Поздним вечером мы распрощались с гостеприимным семейством Диттони и, переполненные впечатлениями, покинули Манциану.

II

В середине недели раздался звонок Франчески Диттони, которая радостным голосом сообщила, что у нее в руках ключи от квартиры «дзии Эммы». Можно идти хоть сию минуту смотреть работы Брюллова.

Мы не заставили себя ждать. Скоро мы были в условленном месте старого района Рима, близ площади Испании, где в свое время на разных улицах снимал студии Брюллов и где сейчас в одном из домов сохранились его последние шедевры. Нас уже ждали Мария-Джулия и Франческа, которые, улыбаясь, рассказали нам, что на этот раз переговоры с тетушкой Эммой оказались на редкость легкими: на старуху большое впечатление произвело сообщение о том, что картины Брюллова надо показать русским журналистам, которые собираются писать о дружбе Анджело Диттони со знаменитым художником.

В двери квартиры оказалось полдюжины внутренних замков. Поочередно мы все провозились с ними не менее получаса. Наконец после последней сложной манипуляции, о которой вспомнила Франческа, уже имевшая как-то дело с затворами тетушки Эммы, дверь растворилась, и мы вошли в длинный, темный коридор. Ощупью, то и дело натыкаясь на мебель, двинулись по коридору в гостиную, тонувшую в кромешной тьме. Франческа предупредила, что «дзия Эмма» пуще воров боится разрушительного действия на убранство квартиры солнечных лучей и потому навесила на окна двойные ставни, с которыми предстоит не менее упорная борьба, чем с входной дверью.

— Мадонна миа! — сердилась она, начав орудовать задвижками ставен и жалюзи.

Но вот в гостиную хлынул яркий солнечный свет, и мы замерли от восторга. Прямо перед нами в тяжелой золоченой раме висел портрет юной Джульетты Диттони, изображенной в виде Жанны д'Арк. Старый дагерротип с этого портрета, опубликованный в изданиях о Брюллове, ни в коей мере не передавал обаяния прекрасного девичьего лица, такого одухотворенного, такого полного восторженной радости жизни и нерастраченной веры в свои силы и счастье. Гладко зачесанные блестящие черные волосы обрамляют гордое лицо девушки с его совершенными чертами античной статуи. На щеках, оттеняя благородную белизну кожи, играет легкий, нежный румянец, вызванный душевным волнением; широко открытые огромные глаза чуть поверх зрителя устремлены вдаль — как бы туда, откуда явилось роковое знамение, повелевшее

Бюст Анджело Титтони на Аллее героев.

совершить подвиг во имя народа. Струящийся справа, сверху, неяркий дневной свет мягкими тенями обрисовывает красивую линию подбородка, серебром отливает на боевых доспехах, подчеркивая героическую символику образа.

Другие аксессуары портрета еще более усиливают его романтическую патетику: и темно-красное покрывало на крупе коня, служащее фоном портрета, и серебристо-серая, упрямо выгнутая, с раздувающимися ноздрями голова коня. Непокорный конь, с трудом повинующийся держащей его под уздцы героине, готовый унести ее навстречу бурям и опасностям, навстречу славе и бессмертию, не только служит романтическому возвышению образа, но и как бы конкретизирует момент действия. Тот момент, когда героиня отрешается от всего обыденного и бросает смелый вызов судьбе, требующей от нее самопожертвования.

Брюллов откровенно любуется своей моделью (Стасов рассказывал, что художник много раз переделывал портрет, находя его незавершенным); он, смертельно больной, преждевременно состарившийся человек, не скрывает и того, что завидует ее молодости, красоте и здоровью, а еще больше тому, что этому поколению итальянцев, на его глазах вступавшему в жизнь, предстояло свершить великие дела во имя великой цели — создания свободной Италии. Таких людей и такое поколение Брюллов не смог увидеть в тогдашней России, и потому так искренне восхищался он ими в Италии, познакомившись и сдружившись с семьей римских патриотов Титтони.

Русский художник вряд ли видел в итальянском национально-освободительном движении существование разных политических течений, вряд ли различал дифференциацию его участников по социальным признакам, вряд ли догадывался о том, что патриотически настроенная римская буржуазия, к которой принадлежали братья Титтони, вовсе не представляла собой наиболее последовательное и революционное крыло движения Рисорджименто. Со свойственным ему эмоциональным восприятием мира Брюллов, только что покинувший окружавшую его в Петербурге раболепствующую среду, в лице Титтони просто восхищался людьми, которые с оружием в руках боролись за свободу своей страны. Именно поэтому братья Титтони казались ему людьми замечательными, настоящими героями, заслуживающими всяческого преклонения. Эти чувства художник выразил в портрете Джульетты Титтони, сделав ее образом новой, встающей на борьбу за свободу молодой Италии.

Героизация образа, для которого послужила моделью девушка, однако, не лишила ее портрет жизненности и убедительности. Атрибуты романтизации ничуть не заслоняют в портрете Джульетты Титтони замечательно схваченные и переданные кистью великого художника-реалиста черты юности с ее благородством и чистотой душевных побуждений, с ее непоколебимой верой в будущее и еще детской непосредственностью в восприятии мира.

Мы долго не могли оторвать глаз от этого великолепного, хотя и незаконченного (фон и лошадь на правой стороне) портрета, недоумевая, почему Стасову он показался «неудавшимся»...

Рядом с портретом Джульетты в доме тетушки Эммы висит другая работа Брюллова, отмеченная столь же высокой печатью живописного мастерства,— портрет Екатерины Титтони, или, как до сего времени зовут ее потомки, бабушки Нины. О том, насколько ярко выразилось дарование художника в этом портрете, говорил еще Стасов, называвший его вместе с самим художником «одним из самых оконченных портретов» Брюллова. Есть что-то вандейковское в этой работе — единственном известном портрете пожилой женщины, написанном Брюлловым: и в приглушенности тонов и в приеме сопоставления двух ярких световых пятен, которыми выделены лицо и руки портретируемой.

Мать Анджело Титтони в черном платье с белым вышитым воротником и черной атласной накидке сидит, сложив руки, в темно-красном кресле, от которого на весь фон ложится красноватый отблеск — этот почти непременный во всех портретах Брюллова тон. Мудрым спокойствием веет от пожилой итальянки — спокойствием человека, честно выполнившего свой земной долг. Как в портрете Ланчи, Брюллов и здесь восхищается силой характера — замечательной душевной стойкостью женщины-матери, вырастившей сыновей, борцов за свободу Италии, и своим взглядом, полным доброжелательности, как бы благословляющей их на путь по трудной и опасной стезе.

Прелестна картина, принадлежащая Эмме Титтони и описанная Стасовым как «Девочка в лесу»: насквозь пронизанный светом и воздухом холст, изображающий молоденькую девушку в костюме альбанки (жительницы городка Альбано близ Рима) — алой атласной юбке, розовом батистовом лифе, белом кружевном переднике и легкой, прозрачной косынке, накинутой на плечи. С поразительным мастерством написаны фактура тканей платья, переливы тонов, радостная, праздничная игра красок, зажженная на платье девочки лучом солнца.

У Эммы Титтони мы неожиданно обнаружили не упомянутый Стасовым, но достаточно известный по репродукциям погрудный автопортрет двадцатичетырехлетнего художника, отличающийся свободной и непринужденной манерой письма. В нем с исключительным мастерством передано творческое вдохновение, охватившее художника.

Здесь же хранится известный по описанию Стасова подмалевок маслом «Диана и Эндимион» — сюжет, к которому Брюллов обращался неоднократно, и три листа с набросками карандашом и сепией, любовно оформленные в рамки и украшающие вместе с остальными работами великого русского художника гостиную. Эмме Титтони принадлежит и известный рисунок по холсту итальянского художника Корниенти «Брюллов на смертном одре».

Мария-Джулия и Франческа сообщили нам, что одновременно они договорились о нашем визите к другой родственнице, у которой есть акварельные работы Брюллова. Там ждут нашего звонка.

Так через несколько дней мы познакомились с синьорой Марией-Терезой Джильоли. Нас встретила, несмотря на свой весьма почтенный возраст, очень живая и бодрая женщина, с симпатичным и приветливым лицом. В гостиной, сплошь заставленной от пола до потолка книгами по истории и археологии, она подвела нас к двум картинам в рамках.

— Это портреты моих предков. Мужчина в охотничьем костюме, с ружьем и собакой, написанный на фоне озера Браччано,— мой дед Мариано Титтони. А это его жена и моя бабка Тереза-Микеле Титтони с двумя сыновьями, моими дядями. Моя мать Виттория-Софья появилась на свет уже после смерти Брюллова. Она была очень похожа на бабку, так же, как, говорят, в молодости и я...

Обе акварели выполнены с присущим для зрелого Брюллова блеском. Особенно хороши дети на портрете Терезы-Микеле Титтони, сохранившие на рисунке всю свою живость и резвость, всю свою детскость, что удается очень немногим художникам. Хорош образ молодой женщины — кроткой и любящей жены-итальянки. Великолепно вылеплен характер Мариано Титтони, человека твердого и решительного: очарователен открывающийся вид на затянутое голубой дымкой озеро Браччано, едва обозначенное тончайшими, прозрачными красками.

Завершили мы ознакомление с работами Брюллова второго римского периода в Риме, в доме наших новых итальянских друзей Марии-Джулии и Джулио Титтони, куда принесли принадлежащие им произведения художника и его дочери. Здесь был написанный маслом этюд головы «Альбанки», о котором нет упоминания у Стасова, автографы Брюллова, альбом с рисунками художника, ибо, как рассказывал Стасов, «он почти до самого последнего времени своего не переставал рисовать, записывать все новые и новые свои сочинения... если только не мешали ему слишком сильные страдания возвратившейся болезни». Альбом этот невелик, но он ценнейший документ для изучения творческой лаборатории Брюллова, позволяющий проследить «материализацию» рождавшихся в воображении художника образов. Особенно много рисунков альбома связано с созданием портрета А. Н. Демидова, к работе над которым Брюллов после долгого перерыва вновь вернулся в те годы.

Но главным в брюлловском собрании Титтони были портрет Анджело Титтони и знаменитый эскиз «Всеразрушающее время».

Стасов недаром восхищался портретом Анджело Титтони и говорил, что это один из лучших портретов Брюллова, какие он видел. И, конечно, правы исследователи, отгадавшие в этой работе Брюллова образ побежденной, но не покорившейся Италии послереволюционного периода. Гордый поворот головы, высокий, благородный лоб, покрасневшие веки, темные круги под глазами, пристальный взгляд человека, устремленный в будущее,— таким изображен римский друг Брюллова, участник революции Анджело Титтони. На нем свободно накинута сине-черная куртка, белая рубашка схвачена красным кушаком, римскую шляпу с широкими полями он держит в руках, обнажив голову с короткими волосами. Сумрачный свет падает справа на бледное, исполненное необычайной внутренней силы лицо, оставляя в тени всю левую половину, которая оттеняется высветленным голубовато-серебристым фоном порт-

рета. В портрете нет никаких атрибутов (вроде лат Джульетты Титтони) героико-символического назначения. Образ романтического героя создан чисто живописными средствами. В нем нет ничего риторического, ничего вневременного — перед нами конкретный, живой человек, сын своего времени. В глазах своего героя Брюллов вместе с горечью выразил и неискоренимую волю к борьбе, которая так его восхищала во всей семье Титтони.

И, наконец, об эскизе «Всеразрушающее время», наброске, который, по словам Стасова, мог бы стать самой великой картиной века, если бы у Брюллова хватило сил довести его до конца. Странное впечатление производит этот эскиз, столь восторженно воспринятый Стасовым. На наш взгляд, в нем сильнее и явственнее всего выразились противоречия, сила и ограниченность Брюллова-художника. Идея эскиза — диалектическая идея движения, а средства выражения — безнадежно устаревший язык метафизики.

Известно, что тяжелобольной Брюллов, выехавший из России за границу на лечение, хорошо знал, что дни его сочтены. Художник Железнов, находившийся в это время с Брюлловым в Риме, вспоминал, что «перед отъездом в Манциану, разговаривая с итальянским доктором Тавацци, предлагавшим ему какие-то лекарства, Брюллов сказал: «Я скоро умру». «Почему вы так думаете?» — спросил Тавацци. «Потому,— отвечал Брюллов,— что доктор Зденауер, который лечил меня в Петербурге и которому я очень верю, сказал мне откровенно, что с моей болезнью я не проживу более пяти лет, а в этом году оканчивается определенный им срок». Брюллов действительно умер через несколько недель после этого разговора.

Но деятельная натура Брюллова даже в предчувствии близкой смерти, как мы видели, не могла ограничиться пассивным созерцанием жизни. Художник изо всех сил стремится использовать оставшиеся дни и месяцы жизни для осуществления своих богатых творческих замыслов, подвести итог жизни.

А замысел «Всеразрушающего времени» состоит отнюдь не в показе бренности человеческого существования. Художник в форме художественных образов решается на закате жизни заявить о своих самых сокровенных мыслях и убеждениях, о своем понимании мироздания и отношении к ценностям, регулирующим жизнь человеческого общества.

Ясно, что основная идея картины родилась давно, что Брюллов долго и мучительно размышлял о ней в России, отчетливо осознавая, что самодержавие никогда не позволит ему работать над столь богохульным произведением, подвергающим сомнению и отвергающим все и вся. Такая картина не могла быть создана в николаевской России, но мысль о ней наверняка родилась у Брюллова в годы жизни в Петербурге, когда он более всего ощущал на себе, на своем творчестве свинцовую рубашку николаевского режима. Вот почему, едва вырвавшись за границу, едва освободившись от пут бюрократического надзора, приговоренный жестокой судьбой, художник стремится, собирая оставшиеся силы, осуществить свой грандиозный замысел.

Есть прямая аналогия между двумя работами: «Последним днем Помпеи», которая принесла художнику общеевропейскую известность и славу, и «Всеразрушающим временем», которой художник хотел завершить свой жизненный и творческий путь. И в том и в другом произведении превалирует мысль о слабости и беззащитности человека: в «Последнем дне Помпеи» — перед лицом могущественной и безжалостной стихии; во «Всеразрушающем времени» — перед стремительным движением жизни, строго отмерившим удел и значение каждого — и всемогущего монарха, и объявленного бессмертным религиозного фанатика, и непобедимого полководца, и всемирно известного ученого, слава которого перешагнула через границы континентов и тысячелетий. Все смертно. Все преходяще. Ничто не вечно. Вот главная идея «Всеразрушающего времени». Но в этом своеобразном отрицании отрицания — глубокая вера художника в грядущее.

Еще Герцен обратил внимание на то, что в «Последнем дне Помпеи» нашли свое, может быть, бессознательное отражение мысли и чувства художника, вызванные поражением восстания декабристов. Недаром среди жертв разбушевавшейся стихии Брюллов изобразил и самого себя.

Таким образом, несмотря на архаизм формы, «Всеразрушающее время», задуманное умирающим художником в России и осуществленное в обстановке торжествующей реакции послереволюционной Италии, было идейным манифестом художника, недвусмысленно предрекающим под маской универсального нигилизма неизбежное низвержение всех и всяких «кумиров», как увенчанных папской тиарой, так и шапкой Мономаха (хотя Брюллову и пришлось вместо «самодержца всея Руси» изобразить русского патриарха), воспевающим вечное течение и обновление жизни.

Брюллов, конечно, не был революционером, хотя ему всегда была противна всякая тирания. Но ростки передовых воззрений, которые у него были, не дали и не могли дать всходов, пока он оставался в России, пока он должен был тянуть лямку казенной службы в Академии художеств. Художник М. И. Железнов, близкий к Брюллову в последние годы его жизни, пишет в своих воспоминаниях: «Как жаль, что государь вытребовал Брюллова в Петербург! Заняв место в нашей Академии художеств, Брюллов попал в придворно-чиновничий круг, то есть именно в ту среду, в которой он по своему характеру, по своему воспитанию и привычке не умел и не мог жить... Он чувствовал себя несчастным, когда ему приходилось работать в присутствии царской фамилии. Карл Павлович не мог равнодушно вспомнить, что Пушкин не был за границей».

В течение многих лет Брюллов мечтал освободиться от казенной службы и уехать в Италию, обрести свободу творчества.

Он обрел ее и зажегся вдохновением, вернувшись в Рим и встретившись там с участниками революции. Но дни художника были уже сочтены. И нам не суждено узнать, в каком направлении развивались бы его искусство и образ мыслей, получившие столь благотворный толчок в послереволюционном Риме.

Похоронен был Брюллов на римском кладбище Тестаччо, предназначенном для иностранцев-некатоликов. Незадолго до смерти он сделал проникнутый тихой элегической грустью рисунок «Диана на крыльях ночи», хранящийся в доме у Марии-Джулии и Джулио Титтони. Изобразив на этом рисунке римский район Монте Тестаччо, художник сказал: «Здесь я буду похоронен...»

Кладбище это, расположенное в живописном уголке Рима, тянется узкой полосой вдоль древних городских стен от пирамиды Кая Цестия к так называемой горе Тестаччо. Здесь похоронены многие иностранные писатели и художники, умершие в Риме: Китс, Шелли, сын Гете, Колеман.

Могила Брюллова находится близ входа на кладбище с улицы Кая Цестия. Над могилой в 1856 году был поставлен беломраморный памятник, выполненный архитектором М. Щуруповым в форме древнеримского надгробия, какие еще и сейчас сохранились по старой Аппиевой дороге, по которой так любил гулять Брюллов. На лицевой стороне памятника в овальной нише помещено горельефное изображение головы Брюллова, скопированной с известного бюста И. Витали. На стелле памятника — надпись по-латыни: «Карл Брюллов, русский художник. 1799—1852».

В ОБЪЕКТИВЕ — МИР СОЦИАЛИЗМА

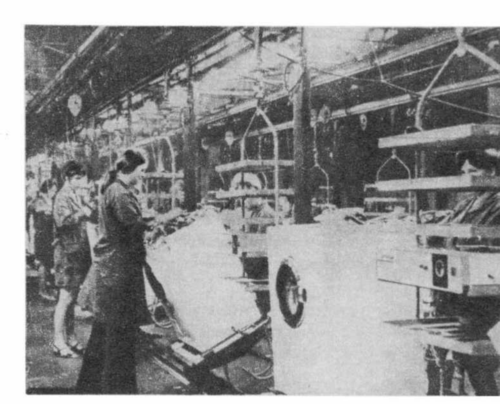
ГДР

Молодежь Германской Демократической Республики готовится к X Всемирному фестивалю молодежи и студентов. На этой фотографии вы видите его юных участников — членов танцевального ансамбля дрезденского Дворца пионеров.

СФРЮ

Завод «Горене», расположенный в словенском городе Веленье, — это крупнейшее предприятие в стране в области производства бытовой техники: электрических плит, холодильников, автоматических стиральных машин и других электроприборов самого разнообразного назначения. Изделия с маркой завода «Горене» широко экспортируются, в том числе и в Советский Союз.

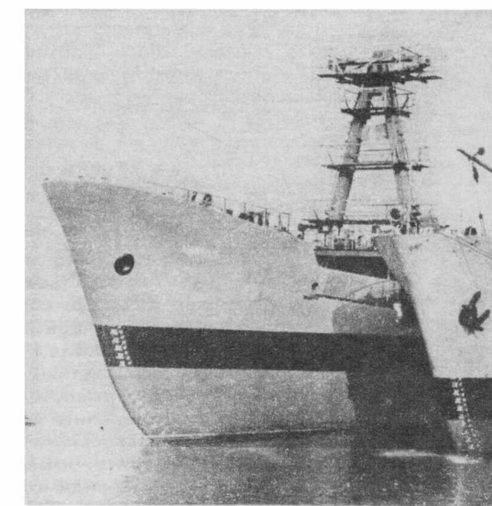

ВНР

Морские суда, мощные речные толкачи, плавучие краны большой грузоподъемности производит Венгерский судостроительный и крановый завод. Одним из постоянных покупателей этой продукции является Советский Союз.

Крупносерийные советские заказы после второй мировой войны помогли значительно расширить рамки венгерского кораблестроения, и ныне суда с маркой республики можно встретить во многих портах мира.

На снимке: морские сухогрузы водоизмещением в 1 500 тонн, приспособленные для плавания во льдах, построены на Андялфёльдской верфи в Будапеште.

ЧССР

В социалистической Чехословакии юные граждане окружены заботой и вниманием. В стране работает много детских поликлиник и больниц, консультаций, садов и яслей. Подготавливаются опытные кадры воспитателей и врачей. По уровню развития детского здравоохранения республика занимает одно из первых мест в мире.

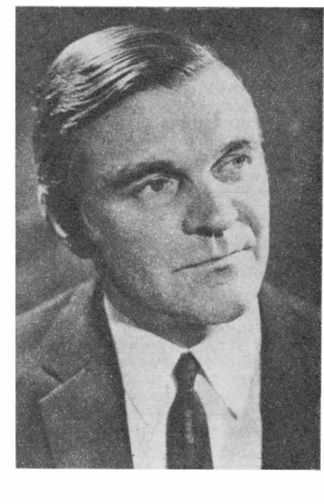
В новом детском саду, открытом в Краловицах, близ Пльзеня.

Фото ТАСС, АДН, ЧТК МТИ.

Страницы из записной книжки

Юрий БОНДАРЕВ

ОСЕНЬЮ

Свежим октябрьским вечером, наполненным ветром, шорохом листьев, запахами близких холодов, шел по аллее совершенно один под остро блещущими в черноте зигзагами созвездий; свет фонарей мотался, качался по забору, по осыпающимся листьям — и слева от меня сквозь этот непрерывный шелест где-то возникла, плыла отдаленная музыка, пел женский голос, как показалось мне, об ушедших днях, об утраченном лете: играло радио или была включена радиола, видимо, в санатории.

Остановился с мгновенным ознобом на спине, как будто толкнуло что-то, задохнулся даже, точно от внезапных и неясных воспоминаний давно прожитых лет своей жизни.

Долго смотрел в чащу деревьев, на отсветы фонарей, на странно и знакомо освещенный забор, словно все это — и забор, и деревья, и музыка — перенеслось на много лет назад, куда-то туда, в юность, пору, навсегда ушедшую и полузабытую, которой, казалось, и никогда не было. И запахло так же сладостно, то ли угольной паровозной гарью, то ли осенним двором с освещенными окнами, где меня ждали. Где это было? Когда? В Актюбинске?

Да, ведь тогда была война, осень, окраина, заборы, редкие фонари, скрипящие на ветру, и я шел по хрустящим листьям, мимо этих заборов на окраине, семнадцатилетний курсант пехотного училища, голодный, влюбленный, еще не знающий, что такое женщина, не знающий, что такое война, но мечтающий любить и мечтающий совершать подвиги так, как может совершать их искренний мальчик в семнадцать лет, с чистой верой в свое бессмертие, славу, восхищенные и плачущие от любви и радости глаза той, которая тогда терпеливо ждала меня вечерами за освещенными в маленьком актюбинском дворе окнами.

Но тогда я еще не знал, что такое смерть, и что такое любовь женщины, и что такое первые слезы.

Я ждал впереди целую жизнь. Я верил в бесконечность своей юности, и все было юным: и она, и я, и тусклые фонари на ветру, и окраина, и осень...

Неужели это были лучшие минуты моей жизни?

БЫКИ

Была война и неистовая жара в Казахстане.

Раскаленное солнце висело над степью, жгло мне затылок, и сквозь молотообразные удары в висках я слышал сверлящий треск кузнечиков, глухое позвякивание металлических заноз в деревянном ярме на шеях двух быков, запряженных в арбу. Быки, худые, изморенные зноем, не переставали жевать свою жвачку; в уголках их бездумных глаз черным роем шевелились мухи, а они, не моргая, стояли терпеливо и равнодушно, видимо, привыкнув к этой постоянной муке, к этой рабьей покорности ежедневной пытке.

Я работал в степи первый день, все время помня ядовитое выражение на крепких чугунно-загорелых лицах скирдовщиков, встретивших меня в колхозной конторке неприязненно, насмешливыми взглядами. Был я в легких парусиновых туфлях, в белых расклешенных брюках с надраенной морской бляхой на ремне, эвакуированный городской мальчишка, форсоватый по виду, совершенно непонятный этим выросшим в степи парням.

Морская бляха и расклешенные мною летние брюки отца, которые он носил еще в тридцатых годах, были знаками моей школьной мечты о флоте. Тогда слова «шхуна», «бригантина», «шкипер» и «ма́рсель», вычитанные из книг, вызывали у меня святой трепет, мысли о дальних странствиях, тугом и ласковом ветре над солнечно-белыми парусами, о неведомых перламутрово-сияющих лагунах в теплых морях, о чужих и незнакомых портовых городах, залитых огнями, с ночным запахом гниющих бананов на берегу, вблизи которого покачивались в черном, южном небе созвездия фонарей на поскрипывающих мачтах. В восьмом классе я наизусть выучил морскую терминологию, названия снастей парусного флота по разным старым учебникам и сноскам в романах Джека Лондона. Я даже выменял у кого-то лоскут тельника и, пришив его к майке, ходил с расстегнутым воротником рубашки, чтобы виден был этот пленительный кусочек моря. При одном взгляде на него я испытывал запах ветра и далеких пространств.

В девятом классе с надеждой поступить в военно-морской клуб я спал зимой с открытой форточкой, по утрам выжимал гантели, купил морскую бляху и ходил по-матросски — чуть враскачку, как бы приучая себя к ныряющей под ногами палубе.

В тот жаркий август сорок первого года, вернувшись после рытья окопов под Смоленском, я не застал в Москве родных и только по записке матери, оставленной управдому, нашел после долгих поисков семью, эвакуированную в Казахстан. И тут вдруг понял: все прежнее, детское уходило, исчезало, подобно тому, как кончается и сказка о Золотом дворце среди синего моря и доброй колдовской Жар-птице — я был старший в семье и теперь знал, что мать и младшие сестры стали моей ответственностью.

— Ось яка гарна пряжка! — сказал в конторке бригадир скирдовщиков Бендрик, покатоплечий, весь напоминающий железный клин острием вниз, и, захохотав, подергал пальцем бляху на моих брюках, едко спросил: — В Москве що — мода така? Иль просто цацка?

Я молчал. Скирдовщики, молодые парни, в грязных сатиновых рубахах с белыми заскорузлыми пятнами пота под мышками, разглядывали меня с усмешками, перемигивались сквозь дымки тютюнных самокруток и снисходительно цвикали на земляной пол — сплевывали через щелочки зубов.

Я понимал, что мой нездешний, городской вид несколько смешон, игрушечен для них, но это и задевало меня. И уже в степи, получив пару быков и арбу (после иронического распоряжения Бендрика: «Попробуй, як воняе бычий пот, носовую утирку и деколон в другой раз с собой бери, московский!»), я вел за налыгач быков к желтеющим бесконечными рядами копнам и думал, что умру в этой степи, но докажу им, на что я способен.

Я стал накладывать копны на арбу с какой-то ожесточенной механичностью, втыкая вилы в сухую пшеницу, в ее шуршащие стеблями недра. Я пытался поддеть треть копны, чтобы завалить ее в два приема на арбу. Но пшеница скользила, распадалась, не удерживалась на зубьях, осыпалась мне на голову, на потчую шею, лезла за ворот прилипшей к спине тенниски. Горячая, пахнущая степью пыль сыпалась в глаза, колюче набивалась в нос — и лицо и все тело начинали нестерпимо зудеть. Стиснув зубы, я содрал с себя насквозь пропотевшую тенниску и, сознавая бессилие и отчаяние, с ужасом думал, что так к вечеру не нагружу ни одной арбы. Это отчаяние стало походить почти на удушье, когда я увидел через час потянувшиеся по степи к начатой скирде нагруженные арбы, смутно заметил или представил повернутые в мою сторону серые от пыли, сморщенные от солнца и от понимающих улыбок лица скирдовщиков, не сказавших мне, однако, ни слова.

Я уже, как загнанный, кидал и кидал рассыпавшиеся с вил комки пшеницы в арбу, я задыхался от напряжения, от жаркого запаха пшеничной пыли. А солнце раздваивалось, расплывалось над моей головой, черные точки

роились перед глазами, мутно звенело, ударяло в ушах и в затылке тупыми ударами деревянного молота. И мне на какую-то секунду показалось, что я, весь потный, страшный, со скрипящей пылью на зубах, весь зудящий, накаленный солнцем, упаду сейчас возле арбы от солнечного удара, от этого степного пекла, от своих сумасшедших мускульных усилий, от горячего пота на веках, застилающего степь перед глазами, словно душно дымящейся ватой.

На миг, будто в малярийном бреду, почудилось — возникла около быков клинообразная фигура Бендрика, ухмылка растягивала его рот, он сказал что-то, указав на копны, на мои вилы, потом вроде бы попробовал вырвать их у меня из рук, но я только с непонятной дикостью прохрипел: «Уходи!» — и отрицательно замотал головой, вонзая вилы в копну.

Больше никто ко мне не подходил. Я уже не знал, что происходит со мной: может, это был выплеск мальчишеского самолюбия, может, неистовость озлобления на собственное бессилие, разрушавшее все, связанное с той открытой зимой форточкой...

Нагружая арбу, я не заметил даже наступления полудня, самого невыносимого, жаркого времени, когда все, прокаленное до каждого колоска, замирает в степи, задушенное сверканием пекущего солнца, серебристым текучим маревом зноя. Мне показалось: перестали скрипеть арбы, перестали доноситься голоса из-за рядов копен, лишь обморочно звенел пульсирующий ток крови в моих висках.

Раз, оглянувшись, я словно бы чужим зрением увидел в отдалении сложенную на одну треть скирду, стоявшие возле нее арбы с полегшими на стерню быками, увидел под скирдой в жиденькой тени разворачиваемые свои узелки с едой скирдовщиков — и отвернулся мгновенно: они смотрели в мою сторону, разбивая о крепкие локти куриные яйца, и переговаривались между собой.

Когда же, наверно, через час я наконец нагрузил арбу так, как нагружали они, эти выросшие в степи парни, ноги едва держали меня, я, пошатываясь, слышал только свое зашедшееся дыхание, стук сердца отдавался в ушах. Я точно оглох. Солнце, как в красном пожаре, раздроблялось черными кругами и искрами перед моими залитыми ядовитым потом глазами. Я дрожащими руками обтер размытую пыль с лица, подошел к быкам, по-прежнему с рабьей тупостью однообразно и глупо жующим в густом облаке мух и слепней, и, чувствуя пылающие мозоли на ладонях, взялся за мокрый от бычьей слюны налыгач, из последней силы потянул его.

Быки пошли, арба взвизгнула, заскрипела и тронулась, переваливаясь под тяжестью нагруженных копен. Я вел арбу к скирде, я старался ступать твердо по стерне — шел навстречу взглядам парней и ощущал их внимание на себе. Уже безобразно были изодраны стерней мои парусиновые туфли и совсем стали серыми от пыли прилипшие к ногам расклешенные щегольские брюки. Брюк мне, однако, сейчас было не жалко, не жалко было и легких удобных туфель, которые я утром старательно почистил зубным порошком.

Я шел, всхлипывая от изнеможения, представлял, что думали обо мне скирдовщики, и испытывал такое унижение, какое не испытывал ни разу в жизни. В то время как каждый из них нагрузил по четыре арбы до полудня, я с великим трудом нагрузил только одну — и выбился из сил вконец.

Они сидели под скирдой, грызли молча огурцы, наблюдали за мной со следящим вниманием людей, пришедших на казнь.

— Ну? — лениво спросил Бендрик, сощурясь, и с неприятным хохотком подмигнул парням: — Понял, чем белая булка пахнет, москвич? Чи нет? Сядь, огурца пожуй. Потом робить будем.

— Принимай! — сквозь зубы выговорил я, готовый уже на все, лишь бы только скорее, скорее уйти из-под унижающих меня взглядов, от этого насмешливого внимания, будто раздевающего меня с ног до головы.

Я остановил быков возле скирды и ожидал, кусая горькие губы. Бендрик не без удивления сплюнул, выругался, окинул меня дерзким светом синих степных глаз, затем неохотно влез по лесенке на скирду, крикнул оттуда:

— Подавай, ну?

Пытаясь не глядеть на парней, я с усилием взобрался на арбу, потоптался на пружинящих, хрустящих под ногами копнах и, поддев вилами, метнул Бендрику на скирду ворох пшеницы, обдавшей меня душной пылью.

В тот же момент арба дернулась, рванулась из-под меня, край скирды колючим жаром толкнул меня в бок, окорябало щеку и локоть, на секунду мелькнуло надо мной измененное судорогой лицо Бендрика. И тотчас вместе с копнами, еще не понимая, что случилось, я стал проваливаться, падать куда-то вниз. Копны пшеницы, валящиеся с арбы, смягчили удар о землю, я ощутил всем телом и руками иголки острой стерни под собой и, задыхаясь, вскочил, увидел свою арбу, притертую к изуродованной скирде, рассыпанные копны под ней, сметенные, срезанные столкновением с ее краем. Мои быки с неумолимой одержимостью все тянули арбу, прижимались к скирде, осыпанные пшеницей, мотали головами, терлись о нее, видимо, так отгоняя слепней и мух, чесались мордами с тупым наслаждением, слюна свисала с их губ и тоже моталась тягучими волокнами.

И тогда, растерянный, весь в серой пыли, выбираясь из ворохов сваленной с арбы пшеницы, я почувствовал, что сейчас заплачу от отчаяния. Все, что мог я сделать и наконец сделал напряжением всех сил, было в одно мгновение уничтожено быками — лежало теперь бесформенной горой на земле.

Человек может быть смешон и в бессилии. Это страшно тем, что смех других представляется ему в ту минуту противоестественным, чудовищным надругательством, дикостью, уничтожающим все человеческое. В каком-то беспамятстве защиты, с одним желанием не слышать этот смех я срывающимся голосом тонко крикнул что-то им и, смутно видя их лица перед собой от злых слез, вскочил на арбу и стал вилами бить по костлявым задам быков, все тершихся головами о скирду. Во мне толкалась, рвалась мысль: скорее уехать, скорее отдалиться от этой скирды, от этого чудовищного смеха, будто оголившего меня перед ними, раздавившего окончательно меня.

Арба отдалялась от скирды, быки от ужасной, видимо, боли тяжко трусили по стерне мимо копен, а мне казалось, что они лениво и тупо шагали, непослушные мне. И тут с мстительной злостью слепого бешенства я откинул в арбу вилы, сорвал с себя ремень и стал полосовать морской пряжкой по жестким хрестцам, уже плохо соображая, зачем я заставлял их бежать, делать их то, что не было свойственно их природе.

У крайних копен быки стали, а я, крича что-то, все полосовал их ремнем, слыша костяной удар пряжки, но они стояли как вкопанные, тяжело сопя. И с ужасом я увидел кровяные подтеки на их задах. Тогда я посмотрел на ремень: морская пряжка была погнута. Я очнулся и, боясь, что в тот миг разорвется мое сердце, уронил ремень, спрыгнул с арбы, кинулся к быкам, загнанно поводившим боками, и, гладя исступленно их потные морды с огромными, налитыми кровью, покорными глазами, ощущая на руке их горячую слюну, шептал взахлеб, с сумасшедшей нежностью просящего прощения истязателя:

— Идиоты, идиоты!.. Что же вы наделали?

Быки с покорностью прерывистым жаром дышали мне в дрожащие пальцы, и я видел, как черные мухи облепливали их белые неморгающие ресницы, сосали крупные слезы, выступившие в уголках их глаз.

ПРОДАЖА

— Оля плакала,— сказала ему жена вечером.— Она не хотела, чтоб ты это сделал. И сейчас накрылась с головой одеялом и не спит.

И он вспомнил жестокое морозное утро, заледенелый забор комиссионного магазина в Южном порту, на окраине Москвы, вспомнил возле ворот окоченевшего багроволицего сторожа в тулупе, затем — въезд во двор, крик этого сторожа, притоптывающего валенками на снегу: «На эстакаду давай!»

На эстакаде он выключил мотор, и машина робко, с настороженностью затихла, возвышаясь над стоявшими вокруг чужими машинами, уже завьюженными, оставленными здесь, вероятно, давно своими бывшими хозяевами для продажи.

Когда приемщик ничего не выражающим взглядом бегло осмотрел мотор, кузов, багажник, а потом с равнодушной небрежностью сел за руль и задним ходом тронул ее с эстакады, она подчинилась ему и развернулась на ледяном поле вблизи других машин, все время наблюдавших за ней своими круглыми стеклами фар, и затем как бы в растерянности, осторожно покатила к дверям конторки комиссионного магазина, где должна была произойти последняя процедура. Он все это видел и чувствовал, но был спокоен по-деловому и сдержан.

— Оформим,— сказал приемщик, и, услышав его голос, он кивнул молча.

А полчаса спустя, после составления акта продажи, после оценки и всех утвердительных росписей, он вышел из жарко натопленной конторки, чтобы теперь совершить последнее — передать ключ от зажигания перегонщику, молодому парню в полушубке, из овчинного воротника которого виднелось сизое, озябшее личико с мокрым носом и посинелыми губами.

Машина стояла так же около крыльца, по обыкновению терпеливо ожидая его, готовая послушно зарокотать мотором, охотно покатить его через всю Москву домой, в теплый обжитой гараж, где всегда было уютно, а вечерами светло от электрической лампочки и где всегда по-домашнему приятно пахло бензином и маслом. Он посмотрел на переднее стекло, на капот, чуть припорошенные снежком, надутым с поля ожигающим январским ветром, потом увидел подошедших к машине нескольких покупателей, которые начали торгашески суетиться, жадно оглядывать, ощупывать ее,— и тогда что-то болезненно сжалось, дрогнуло в его груди.

Не говоря ни слова, он отдал ключ от зажигания перегонщику, и машина тихонько заработала, опять неуверенно тронулась задним ходом, будто отступая, еще не понимая, что случилось, куда ее ведут, и, сделав полукруг по полю, вдвинулась в ряд других машин, уже объединенная с ними единой судьбой.

«Вот и все,— с непонятным облегчением сказал он сам себе.— Ее продадут скоро...»

А она издали смотрела на него удивленно и печально поблескивающими фарами, словно не желая прощаться, расставаться с ним, и он быстро вошел в контору, чтобы кончить все.

— ...Как мне жалко ее,— сказала жена.— Ты простился с ней? Попросил у нее прощения?

— Да,— глухо ответил он, солгав и хорошо помня, что по-настоящему не простился с машиной, не посидел даже в ней напоследок, даже не погладил ее по знакомой и гладкой коже металла.

— Оля так любила ее, так мыла ее, помнишь? Называла «хорошенький москвичишка»...

— Да, да,— снова повторил он.

Потом, не успокаиваясь сам, казня себя за то облегчение, какое испытал, отдавая ключи от машины перегонщику, он представлял ее сейчас далеко от дома, на окраине Москвы, в холодной зимней ночи, на жгучем ветру, леденящем ее металлическое тело. Там она была безжалостно оставлена им на продажу, с холодным расчетом, ради другой, новой, более красивой машины, которую хотел купить. И он думал, как влюблен был в нее много лет, как она верна была ему; весело сверкая на солнце, катила по дорогам, красуясь, кокетничая со встречными машинами, как редко сердилась на него, когда был неосторожен, резок, груб в обращении с ней, и как по-родственному прощала все, почищенная, помытая, протертая им и десятилетней дочерью Олей.

Теперь она замерзала там, на ветру, на морозе — и не проходило ощущение совершенного предательства.

ЗВЕЗДА И ЗЕМЛЯ

Я проснулся глубокой ночью от неистового бега, грохота колес, от скрипа полок, от дребезжания полуоткрытой двери купе — над головой ходили пронзительные струйки сквознячков.

В коридоре и купе было темно; я долго лежал с открытыми глазами, угадывая в потемках черный квадрат окна, за которым все было непроницаемо, по-ночному глухо, и невозможно было понять, степь или леса шли в этой бесконечности, тайной и непостижимой, как мрак вселенной.

Потом в заоконной пустоте неба вспыхнула запредельным огнем, зашевелилась синяя одинокая звезда.

Поезд по-прежнему мчался, не сбавляя набранной скорости, затерянный в темных осенних пространствах, без земных огней, невидимый с немыслимой высоты этой звезды, горевшей среди ледяных космических пустынь, отъединенных от Земли многомиллионными расстояниями.

В высокомерной своей недосягаемости звезда плыла рядом с вагоном, ярко и космато шевелила щупальцами лучей во мраке мироздания, проникая сквозь его холод, и я неотрывно смотрел на нее с чувством восторга и страха перед неразгаданностью каких-то существующих вне разума законов, которые для чего-то беспощадно уплотняли вечность в миг и миг растягивали в вечность. «Значит, вечность — это жизнь, миг — это разрушение?..»

И мне стало страшно оттого, что все бессильно перед этими законами: жизнь, любовь, искусство, сама Земля, этот обжитой уютный островок в беспредельном и угрожающем океане неизвестности. Какое одиночество и какую опасность должна испытывать Земля, зная свою обреченность, свою гибель в n-й день, уже записанный в последней и печальной главе мирового закона. Зачем, во имя чего должны сойтись, остановиться и, конечно, вновь начать движение стрелки вселенских часов? Может быть, в этой роковой несправедливости лежит закон строгой справедливости? Но опять же во имя чего? Видимо, ответы на это записаны в ту книгу великого обновления, которую никому и никогда не суждено прочитать. Как и человеку невозможно перехитрить, обмануть, обойти собственную судьбу, так невозможно изменить, задержать движение мирового времени, ускользнуть от него, перевести назад стрелки часов с самоуверенной надеждой на то, что так продлится дыхание жизни.

И я представил нашу Землю, какой она может видеться с высоты этой равнодушной осенней звезды, маленькую, синеватую пылинку, этот воздушный кораблик, мчащийся сквозь толщи фиолетового холода, звездного света, сквозь метеоритные, сверкающие туманы, представил его хрупкость, его слабость, его ограниченные запасы воды и продовольствия — и ужаснулся при мысли о беспомощности его перед вселенной.

Если бы каждый из команды на этом кораблике осознавал, что впереди смертельный риф, и в столкновении с ним бесследно исчезнет, рассыплется в ничто прекрасная его плоть, состоящая из лесов, рек, океанов, дождей, закатов, зелени травы, красивейших городов, памятников, соборов, машин, книг, полотен живописцев, все то, что создано было гениями человеческой мысли и человеческими руками, если бы каждый хоть на минуту задумался о скоротечном веке Земли, то люди не расшатывали бы свой корабль с борта на борт, не пробивали бы дыры в его днище дьявольскими силами расщепленной природы, не полосовали бы ножами злобы и ненависти с одержимостью самоубийц надутые паруса, забрызгивая их собственной кровью.

Неужели никогда люди не поймут, что Земля должна быть их чистым, светлым белопарусным кораблем, путь которого, к сожалению, не бесконечен?

Но стоит ли думать об этом? Ведь человек редко задумывается о своей смерти, а задумываясь, успокаивает себя тем, что с ним **это случится когда-нибудь потом, потом...**

Потом — форма самозащиты, но в этом **потом** есть и оттенок странной и почти необъяснимой надежды: а может быть, и не случится именно со мной? Мысленно отодвигая смерть или с трудом веря в возможность смерти, люди порой утрачивают главное — смысл неповторимости жизни, и тут наступает безжалостное отчуждение Земли и человека. Тогда наша крошечная планета становится лишь средством для достижения временных удобств и удовлетворения удовольствий, перерастающих в жестокую и отвратительную патологию, подобную насилию детей над матерью.

Да, да, человек не только сотрясает, терзает и ранит плоть Земли разрывами снарядов и многотонных бомб с той поры, как начались войны, но он превращает свой дом в мусорный ящик, в грязную свалку использованных и уже ненужных предметов, в кладбище машин, транзисторов, бутылок, консервных банок. Человек душит, отравляет Землю химическими отбросами, как будто в неистовости алчного обогащения торопится убить и ее и себя.

Ведь Земля — это живое тело со своим ритмом, дыханием, пульсом, кровообращением, и естественный ток крови в ней остановить смертеподобно. Несомненно, люди понимают, вернее, чувствуют надвигающуюся опасность, но в то же время уповают на туманное «потом», в котором может ничего и не случиться с прекраснейшим из миров.

Но все имеет свои начала и свои концы.

Мертвый синий свет одинокой звезды доходил до меня из-за предельных высот, не согревая, холодя сентябрьскую черноту ночи знобящими ледяными лапами безжизненных лучей,— и я почему-то вспомнил, что подчас достигает нас через космические пространства запоздалый свет давно погасших звезд, как кабы свет оправдания перед вселенной за свою гибель.

«Пока не поздно,— думал я, вздрагивая от острых, пронизывающих сквозняков в купе, от этого тоскливо-химического горения бесприютной звезды, которая теперь казалась мне умершей, но когда-то живой, веселой и цветущей планетой.— Надо что-то делать всем нам, пока не поздно, черт побери!..»

Поезд, замедляя ход, все размереннее, все тише, успокоительнее постукивал на стрелках, донесся сквозь дребезжание купейной двери, сквозь поскрипывание полок предупреждающий кого-то в ночи свисток локомотива. Затем мелькнули рассыпанные по густой тьме цепочкой дальние огни, мелькнул внезапно, ярко брызнул в вагон близкий фонарь над будочкой стрелочника, и начали надвигаться неяркие электрические лампочки закрытых пакгаузов.

Поезд сбавлял и сбавлял скорость — и через минуту навстречу поплыли над безлюдной платформой огромные освещенные окна большого вокзала с пустыми залами и тоже пустым и освещенным рестораном,— и по купе светло задвигались полосы электричества, эти живые признаки человеческого тепла.

Я оделся, вышел из вагона. Уже на перроне невольно посмотрел в небо — звезды не было видно. За вокзалом по-осеннему шумели тополя, на путях звенел, шипел пар маневрового паровозика. Заспанная проводница, сладко позевывая, игриво сказала мне: ежели в ресторан я собрался середь ночи, то закрыт он до утра.

Услышав звук человеческого голоса, увидев улыбку молодой женщины, я с освобождением вдохнул ветреный запах овеянного поездами вокзала, паровозного пара, теплого мазута — весь этот уютный запах железной дороги, и, шагая по свету вокзальных окон на платформе, думал, усмехаясь над самим собой: «Потом, потом?..»

И странно — под властью защитительного и успокаивающего отдаления мне стало вдруг легче.

ИДЕАЛ

Ссоры в молодых, и не только молодых, семьях часто возникают потому, что о н а, как ему кажется, не отвечает тому идеалу женщины и жены, который он хотел бы видеть в ней и который создал для себя, быть может, еще очень давно. О н раздражается на то, что о н а недостаточно чутка к нему, порой молчалива, замкнута, неаккуратно одета и причесана, не то сказала при гостях, не так воспитывает ребенка.

И он в состоянии неудовлетворения, вспылив иногда по малозначительному поводу, не сдерживаясь, находит для нее самые злые, самые обидные слова, словно мстя себе за собственную ошибку и мстя ей за оскорбленный идеал свой.

Его резкость обижает и злит ее, и о н а отвечает ему той же беспощадностью, с той же болью — и повторяющееся между ними отчуждение нередко убивает самое ценное на этой земле — любовь е г о и е е.

О н и о н а не правы лишь потому, что, считая себя обманутыми, постоянно раздражены друг против друга, но, обремененные усталостью, привычками, заботами, мало что делают для того, чтобы приблизить один другого к тому идеалу, который каждый лелеял в душе.

Ведь готовых идеалов на все случаи жизни нет.

ОТЧАЯНИЕ

Мой друг инженер был свидетелем ужасной сцены — мальчик во дворе поймал за гаражом голубя и ножницами отрезал ему лапки. Голубь бился о землю, пытаясь взлететь, бился головой, крыльями, всем телом в беспомощности, оставляя слабую ниточку крови на асфальте, сизые перышки.

Мальчик этот наблюдал за ним исподлобья, очень спокойно, внимательно, как человек, проводивший серьезный эксперимент. Инженер бросился к нему, вырвал из его рук ножницы, проговорил с непониманием и гневом:

— Что ты наделал? За что же ты голубя?..

И мальчик ответил испуганно и тихо:

— Он не может летать без ног.

— Где твои отец и мать? А ну, покажи, где ты живешь?..

Он крепко схватил мальчика за плечо, и тот, ссутулясь, подрагивая бледными губами, готовый уже заплакать, повел его к дому. В квартире был один отец, в застиранной пижаме, одутловатый, плохо выбритый, скрипнул протезом, нетвердо подымаясь из-за стола на кухне. Он выслушал инженера и ударил кулаком по столу.

— Чего ты пришел? — крикнул он с отчаянием нетрезвого человека, падавшего в бездну.— Он у тебя, что ли, ноги отрезал?

ДИАЛОГ В ОЧЕРЕДИ

— Очень уж безобразно на этих станциях обслуживания — тоже очереди, полное шахермахерство, обман! Раз, представьте, приехала на одну эту станцию, а у меня страшное, просто невыносимо жуткое положение — полетел в моем «Москвиче» подшипник. «Умоляю вас,— говорю слесарю или механику, как их там — не знаю, в общем, молодой парень, а глаза подозрительно красные.— Мне необходимо заменить...» «Нету». «Сделайте, ради бога, что-нибудь, ездить по Москве без подшипника — представляете, что это такое? Я хорошо заплачу!» Тогда он отвечает: «Ладно, покумекаю». Прихожу через два часа. Волнуюсь, знаете, как на приеме у зубного врача. «Как?» — спрашиваю. «Будете ездить,— говорит,— сделал профилактику, заменил подшипник, все как полагается». Я даже чуть не заплакала от радости. «Где же вы достали его, милый?» «Ваш вон у той машины,— говорит и улыбается,— а подшипник той машины у вас». Нет, вы представляете, какое же это безобразие! Так и езжу до сих пор с чужим подшипником! Ужасно! Когда это кончится? Какие надо иметь нервы? Так жить просто невозможно!

— Дак ить как же нам, матушка, долго жить? Нервинный человек пошел очень, деловой. Раньше вон мебель стояла крепкая, деревянная, сто лет — и нет ей износу. А теперь что — занавески эти модные выгорают, кажный год меняй. Диван, мол, старый, царя гороха сродственник, дети-то говорят,— и шась его на свалку! Новый покупают. Сервант, вишь ты, у

соседки, ну прямо завистью душу рвет. Покупай — не хуже, чем у людей. Деньги-то от чего отрываются? Опять же от еды. А пенсионеры-то, пенсионеры!.. Уйдет, матушка, на пенсию — габардиновое пальто шьет. Сто лет жить, что ли? Детям оставлять — мода пройдет. А то — часы на руку. Это что же, а? Часы... Я часы никогда не носила — рука у меня рабочая, некрасивая... Откуда людям-то здоровье иметь?

РАЗГОВОРЧИВЫЙ

— Свободно такси? Только счетчик, счетчик, молодой человек, в полном — как у вас — порядочке? Знаете ли, понимаете ли, ха-ха!.. Н-да, морозец! Черт его дери, так морду и общипал, пока вас дожидался. Поехали, что вы меня разглядываете? Мы с вами что — где водку пили? Поехали, поехали! Только без жульничества, чтоб счетчик... а то знаем, ха-ха!.. Люблю я вас, таксистов, только жулики вы все, объегориваете пассажиров!

— То есть как жулики?

— Знаем, знаем, вам говоришь: до площади Ногина, а вы норовите на Неглинную завезти: и, мол, простите, ошибочка, и давай снова кругаля давать, бараночку крутить, счетчиком пощелкивать. Грабежом занимаетесь, ха-ха! Форменным образом!

— Вылезайте, гражданин, я пьяных не вожу!

— Я абсолютно трезв! Но я опытный человек, знаете ли, понимаете ли, уважаемый товарищ водитель, и меня на мякине не проведешь. Я жаловаться буду, ха-ха! Я вашу фамилию запишу! Счетчик, как у вас счетчик? Гирька там внутри не привешена, не тянет? А то, может, в два раза такса у вас набегает? А? Как? Я вас, таксистов, насквозь вижу! Того и гляди без руки в карман нахально залезете! А деньги как достаются? Пóтом, пóтом! Вы за меня не волнуйтесь! Знаете ли, понимаете ли, я на счетчик гляжу — меня не обманешь, ха-ха!

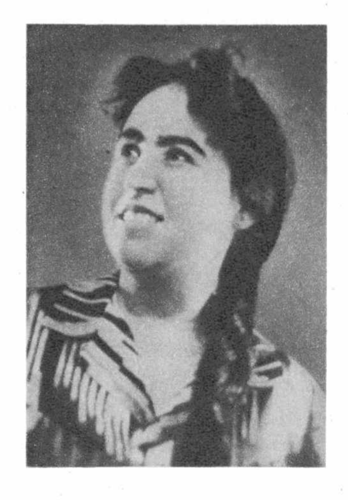
«КАК Я БРОСИЛ КУРИТЬ»

— Курил я только «Прибой», после войны папиросы такой марки были. Утром в воскресенье прошу у жены червонец на папиросы. А в Одессе «Прибой» — исключительный дефицит, штаны запросто прокурить можно, потому что абсолютно с рук покупай... Ищу. «Прибоя» нет. Я иду на Вознесенскую, там инвалид торгует. У него тоже нет. Даже зло взяло! Захожу в пивную, и что-то меня ударило: брошу курить! «Ваня,— говорю,— налей сто граммов и кружку пива, курить бросаю». Вечером уже прихожу к жене и говорю: «Пропил я деньги». А она вроде и не удивилась моему положению: «Я так и знала, когда ты уходил, у тебя такое было лицо». Тут я от непонимания этого сел к столу и махру закурил. Да так, что хоть колун вешай!..

ЩЕГОЛ

Щегол всю свою птичью жизнь поет одну и ту же песню — одного и того же содержания, однако каждое утро и перед закатом поет неистово, с одержимостью гения. И все же соловей — гений, щегол — талант, сорока — почти бездарность. Но, вернее, щегол талантлив только в прекрасную пору раннего летнего утра и всегда неповторимого конца дня, прощаясь на целую ночь с солнцем.

СВЕЖЕСТЬ РОДНИКОВАЯ

Этибор АХУНОВА

* * *

Он с высоких гор течет,
И хотя так мал он вроде бы,
Родничок мой, родничок,
Ты и есть начало Родины.

Сушит жажда губы мне,
Их растрескивая, сковывая...
Но не сгибнет и в огне
Эта свежесть родниковая.

Родничок мой, родничок!
Попади в любые сети я,
Родничок не новичок
В доброте и милосердии.

Заглянув в твою струю —
Сплав покоя и движения,
Снова детство узнаю
В зыбкой тени отражения.

Узнаю и дом и мать,
Вижу, что еще не пройдено,
И все больше понимать
Я учусь тебя, о Родина.

РАССКАЗ О ВОДЕ

Течет вода, волнуясь и плескаясь,
Влача каменья — норов уж таков,
Бурлит и заикается, покамест
Не скажет самых сокровенных слов.

В ее глазах всегда лучится солнце,
Случится, и затихнет вдруг она...
Но скоро вновь, как девушка, смеется,
Веселым вдохновением полна.

Моих вопросов будто бы не слышит,
А спрашиваю я, далек ли путь.
Она в лицо, озорничая, брызжет,
Меня волной стараясь захлестнуть.

С ее задором вновь ко мне вернулась
Полузабытой первою строкой
Похожая на эту реку юность.
И ощутила я себя рекой.

Поля, сады мы с нею орошаем.
Среди цветов так сладко отдохнуть!
Такого мы себе не разрешаем:
Нас где-то ждут — и, значит, снова в путь.

Мы оживляем степь своим дыханьем,
Нетерпеливо нас посевы ждут.
Богатство мы несем простым дехканам,
Ведь хлопок белым золотом зовут.

Я нашей с нею дружбы не нарушу,
Открыв — она простит наверняка,—
Что так река собой питает сушу,
Как душу настоящая строка.

* * *

Буду лопатою землю копать,
Буду иголкой колодец рыть,
Буду в пыли я ноги купать,
Буду, как капля, камень долбить.
Коль ошибешься — руку подам,
Самый разумный совет подам,
Падая, все же тебя поддержу,
Сама не сумела — тебе подскажу!
Горе мое — тайна моя,
Сила моя — сила твоя,
Все одолела я, все смогла,
Гордая молодость помогла.
Беды борьбою перечеркну,
Ветры, как надо мне, поверну,
И только лишь — по моей ли вине? —
Не повинуется
Сердце мне.

* * *

Женщиной я родилась,
Чтобы ребенка вскормила,
Чтоб обрела эту власть
Слабой владычицы мира.

Бросил отец все дела,
Были родные мне рады.
Мать, что меня родила,
Слез не лила от досады.

Просто надежда сбылась,
Радость пришла к ним на годы...
Женщиной я родилась
В мире любви и свободы.

Будут стихи мне дарить
С нежным: «Тебя я не стою...»
Буду судить и мирить
Строгой своей добротою.

Будут букеты цветов,
Музыка, белое платье...
Будет любимый готов
Жизнь безоглядно отдать мне.

Звонко от счастья смеясь,
Я протяну ему руку.
Женщиной я родилась,
Верной подругою другу.

Рядом по жизни пойду
Символом дружбы и чести.
Знаю: любую беду
Преодолеем мы вместе.

Женщиной я родилась —
Косы, сережки, колечко,—
Чтобы дорога вилась
В будущее бесконечно!

Первым цветком поднялась
В первой росе на рассвете...
Женщиной я родилась.
Люди! Вы все мои дети.

Перевела с узбекского Римма КАЗАКОВА.

ЭТОТ МНОГОЛИКИЙ СПОРТ

В. Ф. БЫКОВСКИЙ,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Недавно мне довелось быть главным судьей XII Всесоюзной спартакиады школьников, состоявшейся в Киеве. Это были незабываемые дни. Как раз в канун Всесоюзного дня физкультурника наша молодая спортивная поросль, наша смена, те, кто примет эстафету из рук нынешних олимпийцев, кому, возможно, предстоит выступить на Олимпиаде 1980 года, состязались в столице Украины в мужестве, ловкости, отваге.

Грандиозный смотр спортивных сил юного поколения, проходивший в канун 50-летия образования СССР и посвященный этому знаменательному событию, произвел на меня глубочайшее впечатление. И не только своими результатами, открытиями новых имен и талантов. Но и тем духом дружбы, единения детей разных народов нашей многонациональной страны, который царил во время этого праздника. До сих пор звучат в ушах слова клятвы, произнесенной юными спортсменами: «Принимая эстафету от наших дедов, отцов и старших братьев, мы клянемся отдать весь огонь своих сердец, всю силу и пламя нашей молодости самому благородному делу в мире — строительству коммунизма!»

Много мыслей вызвал у меня форум молодости в Киеве. Вслушиваясь в бравурную мелодию спорта, живя в атмосфере спартакиады — атмосфере страстного соперничества на спортивной арене и искренней теплоты и сердечности вне ее, я думал о том, как многогранен спорт, как ярко выражает он не только физические, но и духовные, нравственные качества человека.

На спартакиаде я беседовал со многими молодыми людьми и каждый раз убеждался: спорт не только помог им стать сильными, крепкими, здоровыми, но и воспитал характер, расширил кругозор, научил ценить время, привил вкус к работе и учебе, к преодолению трудностей.

Я спрашивал у этих ребят, хотят ли они достичь высот в спорте, хотят ли продолжать дело таких прославленных мастеров, как Василий Алексеев, Валерий Борзов, Янис Лусис, Галина Прозуменщикова-Степанова, Александр Тимошинин. «Да, конечно, хотим,— слышал я, как правило, в ответ, однако многие тут же добавляли: — Но даже если этого не получится, все равно мы будем считать, что спорт дал нам путевку в жизнь».

Да, спорт многогранен и многолик! Миллионы людей, числящиеся в списках спортивных обществ и не значащиеся в таковых, каждый день приходят на стадионы — в грандиозные Лужники или на скромную дворовую площадку. Что влечет их туда?

Занятия спортом — хороший заряд бодрости, увертюра к рабочему дню, постоянный спутник творческого труда. Причем это относится к людям любой профессии — будь то ученый или ткачиха, инженер или артист, токарь или космонавт. Кстати, для нас, космонавтов, спорт имеет первостепенное значение. И все мы, прежде чем подняться на борт космического корабля, прошли длительный путь самых различных тренировок. Легкая атлетика и плавание, прыжки на батуте и штанга, гимнастика и хоккей — все это входит в программу нашей подготовки, является ее составной частью, столь же важной, как знание теории и практики космонавтики.

Недавно миллионам людей, дружащим со спортом, на помощь пришел отныне новый комплекс ГТО, который отныне становится основным средством для решения задач, поставленных партией,— сделать физическую культуру органическим элементом жизни советского человека и тем самым заложить фундамент превращения массового советского физкультурного движения в подлинно общенародное.

Нормативы нового комплекса ГТО охватывают все основные возрастные группы населения — от 10 до 60 лет. И в этом главная, характерная черта его, в этом его смысл и суть. Всем ясно, что наши дети должны расти сильными, здоровыми и крепкими, что молодежь должна быть физически развитой, всегда готовой стать на защиту своей социалистической Отчизны, что люди среднего возраста должны жить полнокровной, насыщенной полезными делами жизнью, умножая духовные и материальные ценности общества, а одним из важнейших условий этого является хорошее физическое состояние человека.

Новый комплекс ГТО становится основой не только массовости советского физкультурного движения, не только средством приобщения к спорту сотен тысяч трудящихся. На его фундаменте зиждется повышение спортивного мастерства, воспитание спортсменов высокой квалификации. Путь от значка ГТО — этого физкультурного ордена страны, как в свое время назвал его Климент Ефремович Ворошилов,— к значку мастера спорта международного класса не так уж длинен. И многие из тех, кто сначала вышел на беговую дорожку стадиона, пришел в бассейн или ступил на лыжню просто так, для укрепления здоровья и общего развития, открывают затем в спорте новые грани, стремятся к совершенствованию, к оттачиванию своего мастерства.

И тогда для них спорт становится не просто увлечением, но любовью, призванием, для них спорт выражен в олимпийском девизе «Быстрее, выше, сильнее!», в извечном стремлении человечества к прогрессу. Своими рекордами, высокими достижениями они утверждают мысль о безграничности человеческих дерзаний, о том, что физическим и духовным возможностям человека нет предела.

В этом я убеждаюсь каждый раз, когда просматриваю таблицы результатов в различных видах спорта за последние годы. Разве в начале прошлого десятилетия кто-нибудь мог предположить, что спринтеры на стометровке сумеют вырваться из десяти секунд, что копье полетит далеко за девяностометровую отметку, что к магической цифре «600» вплотную будут подбираться штангисты первого тяжелого веса, а для многих представителей второго тяжелого она останется далеко позади? И я уверен, что еще через несколько лет, скажем, на той же Олимпиаде 1980 года, нынешние фантастические рекорды нам покажутся вполне обыкновенными и мы будем смаковать новые цифры — секунды, метры, килограммы.

Итак, для одних спорт — средство физического развития, для других его суть в рекордах, в высоких результатах, а для третьих спорт (впрочем, к этим третьим следует отнести как первых, так и вторых) — яркое зрелище, вид искусства, ибо он, как и искусство, является одной из форм отражения действительности. Почему не пустуют трибуны стадионов, спортивных залов? Только ли потому, что зритель хочет, так сказать, из первоисточника узнать, какая команда победила, кто пробежал быстрее или поднял больше? Разумеется, нет! В любом соревновании, будь то футбольный матч или заплыв на сто метров, мы видим борьбу смелости с трусостью, благородства с беспринципностью, силы духа со слабостью. Мы становимся свидетелями и соучастниками извечной борьбы добра со злом. В этом огромное воспитательное значение спорта.

Для всех без исключения слово «спорт» ассоциируется со словом «мир». В Древней Греции в дни Олимпийских игр прекращались войны, хотя бы на время забывались междоусобные распри. В XX веке, к сожалению, Олимпиады, несмотря на пламенные призывы их участников, не могут положить конец войнам: по-прежнему горячими точками планеты остаются Вьетнам, Ближний Восток, Ангола. Но олимпийские встречи молодежи разных стран, безусловно, способствуют укреплению мира, дружбы и взаимопонимания между народами, приближают тот день, когда на всей земле будут звучать только мирные выстрелы — выстрелы стартовых пистолетов.

Через две недели состоится торжественное открытие XX Олимпиады. Как и все любители спорта, я жду от нее новых высоких достижений, рекордов, жду интересной, насыщенной остротой и драматизмом борьбы. И, как все советские люди, я жду победы наших спортсменов, желаю ее, надеюсь. Я надеюсь на наших штангистов, легкоатлетов, гимнастов. Я хочу верить, что наши футболисты сумеют повторить успех Мельбурна, я с надеждой думаю о боксерах, фехтовальщиках...

Впрочем, стоит ли заниматься прогнозами, подсчитывать очки и медали? Олимпийская арифметика интересна лишь тогда, когда она отражена в судейских протоколах. Мне хотелось бы лишь напомнить нашим олимпийцам слова основателя современного олимпийского движения Пьера Кубертена о том, что «олимпиада — это состязание личностей», и сказать им: будьте личностями!

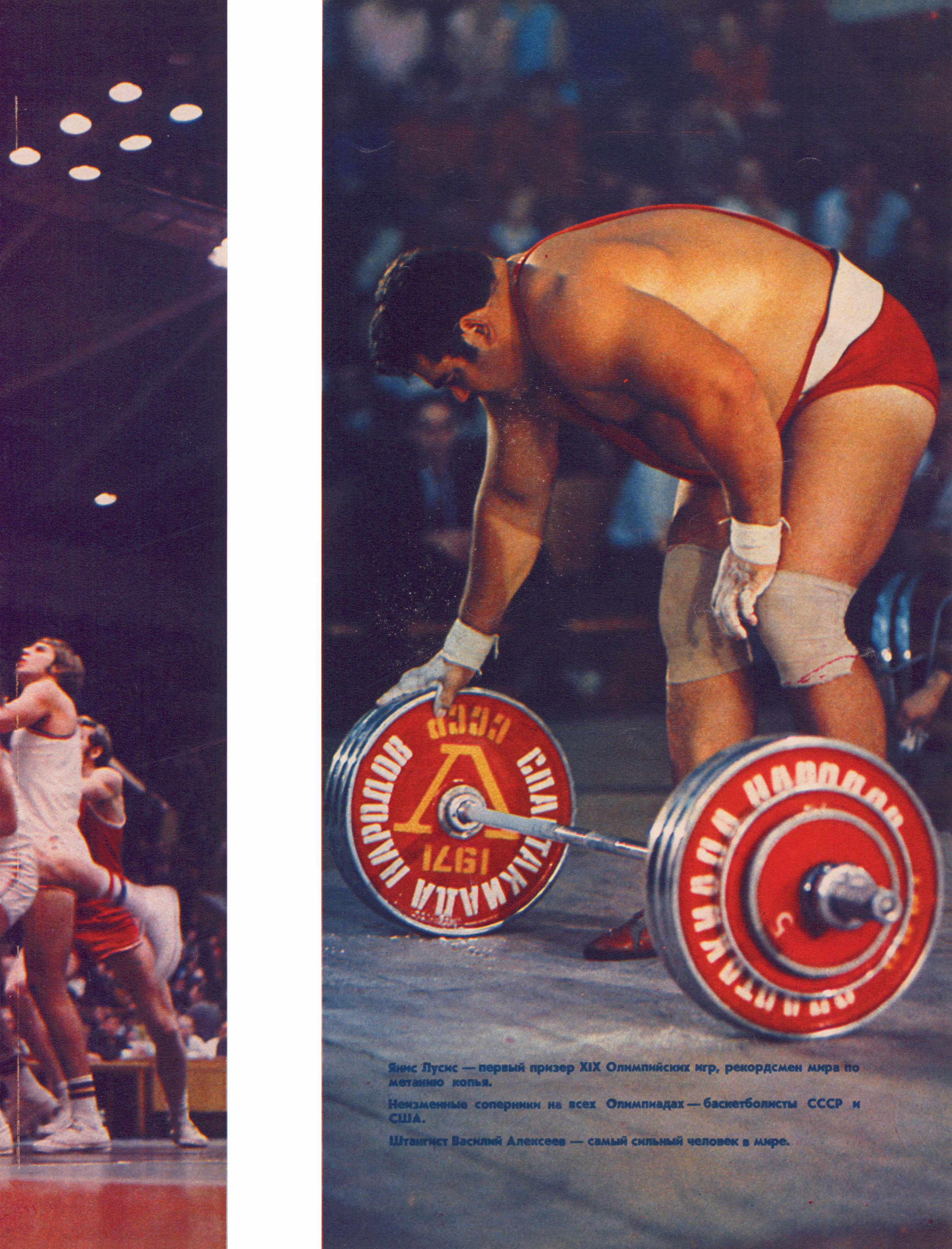
Вся наша страна будет напряженно следить за выступлениями советских спортсменов в Мюнхене. Но в эти же дни на других стадионах, в других городах — Москве или Горьком, Киеве или Южно-Сахалинске — мальчишки начнут борьбу за приз «Кожаный мяч», на старт заводских спартакиад здоровья выйдут седоусые токари, в тысячах карточек появятся отметки о сдаче нормативов нового комплекса ГТО.

Бодрая, праздничная мелодия спорта звучит неустанно, ибо она вечна, как вечно стремление людей к молодости, красоте, силе.

Галина Прозуменщикова — чемпионка XVIII Олимпийских игр по плаванию, обладательница серебряной и бронзовой медалей XIX Олимпиады.

Фото М. БОТАШЕВА и А. БОЧИНИНА.

14
7

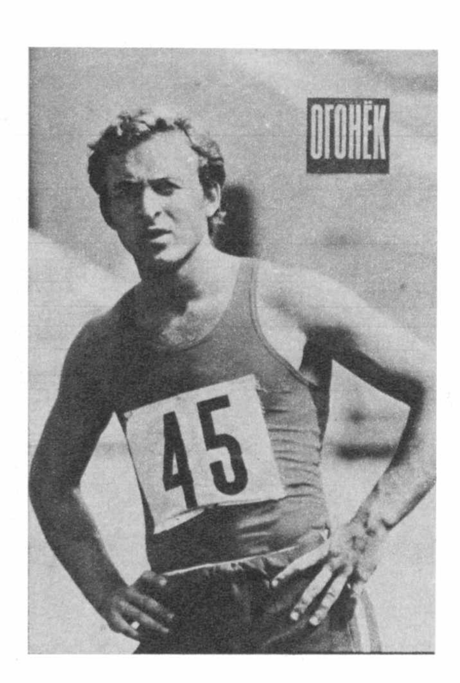
Янис Лусис — первый призер XIX Олимпийских игр, рекордсмен мира по метанию копья.

Неизменные соперники на всех Олимпиадах — баскетболисты СССР и США.

Штангист Василий Алексеев — самый сильный человек в мире.

Лучшая амазонка мира Елена Петушкова.

Александр Тимошинин готовится к олимпийским стартам.

ЕГО СТИХИЯ — БЫСТРОТА

Когда смотришь на это спокойное лицо, трудно представить, что перед нами один из самых вспыльчивых людей, живущих на земле. Но вспыльчивость Валерия Борзова особого рода. Нет, в самых трудных обстоятельствах он вполне владеет своими нервами и славится среди всех, кто его знает, выдержкой, невозмутимостью, хладнокровием. Вспыльчивость Борзова — это вспыльчивость спринтера-бегуна, способного в считанные мгновения развить максимальную скорость, всего себя отдать в борьбе на пространстве, не превышающем двухсот метров.

Да, Валерий Борзов — один из самых сильных бегунов мира на короткие дистанции, и сейчас в его «боевом» списке записаны победы над сильнейшими спринтерами мира.

Четыре года тому назад, перед мексиканской Олимпиадой, имя Валерия Борзова было известно лишь немногим специалистам, его тренер В. В. Петровский не форсировал успехов своего ученика, хотя прекрасно понимал, что Борзов обладает удивительными способностями. Киевский студент не претендовал на место в олимпийской команде, а внимательно присматривался к тому, что происходит на спринтерском «фронте», и постепенно наращивал силы. И вот в августе 1969 года, на чемпионате СССР в Киеве, Валерий Борзов повторил время всесоюзного рекорда, установленного за год до этого Владиславом Сапеей, пробежав сто метров за 10 секунд, и этот результат поставил его в ряды сильнейших спринтеров, ведь быстрее чем за 9,9 секунды еще никто не пробегал 100 метров. А вскоре после этого Борзов стал чемпионом Европы, победил сильнейших спринтеров США сперва на соревнованиях в Ленинграде, а затем и на американской земле, добился новых успехов на Спартакиаде народов СССР, где выиграл не только бег на 100 метров, но и установил европейский рекорд на 200 метров, пробежав дистанцию за 20,2 секунды.

Борзов не знал поражений — что ни старт, то новый успех. И вот в Хельсинки на чемпионате Европы он завоевывает две золотые медали.

Пять раз выступал Валерий Борзов в нынешнем сезоне и дважды пробегал 100 метров за 10 секунд. Пять побед и дома и за рубежом убедительно говорят о том, что наш замечательный спринтер готов к самым ответственным олимпийским стартам.

В. ВИКТОРОВ

ГАСТРОЛИ ЗАВЕРШЕНЫ

Светлым предчувствием зари, грядущих великих перемен наполнен спектакль «Третья стража», которым Ленинградский Большой драматический театр имени Горького завершил свои летние гастроли в Москве...

Авторы «Третьей стражи» Г. Капралов и С. Туманов дали возможность замечательному коллективу блеснуть мастерством не безотносительно содержания (как это — скажем прямо — получилось, к сожалению, при постановке пьесы Л. Жуховицкого «Выпьем за Колумба!»), а в полном соответствии с содержанием, исходя из него... Исходя из высокого духовного смысла событий — всей истории жизни и смерти революционера-ленинца Николая Баумана.

События эти всем нам в общем-то хорошо известны. Но со сцены они вдруг предстали как бы вновь, углубленные и отточенные яркой художественной мыслью постановщика Г. Товстоногова и, конечно же, артиста В. Стржельчика, который, играя главную роль, буквально излучает свет души героя, неколебимо уверенного в победе... Только не надо думать, что эта уверенность становится единственным опознавательным знаком Стржельчика — Баумана, единственной чертой характера, так сказать, «гарантирующей» артисту решение образа большевика... Все обстоит гораздо сложнее, а потому и на сцене смотрится неизмеримо интереснее.

В умном взгляде Баумана, на мужественном, красивом его лице, опушенном мягкой светло-русой бородкой, читаешь множество мыслей, видишь отблеск сменяющихся чувств... Тут и мгновенная, находчивая оценка скрытой позиции того или иного собеседника — друга или врага; и трезвое умение по секундам рассчитать опаснейшую ситуацию; и веселое, прямо-таки мальчишеское озорство опытного подпольщика, привыкшего ходить по краю пропасти; и непреложность ленинца, верность идее; и горячая влюбленность, вера в жизнь, в революцию...

А рядом с таким вот Бауманом — Стржельчиком, вступая с ним по всему ходу спектакля в непрерывный психологический контакт-поединок, возникает еще одна могучая личность. Это Савва Морозов, которого бесподобно играет Е. Копелян... Играет, подчеркивая и оттеняя сияющую человечность Баумана, его бессмертие, его прочнейшую связь с Будущим... Трагически мрачный Морозов Копеляна несет в себе, напротив, непереносимую, буквально физически ощущаемую тяжесть бессмысленного, никчемного существования капитализма...

Будучи человеком столь же интересным и значительным, Морозов — Копелян вызывает в зрительном зале ощущения почти непередаваемые, где смешиваются и жалость, и боль, и понимание какой-то высшей справедливости, которая присутствует в судьбе этого героя, в самой его обреченности... Оба актера, прочерчивая линию непростой жизни персонажей, и образуют в спектакле некий двуединый центр... Думается, особенно ценно, что лейтмотив этих сложнейших отношений подхвачен, продолжен, развит всем ансамблем.

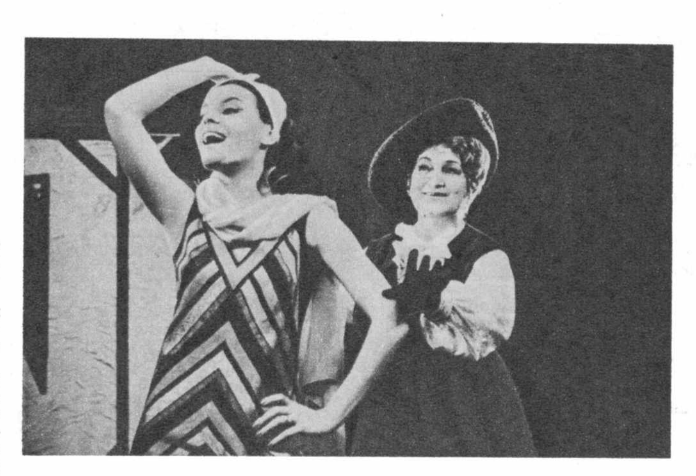
Отлично выражена поэтическая суть, вся диалектика драматургии и талантливейшим художником И. Сумбаташвили. Он предложил лаконичное и весьма емкое оформление спектакля. Грубый булыжник старой московской улицы поверху охватывает сцену с трех сторон... Он как бы и «давит» на нас, этот крупный, серый, отчетливо выписанный булыжник, но он же еще и напоминает о грозных днях первой русской революции; о баррикадах Красной Пресни; о камнях, ставших оружием восставшего пролетариата России...

Герои погибают оба. Погибают поразному. Смерть, как и жизнь, обретает здесь опять-таки значение символическое... И финал еще более обостряет ведущую идею спектакля, его взволнованную мысль,— таинственно радующую и возвышающую зрителя всей внезапной взрывчатой мощью реквиема...

И вот странное дело: как ни старался театр занять, увлечь зрителя своим будто бы вполне жизнерадостным «Колумбом» — на этом спектакле возникали совсем иные ощущения. Они заставляли, может быть, больше всего размышлять о растраченных понапрасну силах искусства... Силах, столь драгоценных и впечатляющих, когда они в современной пьесе получают опору прочную и серьезную.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ВСЕГДА В ПУТИ

Сцена из спектакля М. Дярфаша «Проснись и пой!».

Среди театров, приезжавших нынешним летом для встреч со зрителями Москвы, есть и такой, который имеет постоянное название: «гастрольный». Это Московский гастрольный театр комедии.

— Последние годы мы каждое лето играем на сцене филиала Малого театра,— рассказывает художественный руководитель Я. Кракопольский.— И всегда гастроли становятся серьезным творческим экзаменом для коллектива. Отношение весьма взыскательных москвичей помогает нам, с одной стороны, отчетливей увидеть какие-то свои промахи, а с другой — утвердиться в том, что является нашим творческим завоеванием.

Такой театр, как наш, непрерывно находящийся в пути, иной раз мало имеет времени, чтобы внимательно посмотреть на самого себя: а не растеряли ли мы в дороге что-то важное, сохранили ли объективность видения и широту кругозора... А они необходимы, если мы хотим, чтобы зритель стал нашим единомышленником, верил нам... Ведь задачи у нашего театра особые. Мы бываем порою в таких районах, где с профессиональным искусством люди знакомятся не так уж часто. И тут особенно важно заинтересовать, привить любовь к театру, пробудить творческое чувство... Бывает, что после нашего отъезда возникает самодеятельность, создаются коллективы любителей театра, и это нам особенно радостно...

Сейчас в нашем репертуаре главным образом спектакли о современности, о жизни колхозного села, о молодежи. А в планах на ближайшее будущее — «Птица нашей молодости» И. Друцэ, этот спектакль мы готовим к 50-летию СССР.

Н. ЗЫБИНА

ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В номере 27 «Огонька» мы сообщали о встрече с героями первых пятилеток и зачинателями стахановского движения, состоявшейся в редакции. Сегодня мы публикуем отчет об этой встрече.

Они вошли в нашу жизнь в громе рукоплесканий, рвавшихся из репродукторов, колонками газетных сообщений. Они разговаривали с нами с экранов кинотеатров, со страниц журналов и книг, и мы старались хотя бы немного стать на них похожими. Шли годы. Родина рождала новых героев, но те прочно заняли место в наших сердцах. Не изгладятся никогда в нашей памяти слова-символы, вмещающие в себе целые этапы жизни: «Волховстрой», «Магнитка», «Колхида», «Северный полюс»...

Вначале нам казалось невероятным собрать их всех вместе. Но вот они у нас в редакции, за нашим «круглым столом», ослепленные прожекторами, смущенные нацеленными на них камерами кинооператоров. Все так же высок и статен донецкий шахтер Алексей Стаханов. Время будто вовсе и не коснулось Мамлакат Нахангговой. Первые возгласы, дружеские объятия, задорные шутки, и вот уже могуче-широкий Иван Гудов заинтересованно басит: «Где Татьяна?» — и успокаивается, завидев на пороге стройную, золотоголовую Федорову в белом костюме. «А Виноградову вы позвали? — спрашивает Мария Демченко.— В Комсомольске-на-Амуре, на юбилее, говорите? Звонила уже из аэропорта, припоздает? Узнаю Марусю, ничего не пропустит».

Затаив дыхание, мы слушали их рассказы о себе, о друзьях и товарищах, о последователях и наследниках, о торжестве идей, преобразующих мир, и перед нами вставала, разворачиваясь, неоглядная панорама исторических свершений советского народа. Героическое далекое первых пятилеток придвинулось, стало осязаемо близким...

АЛЕКСЕЙ СТАХАНОВ

Он сам русский, из очень бедной орловской деревни. И дед его и отец уходили на юг, на заработки, и он тоже. А свой трудовой подвиг, обессмертивший его имя, совершил на украинской земле. 30 августа 1935 года Стаханов, рядовой забойщик донбасской шахты «Центральная-Ирмино», вырубил за шесть часов 102 тонны угля при норме в 7 тонн. Его рекорд стал знаменем миллионов.

Снимок 1937 года.

— Как я установил тогда, в тридцать пятом, свой рекорд? Боюсь повторяться. Рассказывал подробно много раз, книги написаны. Скажу только, что пришли мы к этому рекорду не с голыми руками, много новой техники поступило в то время на шахты, и будь я на шахте новичком, ничего бы не вышло. Но я в Ирмино к тому времени уже восемь лет отработал. Шахты сначала боялся, слова деда не выходили из головы: «Шахта — это каторга, убьешь силу свою зря, пропадешь». Как видите, не пропал! И отгребщиком был и коногоном. Потом уже забой. Обушком работал играючи, сильный был, здоровый, крепкий. Но вот ленинградские рабочие прислали отбойные молотки, машины разные пошли, с них все и началось. Очень я был доволен новой техникой и товарищей обучил. И тут мы поняли: старые условия и организация труда мешают. Посоветовались с начальником участка, парторгом и решили предоставить мне всю лаву. Дело, конечно, было не только во мне и не в рекорде. Не я, так другой стал бы первым. Через два дня мой рекорд был уже побит парторгом Дюкановым, потом спустился третий забойщик и еще больше нарубал уголька. Значит, рекорд доступен был не мне одному, а многим. Значит, все могли, перестроившись, работать по-новому, вот в чем было главное! Час, как говорят, пробил тогда для массовых рекордов, для небывалого подъема производительности труда. Поэтому почти в одно время со мной на линию огня вышли кузнец Саша Бусыгин, машинист Петр Кривонос, ткачихи Виноградовы, они могут подтвердить это сегодня.

Теперь я живу в городе Торезе. Работаю помощником главного инженера шахты 2/43 треста «Торезантрацит». Можно было бы пойти давно на пенсию, больше тридцати подземных годков на моем счету, но трудно расстаться с шахтой. Молодежь надо учить, чтобы, как говорил товарищ Брежнев на XV съезде профсоюзов, каждый молодой человек понимал роль и величие человека труда, историческую миссию рабочего класса, стремился сам стать рабочим.

АЛЕКСАНДР БУСЫГИН

Когда кузнец Александр Бусыгин в 1936 году отдыхал в Гагре, к нему подошел какой-то иностра-

Снимок 1935 года.

Июнь 1972 года.

На снимке: в первом ряду: Мария Ивановна Виноградова, заместитель директора Центрального научно-исследовательского института промышленности лубяных волокон; Леонид Георгиевич Анкудинов, почетный гражданин Магнитогорска, заместитель начальника Управления черной металлургии Минтяжстроя СССР; Петр Федорович Кривонос, начальник Юго-Западной железной дороги; Алексей Григорьевич Стаханов, помощник главного инженера шахты 2/43 треста «Торезантрацит»; Мамлакат Нахангова, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Душанбинского пединститута; Мария Софроновна Демченко, знатный свекловод страны.

Во втором ряду: Константин Александрович Борин, доцент кафедры сельскохозяйственных машин академии имени Тимирязева; Сергей Васильевич Любовенко, секретарь парткома шахты 2/43 треста «Торезантрацит», которого редакция пригласила вместе с А. Г. Стахановым; Мария Гавриловна Белик, бетонщица первого Днепрогэсстроя; Татьяна Викторовна Федорова, заместитель начальника московского Метростроя; Александр Харитонович Бусыгин, знатный кузнец; Илья Иванович Коробов, доктор технических наук, профессор Днепропетровского металлургического института; Иван Иванович Гудов, инициатор стахановского движения в станкоинструментальной промышленности; Елена Алексеевна Джапаридзе, дочь одного из 26 бакинских комиссаров, строитель Магнитки; Михаил Моисеевич Привалов, главный сталеплавильщик Главного управления металлургической промышленности.

Фото Л. Шерстенникова.

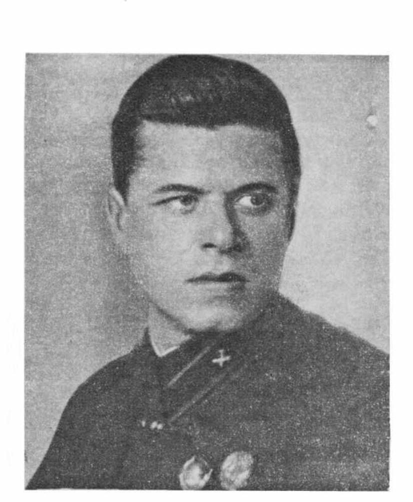
нец и сказал, что его послал мистер Форд, что он, Генри Форд, приглашает мистера Бусыгина на работу в Детройт, в Соединенные Штаты, и что будет платить ему золотом. Бусыгин ответил иностранцу, что не собирается набивать карманы Генри Форду, что он работает для своей Родины, для своего народа.

— Много времени прошло с тех пор, как 19 сентября 1935 года я поставил свой рекорд. Я пенсионер теперь. За это время не одно поколение кузнецов сменилось в моей кузнице, о них, автозаводцах, я и хочу рассказать. На валах, на которых я раньше ковал, стоит Арефий Огнев, знаменитый на всю страну человек. Пришел он к нам с фронта кавалером двух орденов Славы. И ранения у него были, а вот он взялся за наше трудное кузнецкое дело. Да как! Тоже пошел на штурм старых норм, как и мы в свое время. И своего ученика, а потом сменщика, Дмитрия Карцева зажег. Прошлую пятилетку бригада Огнева выполнила за четыре года и два месяца, а собиралась за четыре с половиной. Арефию Ивановичу присвоили звание Героя Социалистического Труда, автозаводцы послали его на XXIV съезд партии, а сменщиком Огнева стал Карцев. Что же дальше? А вот что... «Я считаю,— заявил Огнев через газету «Правда»,— что у нас есть возможность увеличить сменную выработку за пятилетие еще валов на пятьдесят». Это, конечно, если им помогут смежники, конструкторы и администрация. Вот это будет достижение! Никто теперь не станет проверять, действительно ли он человек или автомат. Весь мир убедился, что для советских людей пределы не заказаны. А про автомат я упомянул вот почему. Когда я дошел до 1 677 валов в смену, стали ездить к нам на завод американцы, французы, англичане. Не верили, что обыкновенный человек стоит у молота, думали, что какой-нибудь великан или автомат.

Недавно, в июне, был я в Набережных Челнах. Дело в том, что мы, инициаторы стахановского движения — Стаханов, Мария Виноградова, Кривонос, Гудов и я,— обратились к молодым строителям КамАЗа с призывом энергичнее развертывать соцсоревнование, бороться за быстрейшее сооружение нового автогиганта. Видел я на стройке множество техники, вся нашенская, советская. От бульдозеров и экскаваторов земля гудит. Молодежи со всех республик понаехало. И уж заметно, что завод поднимается. Родственником нашему приходиться будет — и по роду машины и по земле: Кама ведь в Волгу впадает...

ПЕТР КРИВОНОС

Машинист депо Славянск Донецкой железной дороги Петр Кривонос первым стал ездить со скоростью, в два раза превышающей норму. Примечательно, что в числе его первых последователей машинисты из других республик — Огнев из Тулы, Циклаури из Тбилиси, Папавин из Вологды...

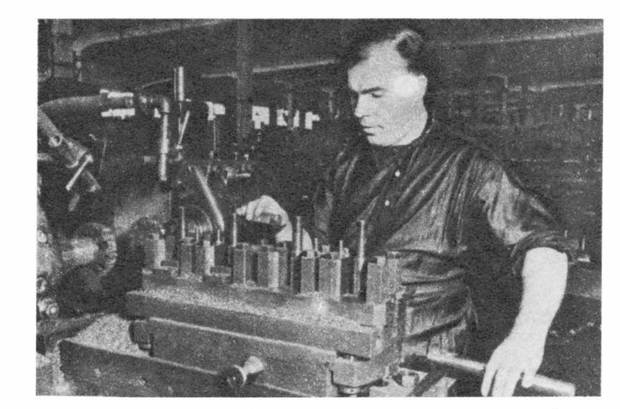
Снимок 1937 года.

— Стаханов и Бусыгин опередили меня, и я хотел говорить о том, что традиции, заложенные в первые пятилетки, приумножаются. Молодежь с честью несет знамя, поднятое отцами. Мне особенно было приятно участвовать в октябре прошлого года в Донбассе во Всесоюзной встрече представителей трудовых династий, созванной ЦК ВЛКСМ и Донецким обкомом партии. В Славянске, там, где ставился рекорд, эстафету трудовых традиций я вручил лучшему машинисту электровоза комсомольцу Геннадию Агатьеву. Это совсем еще молодой человек, образованный, волевой и упорный в достижении поставленной цели. Конечно, его даже трудно сравнить по уровню развития с передовиками тридцатых годов. Тогда даже семь классов считались «высоким» образованием. Ныне десятилетка, училище или техникум для транспортника — необходимая норма. Иначе и не может быть: произошло техническое перевооружение железнодорожного транспорта. К нам пришла автоматика, телемеханика, вычислительная техника, паровозы сменены локомотивами более высокого класса — электровозами и тепловозами. Ими без глубоких теоретических знаний, без специальной подготовки не овладеешь. Поэтому особое внимание мы уделяем

вопросам совершенствования управления производством, повышения экономических знаний, добиваясь, чтобы каждый рабочий, техник, инженер грамотно решал стоящие перед ним задачи.

Работая начальником Юго-Западной ордена Ленина железной дороги, каждый день сталкиваешься с примерами самоотверженного труда наших людей. По инициативе знатного машиниста локомотивного депо Киев-пассажирский Героя Социалистического Труда И. П. Ситникова широко развернулось соревнование в честь 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик. Нашим подарком юбилею будет не менее миллиона тонн народнохозяйственных грузов, перевезенных сверх плана.

ИВАН ГУДОВ

Снимок 1935 года.

Начальник цеха дал Ивану Гудову срочное задание: «Поднатужься, но сделай». К утру детали были готовы. Контролер проверил: сработано отлично. Технолог прикинул: 410 процентов нормы. Тридцать пять лет спустя Гудов написал в своей книге «Судьба рабочего»: «День этот — 13 сентября 1935 года — стал поворотным в моей жизни...»

— Если говорить о времени, товарищах и о себе, то хочется прежде всего проанализировать, в чем же была главная сущность стахановского движения. Что оно означало? Работа Стаханова была не просто хорошая работа. Если бы он по-прежнему оставался в коротком уступе и сам бы рубал уголь и сам крепил забой, то будь он в десять раз сильнее, никогда бы не дал столько угля, как в ту знаменитую августовскую ночь. Ударами своего отбойного молотка он как бы открыл новый, творческий смысл труда рабочего человека. Открыл простор не только в угольной лаве, но и в любой отрасли промышленности. Простор для полета мысли, для творчества. И это уже была мысль не простая, а инженерная. Ведь у нас, в станкостроении, как было?

Сначала мы с инженерами спорили, у нас с ними были конфликты.

Теперь я сам инженер и могу уже оценить прошлое и сопоставить с настоящим. В прошлом мы на **заграничном** первоклассном оборудовании делали простейшие револьверные, токарные, фрезерные и другие станки из самой мягкой поделочной стали. А сегодня уже на **отечественном** первоклассном оборудовании делаем станки высшего класса из особой, легированной стали.

И все, что окружает рабочего — сам цех, завод,— резко изменилось. Бывшие токари, фрезеровщики, которые когда-то своим талантом, опытом — шестым чувством постигали новое, сами стали конструкторами и технологами. Их творчество — и в цехах, и на выставках, и на заграничных заводах. Станки с советской маркой идут во многие страны мира.

ЕЛЕНА ДЖАПАРИДЗЕ

Снимок 1931 года.

На фотографии десять мужчин и одна девушка. Под фотографией подпись: «Лучшие ударники первой пятилетки». Они возводили Магнитку. Девушка — молодой инженер Елена Джапаридзе, приехала сюда после окончания МВТУ, строила центральную электростанцию, была прорабом. После Магнитки — электростанция в Дагестане. Работала в наркомате, много лет была заместителем министра черной металлургии СССР. Вот какой нелегкий путь избрала для себя дочь революционера, бакинского комиссара Алеши Джапаридзе, расстрелянного в 1918 году...

— Я хотела бы говорить о дружбе народов. Может быть, именно потому, что эту дружбу народов завещали нам наши отцы. Среди 26 бакинских комиссаров были русские, азербайджанцы, армяне, евреи, латыш. Все они боролись вместе и все вместе погибли. Дружба народов, которой не пятьдесят, а гораздо больше лет, завещана нам нашими отцами, потому что закон братства определен был Лениным. По этому закону равенства и братства мы живем и трудимся. По этому великому закону мы строим свою жизнь сегодня, будем строить и завтра. Закон этот лег в основу национальной политики Коммунистической партии. В качестве примера можно привести создание одного из форпостов нашей индустрии — Магнитки. В мою бытность только на нашем участке работали старший мастер Желобаев из Ленинграда, техник Гуджабидзе из Грузии, башкиры братья Сабитовы.

Так строились Турксиб и Днепрогэс. Так сооружаются сегодня КамАЗ, Токтогульская и Нурекская ГЭС. Закон братства нерушим. Стахановское движение тоже по своей сути глубоко интернационально. В том-то его и сила, что, родившись на Украине, оно перекинулось в Россию, из России — по всей стране. Такого размаха ударничество и стахановское движение достигли потому, что с самого начала решительно были поддержаны Коммунистической партией. Каждый порыв, шедший снизу, немедленно становился известным Центральному Комитету. Кто первым узнал о Стаханове? Наш нарком Серго Орджоникидзе! От кого Стаханов получил первую поздравительную телеграмму? От секретаря ЦК. И, надо сказать, это сыграло решающую роль: ведь у Стаханова даже на его шахте были противники.

Но нельзя забывать и о другой особенности того периода. Достаточно вспомнить, с какой любовью партия пестовала и выдвигала молодежь, заботилась о смене, которая придет к руководству промышленностью. Молодые специалисты для ознакомления с достижениями техники откомандировывались в Соединенные Штаты, Германию, Англию и Францию. Только наш наркомат подготовил целую плеяду талантливых инженеров и организаторов. Тевосян, Завенягин, Емельянов, Павел Коробов, Носов, Лихачев, Райзер — это все школа Серго Орджоникидзе, которой он передавал свой стиль руководства — стиль высокой требовательности и принципиальности, досконального знания дела, прямого контакта с людьми (к Серго можно было обратиться всегда, по любому вопросу) и невероятно энергичной оперативности. Еще тогда, в первые пятилетки, были выработаны те основы и нормы, из которых складывался характер управления сложнейшими предприятиями и отраслями народного хозяйства.

МАРИЯ ВИНОГРАДОВА

Снимок 1935 года.

«В Вичуге ткачихи Дуся и Мария Виноградовы начинают вместо 16—24 станков по норме работать на 70—100, а теперь и на 144 станках» (из вступительной речи Серго Орджоникидзе на I Всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев).

— Опоздала, товарищи, простите, прямо с самолета, из Комсомольска-на-Амуре. Я хочу рассказать о том, как это было тогда, в тридцатые годы. Время было романтическое, полное энтузиазма и пафоса. Все менялось на глазах, перевооружалась и наша текстильная промышленность. Сначала к нам на фабрику привезли английские станки-автоматы, а потом наши из Ленинграда. Решили мы с Дусей Виноградовой обслуживать не меньше семидесяти. Получилось. И качество есть и количество, и стали зарабатывать больше. Но вот услышали о Стаханове, потом о Бусыгине, о Пете Кривоносе, о Борине... Ну, девушки-текстильщицы, неужели мы отстанем от ребят? И решили взять сто станков. О нас тоже заговорили, народный комиссар легкой промышленности пригласил в Москву. Мы заволновались: до того никуда не ездили, даже своего центра Иванова не видели. Начальство посмотрело на нас и подумало: надо бы нас приодеть. Дусе Виноградовой и мне специально привезли из Иванова модные туфли — первые в моей жизни. Едем в Москву, радуемся, да в новых туфлях. Когда остановился поезд — на перроне народу!.. И музыка играет. Пришли рабочие коллективы нас встречать — Трехгорная мануфактура, «Красная Роза», фабрика имени Фрунзе. Конечно, нам не по себе: простые ткачихи — и такой прием. Пришли в наркомат, а

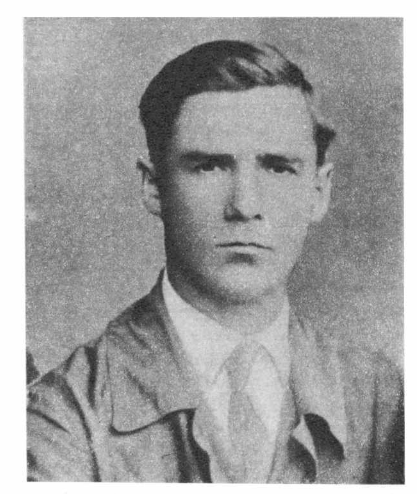
там уже полно текстильщиков со всего Советского Союза. А мы мечтали: как бы познакомиться со Стахановым, Бусыгиным, Кривоносом... Встретились мы с ними во второй приезд в Москву, когда принимал нас Серго Орджоникидзе. У него все передовики промышленности собрались. Совещание было хорошее, теплое, Серго говорил: «Вот смотрю и думаю — кто сидит передо мной? Мальчишки и девчонки. И вот эти девчонки и мальчишки так перевернули все нормы!» Серго посоветовался с Михаилом Ивановичем Калининым, и нам тогда сообщили, что состоится встреча со всеми руководителями партии и правительства. Мы с Дусей встревожились: не станем же мы работать на 144 станках, если нам с кремлевской трибуны выступать! Леша, это Стаханов, еще спрашивал: «Сколько берешь?» Дуся говорит: «Давай попробуем 180». Но нас опередила Тася Одинцова (тоже ивановская, с комбината «Большевик», соперница наша). Тася на 200 пошла. Сталин тогда встал и сказал: «Посмотрим, чья возьмет. Вот это,— говорит,— соревнование, это не рекорды отдельных личностей, это уже целый переворот в промышленности!» Потом я выступаю, говорю, что мы свой рекорд никому не отдадим, 208 берем! Говорю так, а сама соображаю: мы-то слово даем, рассчитываем на свои силы, а как посмотрит коллектив? Коллектив нас поддержал. И вдруг неожиданно узнаем накануне дня нашего рекорда, что Одинцова будет рапортовать о 208 станках. Представляете? Помните фильм «Светлый путь»? Там Тане, чтобы поставить ее станки, стенку ломают. Так это про нас. И у нас стенку ломали. Только Таня песенку поет, мы тоже иногда пели, а иногда и плакали. «Выплакали» 216 станков. Таким образом, рекорд остался за нами!

Потом нас всех наградили орденами.

Теперь на ткацкие фабрики гидравлика пришла, пневматика, автоматика. Я работаю в институте, в курсе всех новшеств. Очень много новых крупных предприятий построено, и другие сейчас гремят имена: Валентины Бобковой, Зои Пуховой, Алевтины Смирновой, Этери Соломонии, Валентины Плетневой... И вновь разгорается соревнование текстильщиц. Только мне никогда не забыть того огневого времени!

ЛЕОНИД АНКУДИНОВ

Вечером пошли пускать доменный газ. Задвижку магистрали на газопроводе прихватило морозом. «Придется разбирать»,— сказал прораб. На Магнитострое существовало одно правило: «Пока не сделал — не уходи». Монтажники развели костры, крана не было, пришлось делать все руками, и пальцы прикипали к металлу. Было минус сорок. Работали всю ночь. А утром прораб доложил: «Магистраль к блюмингу № 2 подключена». Так начинал Леонид Анкудинов, будущий управляющий трестом «Магнитострой». 37 лет строил он Магнитогорск и цеха комбината.

Снимок 1932 года.

— Только что мы услышали рассказ о металлургах Юга. Я хочу поделиться своими мыслями о Магнитке, флагмане советской черной металлургии. Я счастлив, что участвовал в ее создании, в рождении на нашей планете такого города, как Магнитогорск. Сейчас в нем четыреста с лишним тысяч населения. А когда я приехал из Свердловска, лежала под горой Магнитной ровная степь...

Как известно, Магнитка начала строиться в двадцать девятом. Тогда еще стахановского движения не было. Но у нас уже были свои ударники первой пятилетки, было боевое комсомольское соревнование бригад, участков, смен и были свои рекорды, вошедшие в хронику, я бы сказал, не только всесоюзного строительства, но и международного. В Магнитогорском музее несколько витрин и стендов посвящены Хабибуле Галлиулину — в одних фотографии, в других его ордена, мандаты и личные вещи, в третьих макеты. Галлиулин был необыкновенный человек, самородок. В тридцатом году он приехал из Казани со своей бригадой в полном составе. На сооружении коксохима он так продумал технологический поток, что в один из дней — было это, если память мне не изменяет, 23 июля тридцать первого года — за 8 часов выдал 1 196 замесов. Мировой рекорд! Такой производительности еще никто нигде до него не достигал! И тут же своему методу стал обучать других. Работал он у нас инструктором передовых методов труда, позже их стали называть стахановскими, учился в Промакадемии, был директором бетонитового завода — словом, до конца дней своих связал с Магниткой свою судьбу.

На сооружении гиганта металлургии родилось много нового. Начинали строить Магнитку вручную, без механизмов, все из кирпича, а сейчас на Магнитке почти все жилые дома из крупных панелей, крупнопанельное строительство впервые здесь и родилось. Бывая по долгу службы — я работаю в Минтяжстрое — на других стройках, вижу, что Магнитогорский трест является как бы эталоном, по образу которого создаются специализированные организации на новых строительных площадках страны.

ИЛЬЯ КОРОБОВ

Летом 1898 года из деревни Костюрино, что на Орловщине, пешком пришел в Дружковку, под Краматорском, Иван Коробов. Земляк он был Алексея Стаханова. Пришел крестьянский сын на заработки, а стал знаменитым на всю страну доменщиком Коробовым. Природный ум, интуиция позволили ему до тонкостей освоить доменное дело и непрерывно совершенствовать его. Три сына Ивана Григорьевича — Павел, Николай и Илья — выросли в крупных командиров промышленности. Доменщиками стали и сыновья Ильи Коробова.

Снимок 1938 года.

— Алексей Григорьевич Стаханов, начав свой рассказ с тридцать пятого года, дал всем нам как бы ключ к выступлениям. В то время я, еще очень молодой инженер, работал в доменном цехе Макеевского завода. Макеевка в ту пору была в числе прогрессивных, лучших металлургических предприятий. В тридцать пятом году она завоевала во Всесоюзном социалистическом соревновании первое место и знамя «Правды». Именно тут удалось создать такую совершенную, механизированную доменную печь, как № 4, в проектировании и сооружении которой участвовал мой отец. Отсюда, с Юга, уже пошли лучи передового опыта на Магнитку и в Кузнецк — они только вступали в жизнь — пошли на все другие новейшие заводы страны. Макеевка первая стала рентабельным металлургическим заводом. Как известно, наши предприятия находились тогда на государственной дотации.

В войну мне пришлось заниматься эвакуацией предприятий. Сегодня очень часто говорят о челябинских металлургах. Так вот, голова завода, его доменный цех,— это был доменный цех Новолипецкого завода, и он был разобран и взят буквально из-под носа у немцев, в прифронтовой полосе. Уже к началу сорок четвертого года первая доменная печь в Челябинске вступила в строй. Ничего подобного мировая практика до этого не знала.

Большая часть моей жизни связана с заводом имени Петровского. Этот старейший завод, отпраздновавший недавно свое 85-летие, много дал металлургии. Тут впервые был разработан новый способ работы доменных печей на повышенном давлении газа и с применением природного газа, тут был освоен новый вид сталеварения с помощью кислорода в конверторах.

И сейчас металлургия Юга успешно решает проблемы, поставленные XXIV съездом КПСС, совершает новый качественный скачок вперед. На Криворожском заводе имени Ленина сооружается крупнейшая в мире доменная печь, объемом пять тысяч кубометров, на «Азовстали» — стан «3600». Везде идет упорная борьба за качество металла. Традиции стахановского движения живы!

МАРИЯ БЕЛИК

Навстречу ей по гребню плотины шел какой-то пожилой человек, высокий, сутуловатый, с длинными, развевающимися волосами.

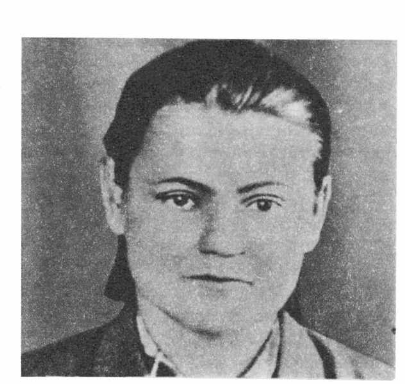
— Девочка, ты не знаешь Марию Белик?

Мария от неожиданности лишилась голоса. Он повторил свой вопрос дважды, но она все молчала, так и застыв с лопатой через плечо.

— Это я,— с трудом выдавила она наконец.

Тогда он вдруг обратился ко всем, кто шел мимо:

— Держите ее, держите, я так долго хожу и ищу ее.

Снимок 1930 года.

Позже Мария узнала, что странным, как ей показалось, человеком был Максим Горький. Писателю рекомендовали познакомиться с ней как с лучшей ударницей и бригадиром.

— А я строила Днепрогэс. У нас тоже ударники были, еще до стахановцев рекорды ставили. Только вот говорить я хорошо не умею. Видели фильм «Три песни о Ленине»? Я в нем снималась. Это фильм о Днепрогэсе, Чирчикстрое и Волховстрое, которые еще по плану ГОЭЛРО строились. Меня там снимали с водолазом Вороновым.

Ну, а как мы работали? Приехала я по призыву партии в двадцать восьмом. Смотрю, пороги, село и тысячи грабарей. Лом, кайло и лопата — вот и вся механизация. Когда началось бетонирование, стали организовываться бригады. Женя Романько работала на правом берегу, а мы с Машей Жуковой — на левом. Соревновались бригада с бригадой, левый

берег с правым, боролись за перевыполнение промфинплана, за красное переходящее знамя. И вообще в 30-м году было жарко. В разгар укладки бетона везде — на щитах, на бычках — расклеены призывы, лозунги, листовки. И тогда стремились выполнить пятилетку в четыре года. Выполнили! В тридцать втором году 10 октября закрывали гребенку, последнюю бадью давали под музыку. Участвовали самые лучшие работники. Большая группа строителей была представлена к наградам. В том числе и меня наградили орденом Ленина.

А в войну пришлось мне эвакуироваться с малыми детьми в Узбекистан. И тут я на себе прочувствовала, что значит братство, дружба между нашими народами. Пришел наш эшелон в Ферганскую долину. Распределили нас по колхозам. Одна старушка кибитку мне отдала. «Бери,— говорит,— ты михман («гость» значит)». Она полюбила меня, как дочь,— то плова принесет, то шурпы. Не только я, но и Вера, моя старшая, поузбекски говорить научилась. Даже танцевала по-узбекски. Но в колхозе я недолго работала. Напечатали в газетах про Фархадстрой. Захотелось мне еще одну ГЭС построить. Приезжаю туда, а там целый интернационал — и белорусы, и молдаване, и русские, и украинцы. Была бетонщицей, мотористом, мастером. В моей смене 150 человек работало. Узбеки — очень трудолюбивый народ. Хорошо у нас дело пошло. Построили ГЭС, медаль «За трудовую доблесть» мне вручили. Собралась я домой, а Саркисов, начальник строительства, говорит: «Оставайся, поедем строить Ферганскую ГЭС». Но очень уж хотелось в Запорожье... А Узбекистан я полюбила навсегда...

МАМЛАКАТ НАХАНГОВА

Трое взрослых мужчин в халатах подкараулили ее вечером на дороге. Она только что отнесла последний фартук собранного ею хлопка на хирман и, усталая, но счастливая, шла домой. Под раскидистой шелковицей трое взрослых сильных мужчин сбили с ног одиннадцатилетнюю девочку, ребенка, и не скупились на тумаки: «Вот будешь знать, как перевыполнять норму. Если сделаешь еще раз — убьем...»

Но Мамлакат не испугалась: она была очень упорная, она была пионерка!

Снимок 1935 года.

— Сегодня я впервые в жизни вижу Стаханова. Не в кино, не на фотографии, а живого Алексея Стаханова, сижу с ним за одним столом. А он, вероятно, и не подозревает, какую роль сыграл в моей жизни. Когда мы с сестрой были еще дошколятами, мама водила нас на хлопок, и мы привыкли помогать ей. А в школу пошли — обязанностей прибавилось. Еще третьеклассницей я учила взрослых читать и писать — в то время Таджикистан был краем почти сплошной неграмотности. Но и про хлопок мы не забывали. После уроков сразу на поле. А летом — с самого утра. Старшие ребята, комсомольцы, работали своими бригадами. И мы решили свое звено создать, ученическое. Вот когда еще зародились первые ученические бригады. И где? У нас! Я горжусь этим!

Меня пионерской звеньевой избрали, потому что я собирала хлопок быстрее всех. Так уж у меня получалось. Норма 13 килограммов в день, а я — 60, 70, 80 собирала. Некоторые люди не верили, ходили за мной, следили, говорили, что в меня нечистая сила вселилась, что не может взрослый человек, не только ребенок, так много делать. А тут в школу вожатая газету принесла, в которой как раз про Стаханова было написано, про его рекорд. В колхозе митинг собрали. Ребята толкают. «Выступи,— говорят,— скажи, что пионеры будут помогать колхозникам». Вышла я перед народом и не знаю, что со мной стало. Объявила, что беру обязательство собрать 102 килограмма хлопка. Именно сто два. Если Стаханов смог нарубить 102 тонны угля, то почему, думала, я не смогу собрать 102 килограмма хлопка? Ведь хлопок намного легче угля?.. Вот видите, на что вы меня толкнули тогда, Алексей Григорьевич!

Конечно, это было наивно, подетски, но слово, как говорят, не воробей!.. Вылетит — не поймаешь... Свои сто два я собрала, даже больше, и пришлось меня тогда принять в колхоз, как взрослую.

Когда я приехала в Москву, на съезд колхозников-ударников, Сталин мне сказал: «Спасибо за пример, Мамлакат. Ты показала, как надо работать. Теперь ты должна учиться!» Пошла я в Душанбе, в школу-интернат. После войны окончила институт, защитила диссертацию... Заведую кафедрой иностранных языков. Моя специальность — английский. Два раза ездила в Англию.

Я часто встречаюсь с молодыми хлопкоробами и механизаторами. Конечно, мои довоенные рекорды — сейчас прошедший день. Хлопок почти не убирают руками — работают хлопкоуборочные машины. На полях — комбайны. За штурвалом машин и комбайнов сидят капитаны в косынках. В Колхозабадском районе есть такой колхоз «Коммунизм». Бригаду возглавляет в нем энергичная женщина Шарифа Боронова. И есть в этой бригаде Турсуной Занжирова. Она ветераном считается — уже три года работает на агрегате. А ветерану только-только исполнилось двадцать лет! Таких девушек у нас теперь много. Только в том колхозе десятки комбайнерок.

ТАТЬЯНА ФЕДОРОВА

В суровом сорок втором бригадиру чеканщиков Тане Федоровой поручили пойти к Михаилу Ивановичу Калинину, пригласить его на встречу с метростроевцами. Калинин принял ее в Кремле, расспрашивал про работу, про настроение. В конце беседы сказал: «Знаешь, Таня, очень важно, чтобы люди, которых выдвинул коллектив, когда вырастут — не уходили, не порывали с ним связи». Тогда Таня дала себе слово, пока будут у нее силы, оставаться метростроевцем. И сейчас она заместитель начальника Московского метростроя.

Снимок 1935 года.

— Хочется сказать сердечное спасибо редакции за приглашение, за возможность всем нам встретиться. Из искры, которую тогда, в те годы высек Алексей Стаханов и его последователи, разгорелось огромное пламя. Перекинулось оно и к нам, в Московский метрострой. Мы в то время приступили к сооружению второй очереди Московского метро. Я работала в проходческой бригаде, и мы, комсомольцы, бесконечно гордились, что наша бригада называется стахановской.

Недавно наш коллектив отмечал свое сорокалетие. На сегодня заложена сотая станция столичного метро и смонтировано трехсоттысячное кольцо тоннеля, то есть триста километров подземной трассы сооружено. Немало сделано, но еще многое предстоит осуществить. Самое главное — что за эти годы выросла армия замечательных людей. В годы первых пятилеток они подхватили знамя стахановского соревнования, которое с гордостью несет сегодня новое поколение — у нас восемь Героев Социалистического Труда. Кажется, еще совсем недавно один из них, Василий Слажнев, установил мировой рекорд проходки одним забоем — 400 метров за месяц. А теперь этот рекорд уже побит. Его превзошли Волков, Голубев, Меркушев и Чистов. Я думаю, это достойный рапорт метростроя.

И вот что мне особенно хочется подчеркнуть в связи с 50-летием образования СССР. Первую линию метро строила буквально вся страна. Представители всех национальностей, какие есть на нашей земле, все были у нас — под землей. За сорок лет это великое содружество еще более окрепло, потому что семья метростроевская очень выросла и послала своих сыновей во многие республики. Москвичи прокладывают тоннели в горах Средней Азии и Кавказа, участвуют в сооружении подземных трасс в Баку и Тбилиси, в Киеве и Харькове. Скоро будут они и в Ереване, Минске и Ташкенте.

КОНСТАНТИН БОРИН

Снимок 1934 года.

15 лет на комбайне, 89 годовых норм и три миллиона пудов намолоченного хлеба — таков «послужной список» Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии Константина Александровича Борина — инициатора передовых методов труда на уборке сельскохозяйственных культур.

— Первые, ранние годы как-то больше остаются в памяти. Судьба забросила меня из Горьковской области на Кубань. Там из переселенцев Поволжья — чувашей, татар, удмуртов, мордвы и нижегородцев — был организован колхоз имени Горького. Надо сказать, хороший это колхоз, крепкий и поныне. Я стал работать механизатором-комбайнером. Молодежь тянулась к технике, но были мы малограмотными. Четыре класса, мы считали: о! Это человек дюже грамотный! Вспоминаю наказ Михаила Ивановича Калинина. Когда он вручал мне орден Ленина, то так тихо, но очень значительно сказал: «Хорошо, товарищ Борин, ты комбайнер хороший, ты семьянин хороший — я слышал, у тебя уж трое детей». Я говорю: «Да». «А вот грамоты у тебя только два класса. Уж очень мало». Я укор понял. К сороковому году завершил среднее обра-

зование без отрыва от производства, поступил в институт. Война. Пришлось отложить учебу. Чуть не полземного шара прошагал с частями Советской Армии — дошел на западе до Пилау, на востоке — до Порт-Артура.

В 46-м году снова стал за штурвал комбайна. Защитил диплом, потом диссертацию и остался на преподавательской работе. Имею дело с сельскохозяйственной техникой. Если вспомнить «Коммунар» и «С-1», на которых я работал, то их даже трудно сравнить с комбайнами «Нива» и «Колос». Двигатель был 28 лошадиных сил. Сейчас — 100 лошадей, а на следующих будет 150, ширина молотильной части была 500 миллиметров, теперь — 1 500. А условия труда! Теперь сиденье на комбайне как кресло. А в то время даже при малых моих габаритах я с трудом вписывался, ни развернуться, ни повернуться, и над ухом выхлопная труба... Да еще 160 точек смазки. Шприцем, бывало, до того накачаешься, что шатает...

Да, условия труда стали совсем другими. Сельское хозяйство сейчас становится и уже стало на промышленную основу. Создаются комплексы. Я думаю, что и полеводческие машины изменятся. Вот выступал Петр Кривонос. Ему хорошо, у него есть рельсы, по которым всегда, хоть в снег, хоть в дождь, можно передвигаться. А у нас выпал дождь — и сеялка стоит и пробуксовывает, и никуда ты не пойдешь. А уборка? В прошлом году в Московской области пошел дождь, вся техника стала, и опять картофель руками копали. Сельское хозяйство — наш цех, самый большой цех страны. Наверное, недалеко то время, когда технологический процесс и сева и уборки в этом цехе станет другим.

МИХАИЛ ПРИВАЛОВ

Снимок 1938 года.

О нем говорили: «Первый сталевар Сибири», — потому что он сибиряк по рождению — родился в поселке Дроздовском, Новосибирской области, и действительно одним из первых сибиряков стал в свои 18 лет к мартену. К первому мартену, пущенному в 1932 году на Кузнецком металлургическом комбинате — КМК. Количество стали, выплавленное им, измеряется миллионами. Поэтому так и говорили: «Приваловские миллионы».

— Илья Иванович Коробов, говоря о тридцатых годах, правильно заметил, что Магнитка и Новокузнецк тогда еще учились ходить. Но должен сказать, что даже первые шаги наши были уверенными, широкими. Помню, как энергично было поддержано на КМК изотовское движение за быстрейшее овладение новой техникой. Когда я начинал работать сталеваром, у нас боролись за выплавку 80 тысяч тонн стали в год. Сейчас мартеновские печи Кузнецкого комбината, работая без кислорода, дают стали в четыре раза больше. Металлурги КМК всегда оказывали техническую помощь узбекскому, азербайджанскому, руставскому заводам, Макеевке, «Запорожстали», «Азовстали».

Но никогда еще так интенсивно, так оперативно не происходил обмен опытом между сталеварами Советского Союза, как за последние 2—3 года. Об этом я могу судить как главный сталеплавильщик Главного управления металлургической промышленности. Стоит появиться где-нибудь чему-то новому, передовому, как это новое очень быстро становится достоянием всех. Помогают в этом так называемые плавки дружбы — они были в Макеевке, Караганде, Липецке,— семинары и межзаводские школы. Одна из таких школ была на Магнитке в связи с выпуском 200-миллионной тонны стали. В юбилейной плавке участвовали сталевары всех союзных республик. Это был настоящий праздник! Участвовали в этой плавке и зарубежные гости, специалисты из ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Польши. А вот как проходила межзаводская школа на Череповецком металлургическом. Хозяева демонстрировали свои успехи. Потом к печам стали узбек В. Салтыков, азербайджанец Э. Али-заде, латыш Г. Брикманис, украинец В. Кирьян... Вот это и есть братская рабочая дружба! Такие школы очень много дают.

МАРИЯ ДЕМЧЕНКО

Снимок 1935 года.

В новом, третьем издании БСЭ о ней написано: «...инициатор массового движения колхозников за получение высоких урожаев сахарной свеклы... Почин Демченко превратился в мощное социалистическое соревнование, получившее название движения пятисотниц».

— Мамлакат рассказала, как она работала, будучи школьницей, а потом стала учиться. Моей мечтой тоже было учиться. После Второго Всесоюзного съезда колхозников я поступила на подготовительные курсы, потом окончила сельскохозяйственный институт. Стала агрономом. Двадцать лет проработала в одном колхозе.

Мне приходится очень много ездить и выступать перед молодежью. Рассказываешь — и прямо не верится, что все так было. Я ехала на съезд в Москву в сатиновой юбочке, ситцевой блузочке, косыночке, и так они мне нравились, казалось, такая я девица нарядная! Трудно жила страна, и мы это понимали. А сейчас приезжают на съезд девчата такие, что хочется спросить у них: в каком ателье шили, в какой парикмахерской причесывались? Приедешь в село к себе, племянница пироги ставит. А мы и хлеба не наедались. Сейчас входишь в дом, в комнаты светлые, добротные,— не дом, а рай, тут телефон и радио, у каждого телевизор. Что еще надо? Только работай.

Недавно я была в Красноярском крае. Побывала в тех местах, где Ленин жил. И вот знаете, когда читаешь — одно, а когда там находишься, как будто видишь его, как будто ты с ним рядом, и думаешь: 27 лет, юноша, а какой человек был! Смотришь на Шушенское, каким оно тогда было, каким стало сейчас, и думаешь: вот она, большая дорога мужества, и прокладывала ее молодежь.

Побывала я в Шушенском на птицеферме, посмотрела на полностью «механизированную» курицу. Полностью! Там все так устроено — ей и воду подайте и корма подайте, она яичко только снесла и не видела, куда же делось это яичко. Пошла на животноводческую ферму — 460 коров обслуживают 4 доярки в белых фартучках, подставляют механизмы, подойники, молоко себе идет по трубам в цистерну, охлаждается — куда и что, доярка тоже не видит, ей только присоединять трубочки осталось. Спрашиваю: «Сколько же вы зарабатываете? Наверное, рублей 150—160?» Она говорит: «200 рублей получаю, потом в конце года еще 600 рублей дополнительной оплаты. Два теленка есть. Квартира, в квартире газ, свет, ванна. И кино у нас, и столовая, и парикмахерская, и Дом культуры».

Да, огромные перемены произошли в нашей жизни. Не зря, значит, не жалея сил, трудились мы в тридцатые годы. Наша работа в жизнь пошла.

СЕРГЕЙ ЛЮБОВЕНКО

Снимок 1972 года.

— Я не был стахановцем, не строил Днепрогэса и Магнитки, хотя бы потому, что родился «с опозданием». Но вот уже несколько лет работаю на одной шахте с Алексеем Григорьевичем Стахановым и, как парторг этой шахты, хочу рассказать о том, как молодое поколение Донбасса — шахтеры, металлурги, машиностроители, труженики сельского хозяйства — свято бережет и продолжает лучшие традиции советского народа. Достаточно сказать, что уже два года в Донецкой области идет социалистическое соревнование трудовых коллективов за приз героев первых пятилеток — шахтера Никиты Изотова, металлурга Макара Мазая, трактористки Паши Ангелиной.

Вы, наверное, помните, а мы читали, что из Донбасса в Караганду прибыл в 32-м году первый красный эшелон шахтеров. Недавно Алексей Григорьевич через газету «Казахстанская правда» обратился к шахтерам Караганды: «Давайте соревноваться, друзья, давайте находить и использовать сполна все резервы производства!» Первыми откликнулись на этот призыв горняки шахты «Стахановская». Такое имя у нее не случайно. Алексей Григорьевич работал на этой шахте № 31 в годы войны. 15 мая делегация шахтеров Караганды побывала у нас, и мы обсудили условия соревнования в честь 50-летия образования СССР. Наши республики роднят и другие дела. В суровые военные годы украинские шахтеры работали в Караганде. А когда Донбасс был освобожден от немецко-фашистских захватчиков, карагандинцы приезжали помогать его восстанавливать.

Хочу сказать о большой общественной деятельности Алексея Григорьевича. Стаханов очень много делает по воспитанию молодой шахтерской гвардии. Он частый гость горнопромышленных училищ, встречается с ребятами, знает все об их жизни. У нас крепкая дружба с Донецким политехническим институтом. Студенты приезжают к нам на практику, читают лекции, устраивают вечера художественной самодеятельности. В свою очередь, при институте работает совет шахтеров. Возглавляет его Алексей Григорьевич. У нас есть своя «подшефная дивизия», в которую мы провожаем шахтеров-новобранцев. Алексей Григорьевич и в этой дивизии частый гость. А сколько бесед он провел с молодыми шахтерами! Как видите, возраст не помеха, когда человек в строю. И в том, что наша шахта по всем показателям в числе лучших по Донбассу, есть доля и его труда.

В заключение, как представитель молодого поколения Донбасса, хочу сказать, что мне было очень приятно присутствовать на такой встрече, впервые увидеть и героев первых пятилеток и зачинателей стахановского движения, увидеть их здравствующими, полными энергии и сил — словом, в строю. Всем рабочим нашего шахтоуправления, учащимся, студентам буду рассказывать об этой встрече.

Иван ИСАЕВ

ЛИРИКА

ИСПЫТАНИЕ ОСЕНЬЮ

Наконец-то
и час назначается:
наша осень
вступает в права!
Осыпаются листья случайностей.
Обнажается ствол естества.
Разверзаются хляби небесные.
Отверзаются в жажде уста...

Как я шел —
это дело известное.
Кем пришел я —
сюда,
для суда?
Суесловье,
тщета,
обещания...—
Жизнь
любого шутя сокрушит,
столько верных путей обнищания
золотого запаса души!
Сохранил ли?
Растратил в беспечности?
Так, что дунет в меня ветерком —
и предстану я,
по-древнегречески
прикрываясь последним листком?..

* * *

Квадратура житейского круга.
И зовешь ее
в письмах
подругой,
и живешь
лишь ее дорогим,
и ответно
в приливе участья
и любви ей желаешь,
и счастья,
и всегда
— почему-то —
с другим...

* * *

К тебе ведет кривая тропка,
к тебе ведет крутая лестница.
Все так загадочно-подробно
при свете тающего месяца.
Загадки нравятся подросткам.
А мы с тобой
знакомы с истиной:
мы —
два законченных наброска
к одной картине
недописанной.
В ней
ничего случайно-лишнего:
лишь ты и я —
и мир ликующий!

...Нам не хватило только линии,
одной-единственной,
связующей.
Да, под рукой, водимой Временем,
с его страстями, интересами,
мы вышли сложным уравнением
с двумя простыми неизвестными.
Два неизвестных — два значения.
Чтоб разрешились все мучения,
недоставало только
третьего.
И ты
его
как будто встретила.
Разлад души и нервотрепка
лишь так
всегда и всеми
лечатся.
...Уводит вниз крутая лестница,
уводит вдаль кривая тропка.

* * *

Всякое деревце
верует,
надеется,
что придет пора
топора,
что, идя на слом,
станет напоследок
светом и теплом
или просто светом.
В печке прогудеть!
В костерке протрескать!
На глазах детей!
Посреди подлеска!
С дымом, с искрами,
безоглядно, искренне,
все, что накопил —
в жар,
в пыл!..

* * *

Зеленеет и роща и нива,
зелен воздух по вешней поре.
Только ива,
страдалица ива,
сколько помнит себя —
в серебре.
Наклонилась, как вышла на берег,
над водою —
и косы на дно...
И не может,
не в силах поверить
в то, что ей их
отмыть не дано.

* * *

Дух здоров в здоровом теле,
лишь всего сполна отведав.
...Неужели
в самом деле
жизнь — вопросы без ответов?

Кто я?
Что?
Зачем?
Откуда?
Разобраться — бор дремучий.
Был я, есть и так и буду
почему-то почемучкой.
И помру, как видно, тем же.
Надо мною же
береза
будет гнуться безутешным
знаком вечного вопроса...

ВМЕСТО ТОСТА

Ну вот и снова стопки полны —
и пей и яства уминай!..
Эх, годы-годы!..
Только вспомни...
Ах, что я, нет, не вспоминай...
Пусть память голосом глубинным
не омрачает торжество.
Я жил.
Любил и был любимым.
Ах, что я, не было того.
Порой, когда мне было тошно
и я сходил с ума от мук,
тепло друзей, как свет в окошке...
Ах, что я, это ни к чему.
У нас сегодня именины,
давай эмоции уймем,
...и имя Нины, имя Нины...
Ах, что я, лучше без имен...
Пусть наша жизнь жар-птицей жжется —
ее за перышки лови!
Живи, покамест мне живется!
Ах, что я, нет, переживи!
И в час, когда, свое исполнив,
я загремлю, минуя рай,
ты обо мне в застолье вспомни...
Ах, что я, нет, не вспоминай...

НАПИШИ МНЕ

Вечереет —
и словно сближаются
разобщенные днем города.
Напиши мне сегодня, пожалуйста,
этот вечер со мной скоротай.
Напиши, как решишь —
описательно
или сдержанно, в общих чертах.
Занимательность не обязательна
для умеющих письма читать.
Напиши —
и за строчкой размашистой,
торопливой, как поздний состав,
наша жизнь — пестрый шарф
размотавшийся —
промелькнет,
как смешок на устах.
Напиши —
и в разрезе окошечном
мир затеплится —
зимний, земной...
Напиши мне сегодня —
о том, что ты
эту ночь коротаешь со мной.

* * *

Бывает —
вешним
вещим вечером
бредете в парке молодом...
И вдруг
как будто кто
на плечи вам
кладет
забытую ладонь.
И вы
на месте замираете,
затылком чувствуя уста,
и в то же время понимаете,
что за спиною
пустота...

К. Брюллов. ДЖУЛЬЕТТА ТИТТОНИ.

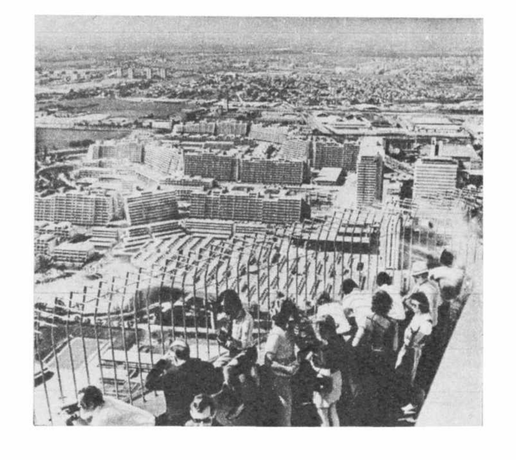

К. Брюллов. АЛЬБАНКА. ДЕВОЧКА В ЛЕСУ.

МЮНХЕН ОЛИМПИЙСКИЙ

Юрий НОВИКОВ

Фото А. ГОЛИКОВА.

Мы отправились в Обервизенфельд смотреть олимпийский комплекс. В пути не раз задавались вопросом: почему именно Мюнхен, скажем, а не Кельн или Гамбург? Очевидно, потому, что ласковое прозвище «миллионендорф» (деревня с миллионом жителей), данное мюнхенцами своему городу, имеет веские основания. В Мюнхене нет крупных промышленных предприятий, за исключением сборочного завода «БМВ» и электронного завода «Сименс», много зелени, парков, естественных лужаек, в предместьях немало озер и прудов, лежащих, как говорят немцы, «у самых дверей», по восточной части города течет быстрый горный Изар — короче, воздух в городе очень чист, а это немаловажно. Не последнюю роль в выборе, павшем на столицу Баварии, сыграло богатство памятников материальной культуры, античного искусства, шедевров мировой живописи и ваяния, которым располагает Мюнхен. Здесь запланирована обширная культурная программа для спортсменов и туристов. А что до затрат, вылившихся в Мюнхене в сумму почти полтора миллиарда марок, то нынешние олимпийские сооружения, пущенные под студенческие общежития и жилые массивы, универмаги и конторы, быстро себя окупят, а город, кроме того, получит первоклассный спортивный комплекс.

До олимпийского городка мы добрались на метро, которое здесь заложено очень неглубоко, иногда всего на несколько метров под проезжей частью улиц. Строители с гордостью говорили, что все транспортные средства — метро, электричка, автобусы и трамваи — смогут в дни соревнований за полчаса доставить или увезти от спортгородка до 50 тысяч пассажиров.

Выйдя на конечной станции «Олюмпия штадион», мы увидели перед собой часть олимпийской деревни — дома для женщин-спортсменок, высокие, с черно-серыми панелями. Позади нас возвышалась гигантская башня из притиснутых друг к другу четырех круглых зданий, напоминающих автомобильные цилиндры. Рядом с башней — приземистые корпуса современной архитектуры. Это непосредственный сосед Олимпийских игр — концерн «Байерише моторен верке» («БМВ»). Он не только сосед, но и «участник» Игр: предоставил в распоряжение оргкомитета столовую на 2 500 мест, высотный гараж на 2 тысячи стоянок (те самые «цилиндры»!) и 200 машин для судей и организаторов соревнований. Однако нас интересуют прежде всего спортивные сооружения, и мы спешим к главной арене — олимпийскому стадиону.

Смотрели его со стороны: чтобы пройти вовнутрь, нужен особый пропуск. Издали стадион не назовешь очень уж красивым. С одной из длинных сторон овала над полем нависли на высоких, как ноги у паука, растяжках какие-то серебристые полупрозрачные покрывала. Такие же «зонтики» у плавательного бассейна и универсального спортзала, стоящих между стадионом и двухсотвосьмидесятиметровой телебашней. Однако, поговорив со специалистами и узнав цифры, характеризующие эти сооружения, а главное, отзывы болельщиков, побывавших тут, начинаешь по достоинству оценивать эту техническую идею и ее осуществление. Крыши из стали и акрилового стекла общей площадью 74,8 квадратного километра воплотили в себе труд более сотни математиков, архитекторов, инженеров, статиков, испытателей, задали работу более чем 250 монтажникам и 368 специалистам по стальным конструкциям и изоляции. Авторы этих сооружений уверяют, что открыта новая область архитектуры: простой в принципе метод становится очень обещающим в безопорном растяжном завешивании больших площадей.

А ипподром для скачек с препятствиями выстроен в предместье города «Риме», по соседству с аэропортом, так что приезжие, попыхивая сигарами, смогут следить за состязаниями, не отлучаясь далеко от касс «Люфтганзы» (что в условиях наплыва туристов не так уж и неоправданно...). Если учесть, что в Мюнхене, стоящем на рубеже между массами альпийского холодного воздуха и прогретого воздуха среднеевропейских равнин, дожди иногда идут непрерывно по целым неделям, то значимость проведенных работ говорит сама за себя.

Одного инженера мы спросили, почему дома для спортсменок окрашены в более чем скромные серо-черные тона. Рассмеявшись, он ответил, что красок во время Олимпиады женщинам не занимать, а для студентов, которые здесь впоследствии поселятся, такой цвет лучше: больше располагает к занятиям...

За олимпийской деревней, в домах которой предусмотрены оптимальные варианты для «разрядки» спортсменов после соревнований, рядом с залом для волейболистов мы увидели рассеченное на несколько отсеков здание радио-телевизионного центра Олимпиады. Нам назвали здесь несколько интересных цифр. В распоряжении 4 тысяч представителей прессы из 120 стран мира будут 5 больших вычислительных машин, 290 телетайпов и 72 счетно-обрабатывающих устройства. На территории олимпийского городка и в других частях Мюнхена, где будут проводиться состязания, действует внутренняя телевизионная служба с собственной частотой канала для связи между собой всех узлов Олимпиады. А для выхода на экраны телезрителей всего мира Игры будут транслировать 4 студии через 4 телеспутника и 2 наземные телекоммуникации.

А сколько же самих спортсменов примет участие в Играх? Оказалось, что около 10 тысяч, но есть опасения, что будет больше. Почему «опасения»? Потому что все еще существуют определенные проблемы с размещением всех гостей, ибо, помимо десяти тысяч спортсменов и четырех тысяч журналистов, прибывают две тысячи технического персонала, тренеров и врачей, почетные гости, официальные представители (это не считая двухмиллионную армию туристов, которая легко может оказаться и трехмиллионной и четырех...). Оргкомитет Олимпиады признал, что могут поэтому возникнуть проблемы с транспортом, с наймом на короткое время 28-тысячного персонала — гидов, переводчиков, поваров и т. д., с проведением тренировок, хотя уже существует детальное расписание.

Но самая главная проблема для мюнхенцев, как пишут местные газеты и признает оргкомитет,— это проблема входных билетов, точнее, проблема их лимита. Открытая продажа билетов на состязания началась уже год назад, 1 июля 1971 года. И тогда уже стали раздаваться возмущенные реплики жителей баварской столицы о том, что из-за бесчисленных видов брони «на интереснейшие и популярнейшие виды программы билеты достать невозможно»(!).

Так что до того момента, когда 26 августа мощный духовой оркестр грянет «Олимпийские фанфары», написанные живущим в Базеле гамбургским композитором Гербертом Ребайном, немало еще вопросов придется решать организаторам этого всемирного спортивного форума.

По оформлению территории городка спортсменов и улиц Мюнхена видно, что не последнее значение организаторы придают идее интернациональности олимпийского движения. Характерно, что из 291 плаката, присланного на конкурс олимпийской афиши художниками всего мира, был выбран плакат, созданный африканским мастером. Идеи интернационализма и мира, тема дружбы народов всех стран отражены и в культурной программе спортивного фестиваля, где предусмотрены различные музыкально-фольклорные выступления артистов Старого и Нового света, молодежные диспуты о взаимовлиянии культур различных народов, лекции ученых, концерты мастеров искусств ряда государств Азии, Африки, Латинской Америки...

Президент оргкомитета XX Олимпийских игр Вилли Дауме, говоря о последних приготовлениях к соревнованиям, сказал: «Надеемся, Мюнхенские игры сгладят впечатления, которые еще с тридцатых годов остались пятнами на нашем авторитете, и покажут миру новую, другую страну в таком размере, в каком это не позволяло пока сделать ни одно мероприятие...» Да, Олимпийские игры в Федеративной Республике Германии должны, по замыслу организаторов, подтвердить волю этой страны к миру и добрососедству со всеми странами.

Приближение Олимпиады всюду напоминает о себе. На одной из центральных улиц — Нойхаузерштрассе, невдалеке от Мариенплац, работает «аптека Людвига». Эта аптека интернациональна — здесь можно заказать лекарство по рецепту из любой страны, была бы печать и подпись врача. Витрины многих магазинов сплошь уставлены миниатюрными флагами государств. Над входом в некоторые универмаги тоже развеваются пестрые гирлянды флажков, а под ними прямо на дверных стеклах надписи: «Мы говорим по-французски... по-русски... по-японски».

Программа Олимпийских игр в Мюнхене по сравнению с мексиканской расширена на три «забытых вида», и среди них стрельба из лука. Она будет проходить в знаменитом Английском саду, возле озера.

Когда смотришь на ровные, пронзительно-зеленые травяные площадки сада с редкими аллеями и рощицами каштанов и вязов, на резвящуюся детвору, на силуэты окружающих сад главных соборов Мюнхена,— словно оживают страницы произведений Томаса Манна.

Не менее роскошны зеленые покровы в замке Нимфенбург, расположенном в 4 километрах от центра города. Здесь будут соревноваться мастера выездки лошадей. Уже построены трибуны для зрителей, размечены газоны для выступлений наездников и даже поставлен летний шатер-ресторан.

Уже недалек тот день, когда украшенный бело-голубыми полотнищами (национальные цвета Баварии) Мюнхен встретит тысячи пришельцев со всех сторон света.

Мюнхен — Москва.

ПЯТАЯ ЧЕТВЕ

Юрий ЛУШИН

Фото автора.

Мы лесники!

Солнце, воздух и вода...

Комары пищат, а мы — нет!

РТЬ

Недавно ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы». В нем, в частности, говорится: «Развивать и совершенствовать работу ученических производственных бригад и другие педагогически обоснованные формы организации труда учащихся. Признано целесообразным привлекать школьников, особенно старшеклассников, в период каникул к организованному трудовому участию в народном хозяйстве, благоустройстве и озеленении городов и сел, в охране природы».

Наш рассказ о том, как школьники Новосибирска проводят лето.

У дома еще нет крыши, но он поднялся уже выше сосен. Белая кладка стен резко выделяется на фоне хвои и листьев. Отсюда, с третьего этажа, весь лагерь, как на ладони: ряды палаток, дорожки между ними, летняя столовая. Слева открывается вид на грандиозное строительство бани «имени Барашкова» (по словам мальчишек) или «Витенькиной бани» (в интерпретации девчонок), а проще говоря — строительство душа. Там возле врытых в землю столбов хозяйничает девятиклассник Виктор Барашков со своим звеном. Они считают этот объект первоочередным и, не обращая внимания на шутников, торопятся изо всех сил: дни стоят жаркие.

Да и тут, на самом здании будущего корпуса пионерского лагеря, работа, что называется, кипит на всех этажах. Мелькают кирпичи в быстрых руках, внизу ребята устанавливают опалубку для бетонирования, а самые отчаянные заняты «адским» делом — ведут изоляцию горячим битумом.

Это лагерь труда и отдыха «Зеленый мыс», в котором проходят трудовую и спортивную закалку ученики новосибирской школы № 159. По программе такую практику должны проходить девятые классы, но в этом году перед отъездом в лагерь восьмиклассники отправили к ним делегацию с просьбой: «Возьмите и нас!» Взяли, но с одним условием: «Не пищать!» И ребята, помня уговор, сразу же после приезда в «Зеленый мыс» вывесили между сосен большой плакат: «Комары пищат, а мы — нет!». Тут же состоялось комсомольское собрание отряда (высший орган управления), составили план, определили дневную норму, назначили звеньевых...

И пошла работа. Конечно, не всем и не все сразу удавалось. Кто-то не умел устанавливать опалубку, класть кирпичи, кто-то раньше не держал в руках лопату. Но жизнь в отряде заставляет проявлять чувство товарищества, сильные помогают слабым, умелые передают свой опыт тем, кто рядом. Трудности объединяли, трудности учили доброте. Через несколько дней все имели представление о разных строительных работах и достаточно квалифицированно выполняли их.

У дома еще нет крыши, но он поднялся уже выше сосен. А крыша будет, обязательно будет...

* * *

Лесники — народ солидный. Каждая травка, каждый цветок, каждое дерево раскланиваются с ними, когда проходят они лесом. Так и быть должно.

Лагерь босоногих лесников «Голубые дали» открывается неожиданно и весь сразу: палатки на лесной опушке, гамаки между сосен, настольный теннис. И никаких заборов. Кругом лес, тишина и трели птиц. Пахнет нагретой хвоей, теплыми травами. Хорошо! Но лагерь пуст, никого нет, за исключением дежурных поваров. Нынче юные лесники на посеве сосны, клена, вяза, на посадке тополя, а кто на санитарной рубке, на распиловке леса, на заготовке ровных сосновых жердей, которые пользуются большим спросом на виноградниках.

Лагерь существует двенадцать лет, но лишь недавно приобрел и трудовой уклон. Возможно, это самый первый лагерь труда и отдыха в Новосибирской области...

Все это я узнаю от начальника и создателя «Голубых далей», учительницы географии школы № 126 Нины Михайловны Воротниковой. Она ведет меня по лесным тропинкам и просекам в глубь Заельцовского бора, туда, где работают школьники. И я ничуть не удивляюсь, когда узнаю в учениках непосредственность и живость, характерные для учительницы. Представляю, как они сидят на ее уроках, — разинув рты! Каждый из них способен прочесть небольшую лекцию о лесе. И главная задача в лагере лесников — привить интерес к природе. Причем этим интересом заражены не только энтузиасты, но и большинство ребят школы. Многие из них с рюкзаком за плечами исходили долгие километры туристских троп Алтая и Новосибирской области. Некоторые выпускники школы поступили на лесное отделение и геологические факультеты институтов...

В лагерь возвращаемся другой просекой, не менее живописной, чем та, первая. Горн, знакомый по пионерскому детству, напоминает: «Бери ложку, бери хлеб...» Со всех сторон по разным тропинкам стекаются к лагерю лесники. Каждый стебелек, каждая веточка приветствуют их. Так и быть должно.

* * *

С началом лета звонок на трудовую четверть позвал старшеклассников на поля совхозов и колхозов, строительные площадки, лесные просеки. Почти десять тысяч школьников Новосибирска проводят часть каникул в ста одном лагере труда и отдыха. Сейчас трудно сказать, станут ли профессиональными строителями Виктор Барашков или Ира Казанцева из лагеря «Зеленый мыс», посвятят ли свою дальнейшую жизнь заботам о лесе Валерий Скрипников, Оля Черепанова, Виктор Санин из «Голубых далей». Трудно сказать, сколько ребят из этих десяти тысяч сделают окончательный выбор в жизни после трудового лета. Несомненно одно: все они узнают, что такое труд интересный, любимый и какова цена и сладость отдыха.

Дом растет.

На прополку леса.

12

...А теперь послушаем разговор Раскольцева и Сальге. В аппаратной собралась вся наша группа: Василий, Сретенцев, Волоков...

САЛЬГЕ. Здравствуйте, доктор!

РАСКОЛЬЦЕВ. Вы?.. Здравствуйте! Удивили...

САЛЬГЕ. У вас два дня не отвечает телефон!

РАСКОЛЬЦЕВ. Идут работы...

САЛЬГЕ. Знаю. Ведут подземный кабель... Почему?

РАСКОЛЬЦЕВ. Как это почему? Была воздушная линия, ведут подземный кабель. Я думаю, это лучше.

САЛЬГЕ. Мне именно сегодня надо было вам звонить... Случайность?

РАСКОЛЬЦЕВ. Не сходите с ума! Мы два года добивались, чтобы проложили подземный кабель. Я даже и генерала просил.

...В этом месте сидевший рядом со мной Василий даже поднял руку, чтобы я обратил внимание... Действительно, здесь в разговоре Сальге и Раскольцева что-то улавливалось в интонации: бытовое, приземленное. Словно бы говорили они об общем и давнем знакомом. Я попросил повторить фразу, отметил для себя, как строились паузы. Пошли дальше.

САЛЬГЕ. Я не люблю неслучайные случайности!

РАСКОЛЬЦЕВ. Этак нельзя! У меня больше оснований беспокоиться. Вы белым днем являетесь сюда...

Раскольцев еще и успокаивает его! Это неожиданность!

САЛЬГЕ. Белым днем спокойнее. Здесь я управляю своими действиями, а не кто-то иной! Кабель — это вторжение в мою самостоятельность!

РАСКОЛЬЦЕВ. Что вас беспокоит? Вы что-нибудь заметили?

САЛЬГЕ. Я? Я всегда к этому готов!

С огромной самоуверенностью и даже обидой на Раскольцева он произнес эти слова. И добавил:

— Я научился ходить невидимкой... Это моя профессия! Что же вы не поинтересуетесь судьбой своего старого друга?

РАСКОЛЬЦЕВ. Я знал, что она в руках профессионала!

А он не лишен чувства юмора, этот доктор! И вот уже с беспокойной интонацией:

— Не наследили?

САЛЬГЕ. Смерть человека всегда оставляет след... в душах! Какой-то бандит что-то с ним не поделил... Выбросил в окно на ходу поезда... Ночью сошел на маленькой станции, угнал самосвал. Уголовщина...

РАСКОЛЬЦЕВ. Они откопают, что это не Притыков!

САЛЬГЕ. Ну и что же? Может быть, даже у вас о нем спросят. Только не делайте глупостей! Хвалите его! О покойниках дурно не говорят. Вот к супруге его я напрасно наведывался... Да, я не думал, что он откажется, так что пришлось убрать. У нас были за вас опасения: доктор, величина, связи... Но все это — прошлое. Можно начинать работу! Лекарства мои готовы?

РАСКОЛЬЦЕВ. Не так скоро! Вы сами не торопили!

САЛЬГЕ. Начинайте! Беда другая. Мы рассчитывали на связь через Шкаликова... Придется использовать запасной вариант!

РАСКОЛЬЦЕВ. Он надежен?

САЛЬГЕ. Что в нашем деле можно считать надежным? Вы могли бы мне это сказать? Мы с вами разыгрываем не рождественский спектакль на детской елке!

РАСКОЛЬЦЕВ. Кто это?

САЛЬГЕ. Его пароль «Ангел пустыни». У нас любят такие экстравагантные пароли, что-нибудь вроде «Удар грома», «Зимняя гроза», «Созвездие Гончих Псов»...

РАСКОЛЬЦЕВ. А у него — так просто вызывающий.

САЛЬГЕ. Мне объяснили, что это сюжет русской иконы.

РАСКОЛЬЦЕВ. Так кто же он?

...Наступила пауза. Василий чему-то усмехнулся. И вдруг слышим негодующий возглас Раскольцева:

— Вы с ума сошли! Да ведь это — мальчишка! У него нет прошлого!

...Понятна усмешка Василия. Не произнес имени, на записке написал. «Нет прошлого...» Значит, не во время войны познакомился Раскольцев с этим Ангелом пустыни...

САЛЬГЕ. Зато его настоящее нас устраивает... И здесь идет смена поколений, доктор! Я попробую его на скользящей передаче, все сам проверю. У вас с ним связь упрощена. Есть и второй пароль. Он идет после первого... Через несколько фраз: «Привет от Эдвардса!» Все! Как только будет готова посылка, можете к нему обратиться. Отдыхайте! Я больше к вам не пожалую...

Мы сидели некоторое время в тяжелой задумчивости. Такая уж профессия, сталкивает она с человеческой подлостью, грязью, предательством, изменой... К этому привыкнуть невозможно.

— Соучастие в убийстве подтвердилось! — заметил Василий, хотя было мне ясно, что думает он уже не о соучастии в убийстве. Прояснился теневой фон. Оправдывалось и решение не брать этого господина. Рано!

Куда же тянут они теперь свои щупальца? Ну прежде всего, конечно, Ангел пустыни. Связной. Человек, близко знакомый с Раскольцевым. Раскольцеву известен его характер, он молод, коли Раскольцев назвал его мальчишкой, связь с ним у доктора упрощена... Сюжет русской иконы. Вполне достаточно отправных точек.

Генерал? «Я даже и генерала просил...»

Здесь все более туманно и неустойчиво. Это могло быть и проходной фразой, ровным счетом ничего за собой не несущей. Просил какого-то генерала похлопотать о закладке подземного кабеля. Сказал об этом... Только интонация настораживала. Так, как была произнесена эта фраза, говорят только о людях, известных обоим собеседникам. Сразу вопрос: почему этому господину известно, что у Раскольцева есть знакомый генерал? Стало быть, вообще круг знакомых анализировался теми, кто послал к Раскольцеву этого господина. Анализировался, поскольку нашли Ангела пустыни, связного из близкого окружения Раскольцева.

Сомнений не было. Раскольцев был оживлен как старый агент. Завербован он мог быть только в плену. Кем? Гестапо или абвером? Особого, правда, значения это не имело... Он перешел в наследство другим хозяевам. Пытались оживить и Шкаликова. Сорвалось... Мы тогда не знали, какой был разговор у Шкаликова с Сальге, но мы знали, что Сальге убил его, что надежды на Шкаликова не оправдались.

Оживляют агентуру. Зачем? Просто так, на всякий случай это не делается. Стало быть, Раскольцев понадобился именно сейчас, и всего вероятнее, только потому, что прикоснулся к лицу или объекту, интересующему хозяев этого посланца, хозяев бывшей гестаповской и абверовской агентуры.

Этот строй рассуждений подводил нас к генералу... Опять же все это было смутно, интерес мог быть проявлен совсем и не к генералу. Но к кому-то он проявлялся. Надо было установить круг знакомств Раскольцева и посмотреть, куда через него устремился этот господин.

За это взялся Василий.

Меня вызвали для доклада.

— Чем объясняется, что вы не задержали убийцу Шкаликова?

— Слишком это было бы просто, — ответил я. — Настоящее расследование только начинается! Сегодня мы знаем, что этот неизвестный, он же Гусейнов, оживил агента иностранной разведки. Можно предполагать...

— Предполагать не надо! Древние говорили, что все дороги ведут в Рим... В конечном счете, от кого бы этот господин ни действовал, все сойдется в одном центре... Оживил? А может быть, Раскольцев и был действующим агентом?

— Нет! Из записи их разговора видно, что они только начинают работать... Оживлен Раскольцев, и ему придан связник.

— Кто связник?

— Это один из вопросов расследования...

— Какое на вас впечатление произвел Раскольцев?

— Всех фактов мы еще не знаем. Противник он сильный. Я ему оставил свой телефон.

— Зачем?

— Представился чекистом... Занимаюсь историей... А вдруг?.. Вдруг сама рука потянется к телефону? Будет легче обратиться к человеку знакомому, к своему пациенту. Может быть, это его подтолкнет прийти...

— С повинной?

— Сначала, может быть, посоветоваться! Может быть, еще жив в нем человек?

— Может быть... Может быть... Если его руки в прошлом не запятнаны кровью! Этот господин не уйдет, пока вы ведете расследование?

— Он проверит, как пойдет передача... Этим у нас обеспечена еще одна встреча с ним.

НАЙТИ ВОСКРЕСШЕГО

Ф. ШАХМАГОНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА.

13

Вечером у Раскольцева на веранде собрались гости, почти все до одного участники этих событий.

Приехал к Раскольцеву сыграть партию в шахматы и генерал-полковник Брунов.

Забежал на огонек художник Казанский. Он приехал не столько к Раскольцеву, сколько к его дочери. Елена Раскольцева закончила Суриковский институт по отделению искусствоведения. Они и познакомились в институте.

Казанского в доме Раскольцевых принимали по-разному. Елена вообще-то знала цену его живописи. Казанский ей был интересен своими знаниями памятников древнерусского искусства. Раскольцев же смотрел на Казанского как на преуспевающего молодого человека. Он был не против такого знакомства. Не пьет, хорошо зарабатывает, купил машину...

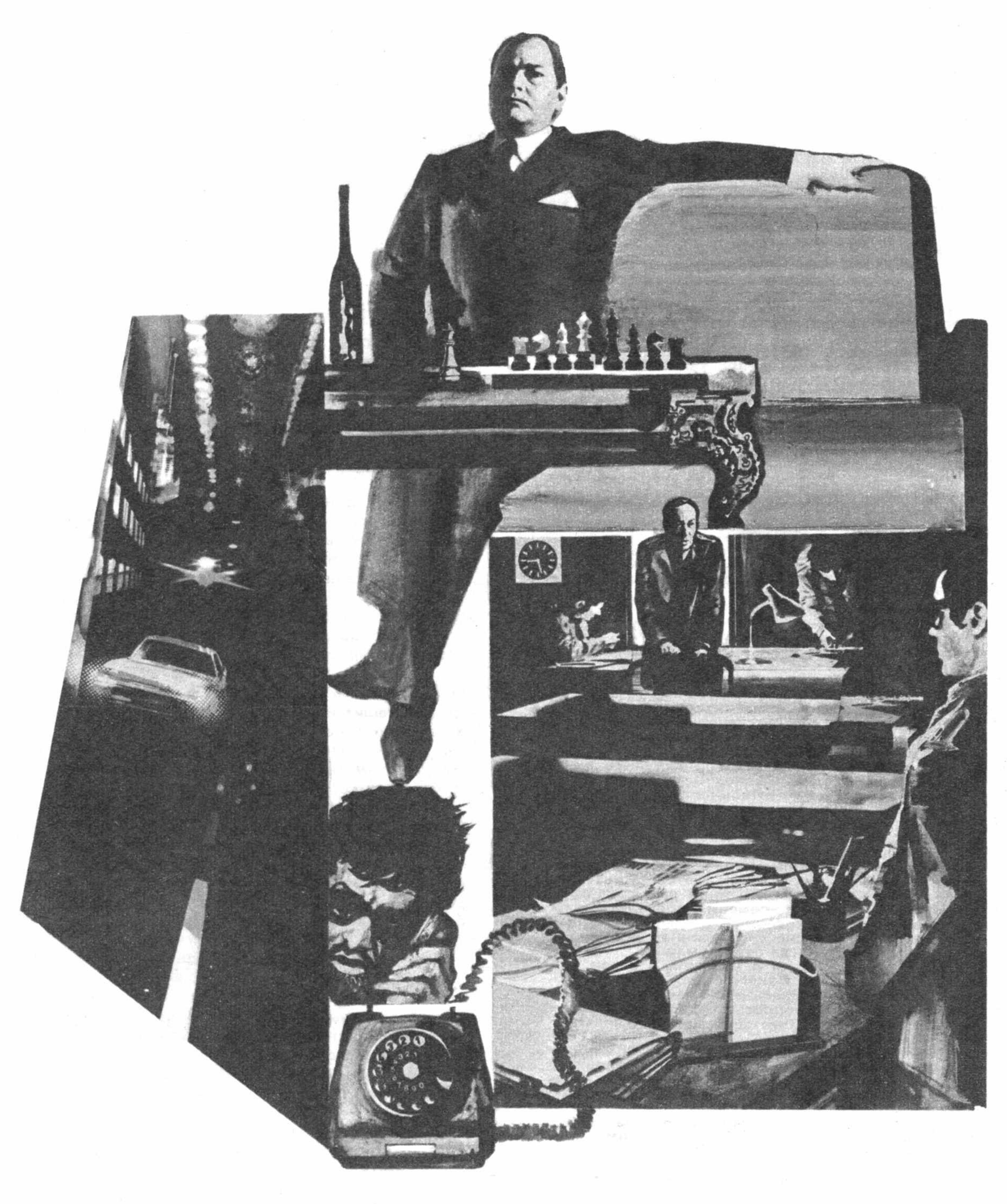
Брунов не первый раз видел художника у Раскольцева, привык к нему.

Разговор зашел о недавней поездке Казанского вокруг Европы.

Говорил Брунов.

— Я слышал, что вы там знамениты! Как-то мне пришлось просмотреть запись пере-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—32.

дач радиостанции «Свобода». Их обозреватель не скупился на эпитеты в ваш адрес. Вы знаете, что такое радиостанция «Свобода»?

— Наслышан... Газеты читаю...

— Вас не настораживает, что они вас хвалят?

— Это их дело! Я к этому стараний не прилагал.

— Я не о стараниях... Помилуйте! Но там же сидят оголтелые враги России. Я не оговорился! Именно России! Они выставляли ваши картины... Какие?

— Библейские сюжеты... Эта тема не имеет прямого адреса! Она абстрактна, вечна... Скачущие всадники... Страшный суд... Воскрешение из мертвых... Земля и море отдают своих пленников... Древние обладали богатой фантазией на ужасы...

— Может быть, они не знали настоящих ужасов и не могли себе представить хотя бы даже Хиросиму! Те, кто сегодня вещает по радио «Свобода», содержатся на деньги тех, кто сбросил атомную бомбу на Хиросиму! Я вас не утомил, Евгений Прокофьевич? Скажете — пропаганда! Я не могу до сих пор поверить в добрые чувства тех, кто выжигает напалмом вьетнамские деревни...

Раскольцев смягчил остроту спора ироническим вопросом:

— В атомный век, наверное, даже игра в шахматы потребует новых правил! Шахматное искусство атомного века... Скажите, Петр Михайлович, как человек сведущий, нам, непосвященным... Скажите... Ну вот разразилась катастрофа! Не предотвратили! Есть ли хоть какая-нибудь надежда... нам, простым людям, уцелеть?

— Не предотвратили?— переспросил Брунов.— Это действительно катастрофа! Мне както пришлось читать в одной американской газете, по памяти точно не процитируешь, но я хорошо запомнил эти строчки. Почти цитата! Новая война, пишут они, не должна быть военным разгромом вражеской нации, как это было в прошлых войнах, а буквальным истреблением вражеского народа. Для истребления всего народа надо сбрасывать бомбы так, чтобы уничтожить без всякой жалости мужчин, женщин, детей, сжечь их жилища, разрушить заводы, отравить воду, выжечь урожай и превратить саму землю в безжизненную пустыню... Вот так! А вы, молодой человек, принимаете, не задумываясь, знаки одобрения этой публики.

— Но есть же какая-нибудь надежда? Как, как можно спасти нацию от уничтожения?!— воскликнул Раскольцев.

— Прежде всего не чувствовать себя обреченным, не утратить сопротивляемости. Это даст энергию для активных действий!

— Но вот разразилось!

— Вовремя узнать, вовремя оповестить все население, вовремя принять все намеченные и заранее разработанные меры. Я приведу пример... Не конкретизируя. Система мероприятий для спасения миллионов разнообразна... Она состоит из множества отдельных деталей, каждая из которых во время исполнения спасает один процент населения страны... Это, дорогие мои, два с половиной миллиона жизней! Вы врач... Вам надо знать, как спасать людей. Я дам вам кое-что почитать...

Елена накрыла на стол. Выпили чаю, генерал уехал. За шахматную доску сели Евгений и Раскольцев.

Они остались на веранде вдвоем. И вдруг Казанский услышал полушепот доктора:

— Женечка, вы, по-моему, проявляли интерес к иконе «Ангел пустыни»?

Это грянуло как гром. Казанский не забыл истории, которая с ним произошла во время путешествия в Европу, но надеялся, что вспомнят о нем не скоро. Не от Раскольцева, не от близкого ему человека, думал он услышать эти слова. Евгений в испуге поднял голову.

— Зачем так пугаться!— с укоризной и успокаивающе сказал Раскольцев.— Вам привет от Эдвардса!

— Вы?— выдохнул из себя Казанский.

— Вас же просили ничему не удивляться! И уже другим тоном, тоном безапелляционного приказа:

— Я сейчас принесу вам коробку с лекарством. Вам позвонят и скажут, куда их доставить.

В кабинете Раскольцев вынул из кармана портативный магнитофон в форме портсигара, извлек оттуда бобину чуть побольше пуговицы от пальто, вложил бобину в коробку от лекарств, заклеил ее условленным образом и вышел к Казанскому.

Коробочка с лекарством легла на шахматную доску.

— Не вскрывать!

— Что? Что здесь?— шепотом спросил Казанский.

— Лекарство! И кончим об этом. Вы ничего не знаете. Вы передаете лекарство. Ваш ход.

Казанскому было не до игры.

— Возьмите себя в руки! Мальчишка! Вы в серьезном деле!

14

К тому времени, когда у Раскольцева на даче разыгралась вся эта сцена, мы уже знали, кто такой Ангел пустыни.

Сретенцев просмотрел круг знакомых Раскольцева. В поле его зрения попал и Казанский. Сразу же всплыли его поездки за иконами по деревням, обозначился круг посетителей мастерской. Возникла зловеще фигура Нейхольда. Выяснилось, что полковник одной из развед-служб Эдвардс был частым гостем Нейхольда. Второй пароль, хотя это было просто невероятным, совпал с живым человеком. Эдвардс — столь же распространенная фамилия, как Петров, Иванов, Сидоров... Это могло быть случайностью, но очень уж близко совместились пароль и реальное имя.

Мы не знали, когда последует передача, что это будет за передача, но мы теперь знали, через кого она будет сделана.

Все, что происходило с Казанским дальше, мы знали с протокольной точностью.

...Казанский вошел в мастерскую, запер дверь на все замки, обошел комнаты, осматривая каждый угол. Погасил свет и подошел к окну. Осмотрел переулок. «Москвич» стоял у подъезда, переулок был безлюден.

«Интересно,— думал Казанский,— на чем и как они поймали Раскольцева? Никогда за ним не замечал никакой слабинки, он даже от общих политических разговоров обычно уходил! Плен? Плен... А если?..»

И Казанский похолодел.

Рассуждения его в ту минуту были не лишены логики. Если Раскольцев был запутан в плену, то только гестаповцами. И если он сегодня работает на Эдвардса, то это чистой воды шпионаж. Выспрашивает у Брунова... Что же он у Брунова выспрашивает? Систему спасения народа от атомного оружия? Вот что он у Брунова выспрашивал! И тут же передача!

Но Брунов ничего же не сказал! Сегодня не сказал... А может, что-то сказал вчера, скажет завтра! Они запутают и Брунова...

Может быть, ему все это кажется, может быть, это всего лишь валютная сделка? А зачем он им понадобился? Разве о валютной сделке вел речь Эдвардс? «Нечего притворяться!»— сказал себе Казанский.

Он опять пристально поглядел в окно. По переулку шел, покачиваясь, пьяный. Остановился возле «Москвича», постоял и исчез в подворотне.

Следят?

Звонко прогремел в ночной тишине телефонный звонок. Казанский схватил трубку. Голос Раскольцева:

— Как себя чувствуете, Женечка?

— Отлично!— твердо ответил Казанский.

— Подъем душевных сил?— иронизировал Раскольцев.

— Да нет, сел вот посмотреть на свои картины...

— Это хорошо! Плюньте на мелочи жизни... Спокойной ночи!

В трубке послышались гудки отбоя.

В ту минуту Казанский не мог еще себе объяснить, почему он говорил с Раскольцевым так твердо. Помимо его воли и сознания он уже ощутил между собой и Раскольцевым непроходимую пропасть.

Казанский метался по мастерской. Он положил на стол коробочку. Велико было искушение открыть ее, но боялся, боялся какой-нибудь ловушки, что в коробочке скрыт проверяющий механизм и только. Он был отчасти прав. Вскрыть ее могли только специалисты.

Раздался опять телефонный звонок. Он снял трубку.

— Алло!

В трубке послышался незнакомый голос:

— Здравствуйте, Евгений! Я от Алексея Алексеевича!

Началось! Казанский едва сдерживал себя, чтобы не закричать. Однако ответил:

— Слушаю вас!

Глуховатый голос спокойно продолжал:

— Вы интересовались картиной «Ангел пустыни». Я могу завтра вам ее показать... Я прошу вас подойти завтра в половине седьмого вечера к памятнику Пушкина. Идти от Никитских ворот по Большой Бронной...

В трубке отбой...

Казанский рассказывал, что именно в эту минуту он решил явиться в Комитет государственной безопасности. Но как туда идти? А если они следят? Могут подстеречь. Позвонить? А вдруг они уже подключились к телефону?..

В голове все мешалось. Казанский схватил коробочку, ключи от машины, выбежал из дома. Он вскочил в машину и помчался... на вокзал. Решил ехать в Ленинград, в Ленинграде за ним они не уследят!

Он решил взять билет, а машину оставить прямо у подъезда вокзала. Билетов не оказалось. Кассирша объявила:

— Все поезда ушли, молодой человек!

Он вернулся к «Москвичу», у машины стоял милиционер. Милиционер спросил, чья это машина.

— Не-ее... не знаю! — ответил Казанский.

— Как же вы это не знаете? Вы на ней приехали!

Проверив документы, милиционер все-таки, усмотрев что-то подозрительное в поведении Казанского, сообщил в ГАИ номер машины. Казанский вернулся домой, поставил машину у подъезда, пошел в мастерскую.

Он уверял, что в этот час боялся, как бы мы его не арестовали до того, как он сам явится.

Когда он выглянул из окна в переулок, его охватил ужас. Около «Москвича» стояла милицейская оперативная машина. Это инспектора ГАИ обнаружили его «Москвич» по номеру, указанному милиционером. Казанский не сообразил, что появление оперативной милицейской машины вызвано его нелепым ответом милиционеру на вокзале. Он решил, что приехали за ним...

В довершение всего раздался телефонный звонок. Он снял трубку. С другого конца провода кричали:

— Алло! Алло! Это аптека?

Тут Казанский отвел душу.

— Почему аптека?— взорвался он.— Какая аптека? Вы с ума сошли? Хулиганство! Я буду жаловаться!

Трубку на другом конце провода положили. Именно поиски аптеки и надоумили его. Он набрал телефон «Скорой помощи» и вызвал врача, заявив, что у него сильнейший сердечный приступ.

Врач приехал.

Выслушал его, никаких сердечных явлений не нашел, хотя Казанский почти в истерике уверял, что у него разрывается сердце.

— Спасите меня, доктор! Спасите! — кричал он.

Мольба его звучала вполне убедительно. Врач вызвал санитаров. Казанского уложили на носилки и увезли в больницу.

...В девять часов утра, с первых минут рабочего дня, ко мне позвонили из приемной и спросили, не интересует ли меня некто Казанский.

Я посмотрел на Василия. Он не слышал, конечно, что мне сказали, но весь потянулся к телефонной трубке. Ждал!

Я спросил:

— Он в приемной?

Мне ответили, что Казанский вызывает следователя Комитета государственной безопасности в больницу.

— Эксперимент удался!— объявил я Василию.— Казанский просит нашего представителя, чтобы сделать заявление...

— Надо торопиться, Никита Алексеевич! Свидание у них назначено на половину седьмого.

Я его понял. Ему очень хотелось дело с Казанским самому довести до конца.

— А почему надо торопиться?— спросил я его.— Впереди целый день!

Я достал трубку, набил ее табаком и закурил, нарушая запрет Раскольцева, хотя этот запрет и был справедлив.

— Почему торопиться?— повторил я вопрос.

Василий замер.

— Можно, Никита Алексеевич?

— Можно!

— А если послать его на встречу?

— И с поличным взять всю группу?

Я нарочно задал такой вопрос, я знал, что Василий задумал нечто иное.

Он меня понял.

— Никита Алексеевич, я же не о том! А если через Казанского ворваться в эту цепочку?

— Ворвемся в цепочку — дальше что? Вступать в игру?

— Смотря что их интересует... Если Брунов, то мы можем сделать большое дело!

— Это зависит и от Казанского...

— Согласится!

— Я не об этом! Сумеет ли он их переиграть? Мы же с тобой решили, что Раскольцев — очень сильный противник. И этот еще господин...

— Я вижу, Василий Михайлович, вам очень хочется поехать в больницу... Ехать, однако, придется мне!

Я попросил главного врача больницы отвести мне часа на два отдельную комнату. Главный врач уступил свой кабинет. Туда на тележке привезли Казанского. Дверь закрылась. Я запер ее на ключ, повернулся к Казанскому. Он резко поднялся с коляски.

Чтобы все было по форме, я показал свое удостоверение. Я мог бы его сейчас же засыпать вопросами. Но важно было, чтобы он сам все рассказал, чтобы раскрылась мера его искренности.

Он рассказал все, вплоть до вызова «Скорой помощи». Статья шестьдесят четвертая Уголовного кодекса гласит: «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

В силу добровольного признания от наказания он освобождался. Мы имели правовые основания не возбуждать уголовного дела против него и за валютные операции. Признание все перекрывало. Я показал портрет Сальге, тогда еще личности для нас туманной. Он его никогда не видел.

Наступала решающая минута. Посылка, небольшая картонная коробочка из-под пилюль, лежала передо мной на столе. Он не открывал ее.

О вступлении в большую игру речи пока еще не шло. Но позондировать, попробовать, пойдет ли игра, мы могли.

— И предположений никаких нет,— спросил я его,— кто придет к вам на встречу у памятника Пушкина?

— Никаких!

— У вас нет желания прогуляться по Большой Бронной от Никитских ворот до площади Пушкина?

— Мне? Сейчас? Сегодня?

— Не сейчас! У вас целый день впереди, чтобы подготовиться! Вы этим нам очень поможете!

Он растерялся. Не потому, что понял что-то в моих словах. Я счел нужным устранять все неясности.

— Да, мы просим помочь нам до конца разобраться во всей этой истории. Вашу встречу мы обезопасим...

— Мне кажется, что они следили за мной...

— Это действительно только кажется... Следить они могут, когда им нужно... Правда, это очень непросто. Не следили!

— За мной...

— Не следили!— перебил я его.— Это мы знаем точно! Но мы не настаиваем — это должно быть вашим добровольным желанием.

Он согласился.

Решено было, что он останется в больнице. Специалисты открыли коробочку и обнаружили в ней бобину с магнитной проволокой. Проиграли ее на соответствующей аппаратуре. На ней оказалась запись уже известного нам разговора на веранде дачи Раскольцева с Бруновым. И все... Вопрос, куда протянулись руки хозяев, новых хозяев Раскольцева, был снят. Брунов и сфера его деятельности...

Пожалуй, имело смысл «помочь» им через Брунова. Обычно разведки очень критически относятся к каким-либо сенсационным удачам. Всегда в таких случаях возникает опасность натknуться на дезинформацию. Но хочешь не хочешь, а принять игру им придется. Никто не может на первых порах, а иной раз и на протяжении длительного времени определить, что передает агент, достоверные сведения или дезинформацию. Искусно составленная дезинформация действует иногда без промашки.

Все эти соображения я изложил в своем докладе руководству. Такого рода игра — дело крайне деликатное. Здесь это было вдвойне осложнено. Возникал вопрос о судьбе Раскольцева и неизвестного. Они совершили уголовное преступление.

— Вы еще раз,— сказал наш начальник отдела Сергей Константинович,— приостановили арест неизвестного... Это что — эмпирического характера импульсы или у вас уже созрел какой-то план?

Я высказал свои предложения по игре. Правда, я пока мог говорить только о примерной схеме. Брунов — Раскольцев — Казанский и то лицо, которое должно определиться вечером. А это означало, что и сегодня вечером мы не арестовываем неизвестного...

Сергей Константинович обещал до вечера посоветоваться с Бруновым, может ли иметь его ведомство интерес к этой игре.

Между тем Волоков и Сретенцев кое-что нашли и связанное с неизвестным. Они позвали меня в спецлабораторию.

Был проведен сравнительный анализ сегодняшних фотографий с фотографиями, хранившимися в архивах по одному давнему делу.

Мы получили фотографию нашего неизвестного, Гусейнова, в годы войны, во время Тегеранской конференции. Он состоял в группе, которая готовила покушение на Рузвельта. Был задержан иранской полицией. При невыясненных обстоятельствах скрылся. Действовал сей господин в те годы под именем Сальге.

Нашли и еще один след Сальге. Он проходил по Краснодарскому процессу, на котором была осуждена группа карателей, замешанных в массовых убийствах советских людей. Преступления свершались в сорок втором году. Ряд свидетельских показаний указывал на Сальге. Он был опознан по фотографиям. И все... Кто таков он был, откуда, никто не знал, и следствие тогда подробностей не установило. По всему было видно, что он не чужак на нашей земле. Русским языком владеет отлично. Знает и обстановку. Чужеземца так подготовить не могла ни одна школа.

Прошлое Раскольцева и Шкаликова тонуло пока во мраке... Надо было искать и искать и не только по архивам.

Волоков пока что зацепился за Краснодарский процесс.

Если Раскольцев замешан в карательных операциях, то ждать его звонка, его прихода с повинной не приходилось... Тогда понятен страх Шкаликова.

Продолжение следует.

О НЕРАВНОДУШНОЙ МУЗЫКЕ

Вл. РАЗУМНЫЙ,
профессор,
доктор философских наук

Как ни странно, разработка проблем социалистического реализма в советской музыке не привлекает должного внимания музыковедов и эстетиков... Правда, теме этой бывают посвящены отдельные статьи, она затрагивается в ряде книг, однако специального исследования до сих пор не существовало. И об этом приходится сожалеть вдвойне, так как материал тут накоплен огромнейший. Ведь советская музыка в некоторых ее аспектах идет даже впереди других наших искусств — обратите внимание хотя бы на ее международный резонанс: например, по подсчетам ЮНЕСКО, самым популярным композитором за последнее десятилетие стал Сергей Прокофьев...

Я привожу эти сведения из книги Иннокентия Попова «Некоторые черты социалистического реализма в советской музыке». Книга выпущена в свет недавно издательством «Музыка». Несмотря на сравнительно ограниченный объем, здесь автором собран большой фактический материал, эстетически осмыслен и глубоко проанализирован.

Очень любопытны наблюдения, касающиеся различных типов композиторских школ. Ин. Попов устанавливает, что именно советская музыка, будучи столь динамичной в своем развитии и сохраняя столь прочную опору на традиции классики и народного творчества, вместе с тем весьма активна в новаторских поисках и отчетливо нацелена в будущее...

Ограниченные размеры книги не позволили автору проанализировать все жанры музыкального творчества; он берет важнейшие: массовую песню, оперу, симфонию. И в этих разделах книги много интересных перспективных мыслей. Автор выявляет особую роль советской массовой песни для воспитания эстетических вкусов широкого слушателя. В советской опере раскрыта роль современного bel canto. Интересны аналогии, усматриваемые автором в развитии жанров симфонии и романа XX века...

Очень хорошо аргументировано положение, что характер музыкальной речи в советской музыке развивается диалектически, как говорит Ин. Попов: от усложненного — к высшей простоте в раскрытии глубоких идей, мыслей и образов.

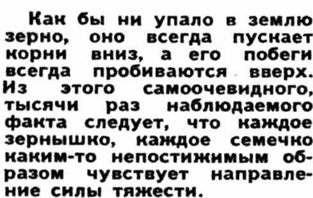
Книга «Некоторые черты социалистического реализма в советской музыке» написана увлекательно. Научная глубина здесь сочетается с живой образностью, идеологической остротой.

Ин. Попов — один из самых творчески активных критиков, неутомимо исследующих важнейшие проблемы именно советской современной музыки...

Для полного их решения, наверное, нужны еще и коллективные усилия всех виднейших музыкальных ученых и эстетиков, поскольку музыка все чаще оказывается на переднем крае идеологической борьбы...

Рецензируемая книга — первый ценный вклад в решение этих проблем.

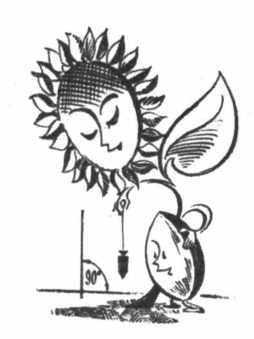

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ «СТОПЯТИДЕСЯТИТЫСЯЧНИК»

Пожалуй, ни в чем не проявилась так ярко стремительность научно-технического прогресса, как в увеличении размеров танкеров — сооружений, величина которых ограничивается сегодня не техническими возможностями судостроения, а географией: глубинами гаваней, заливов и проливов. Сейчас курьезно выглядят прогнозы 12—15-летней давности: тогда «стотысячник» — танкер грузоподъемностью в 100 тысяч тонн — казался столь нереальным, что его в шутку предлагалось именовать суперколоссальным. По этой классификации танкер «Крым», который должен войти в строй советского морского флота в 1974 году, можно было бы назвать сверхсуперколоссальным, ибо его грузоподъемность — 150 тысяч тонн! Максимум, допускаемый морскими трассами нашей страны!

От аналогичных судов иностранной постройки «Крым» отличается более полными обводами — большей «пузатостью»,— что очень выгодно с точки зрения увеличения грузоподъемности. А чтобы при этом не ухудшилась маневренность танкера, судостроители увеличили площадь руля, установили винт с поворотными лопастями и подруливающие устройства, позволяющие «Крыму» двигаться даже боком. Паровая турбина «Крыма» почти на 25 процентов экономичнее турбины предшествующего танкера типа «София».

Тщательность проработки, продуманность деталей, применение новинок только там, где это действительно необходимо,— вот что характерно для первого советского 150-тысячника. На одной из советских верфей уже ведется постройка «Крыма» — головного судна новой серии. А к концу 9-й пятилетки в строй нашего морского флота вступит несколько крупнотоннажных танкеров.

ВЕСТИБУЛЯРНЫЙ АППАРАТ У РАСТЕНИЙ

Как бы ни упало в землю зерно, оно всегда пускает корни вниз, а его побеги всегда пробиваются вверх. Из этого самоочевидного, тысячи раз наблюдаемого факта следует, что каждое зернышко, каждое семечко каким-то непостижимым образом чувствует направление силы тяжести.

Поисками «вестибулярного аппарата растений» занялся швейцарский ученый Пиле, предположивший, что за ориентацию растения в поле земного тяготения ответственны тончайшие волокна на кончиках корней. Эксперименты подтвердили догадку исследователя.

Посадив несколько ростков маиса так, чтобы корни с удаленными волокнами занимали горизонтальное положение, Пиле убедился: они продолжали расти горизонтально до тех пор, пока у них не появились новые волокна. После этого все пошло, как обычно, корни изменили направление и стали расти, как всегда, вниз. Пиле полагает, что в волокнах образуется пока неизвестное вещество, влияющее на рост тканей и формирующее корень.

ПРОСТУДА — ЭТО НЕ ПРОСТО

«Обычная простуда», — говорим мы, когда не можем назвать свою болезнь никаким научным термином. И причины приводятся обычные: продуло, промокли ноги, промерз...

А вот директор английской научно-исследовательской станции по изучению простуды Тиррелл утверждает, что причин этих никак не меньше, чем 89.

Точно установлено, что вирусы 89 типов виновны в возникновении обычной простуды. Поэтому, считает доктор Тиррелл, изготовление вакцины против простуды практически невозможно.

РУКИ МЕРТВЯЩЕЕ ПОЖАТЬЕ

При прополке не обязательно сорняк вырывать с корнем — его можно просто погладить, и он вскоре погибнет сам... Правда, для достижения такого магического эффекта на руки должны быть надеты недавно изобретенные за рубежом перчатки.

На нижней стороне такой перчатки есть губчатая подушечка, к которой подходит шланг от баллона с 10-процентным раствором ядохимиката. Достаточно провести подушечкой, пропитанной ядохимикатом, по сорняку, и через три дня он погибает, причем гибнут и корень и семена.

КАКОГО ЦВЕТА ДОРОГА

Среди всех качеств, делающих асфальт отличным материалом для покрытия автомобильных дорог, есть одно, которое все чаще и чаще доставляет неприятности автоинспекции. Это качество — черный цвет асфальта. Эксперименты выявили, что с наступлением темноты видимость на дорогах с черным покрытием резко падает. Препятствия, люди, неосвещенные предметы плохо видны на темном фоне и часто распознаются слишком поздно. Кроме того, черные покрытия поглощают свет фар, чем сильно утомляют водителя.

Таким образом, черный цвет, который считался ранее несущественным свойством, в недалеком будущем может перечеркнуть все прочие достоинства асфальта. В Швейцарии, например, уже поговаривают о том, чтобы законом запретить черные и темные покрытия дороги.

БРИЛЬЯНТЫ, ПОМНЯЩИЕ ПЕРВОРОДСТВО

«Бессмысленно воровать драгоценные камни — ведь их теперь нельзя будет продать»,— утверждают английские исследователи. Они разработали такой способ фотографирования структуры драгоценных камней, при котором на снимке проявляется первоначальная форма алмазов, не уничтожаемая никакой шлифовкой. Картотека таких фотоснимков позволит обнаружить украденные драгоценности, даже если брильянты будут огранены заново. Достаточно сравнить фотоснимок структуры камня, хранящийся в картотеке, с тем, который будет сделан при проверке,— и неповторимая индивидуальность алмаза проявится со всей очевидностью.

«ШУБА НЕ ГРЕЕТ, А СОХРАНЯЕТ ТЕПЛО»

Это простое школьное правило легло в основу изобретения, позволившего не подогревать зимой воду в открытом купальном бассейне одного из городков ФРГ. За целые сутки при десятиградусном морозе вода в бассейне охладилась всего на полтора градуса.

Секрет — 44 тысячи пустотелых пластмассовых шариков, покрывающих подвижной пеленой поверхность воды в бассейне. Хотя на каждый квадратный метр требуется около тысячи таких 38-миллиметровых шариков, они не затрудняют движение пловцов и служат теплоизолирующим слоем, надежно отделяющим нагретую воду от холодного воздуха. Инженеры считают, что это изобретение, резко сократив расходы на подогрев воды, приведет к увеличению числа зимних открытых бассейнов.

УБИЙСТВЕННОЕ ЛЕКАРСТВО

Исследователи жизни и творчества Чарлза Дарвина построили немало догадок, порой даже фантастических, о причинах, побудивших великого естествоиспытателя неожиданно в расцвете славы оставить научную карьеру и удалиться из Кембриджа в городишко Даун. Одни говорили, что, создав свою эволюционную теорию, Дарвин всю жизнь чувствовал себя великим грешником. Другие приписывали переезд в безлесный сухой Даун желанию свести к минимуму воздействие влажного климата на организм. Третьи считали причиной этого неожиданного решения крутой нрав отца Дарвина.

Недавно английский ученый Уинслоу выдвинул но-

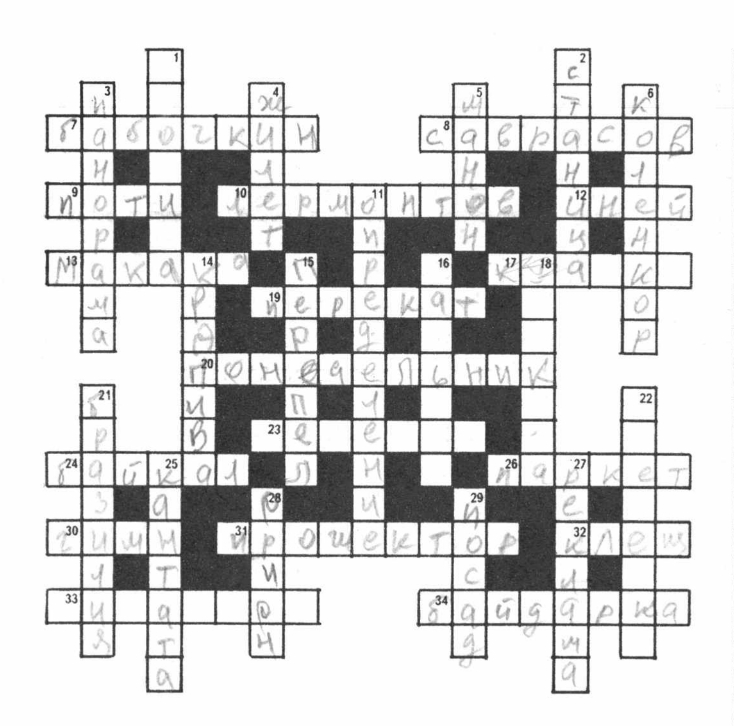

вую гипотезу. Он считает, что главная причина дарвиновского решения — в другом. Еще будучи студентом, Чарлз страдал от экземы, которую лечил втиранием мышьяковистых мазей в кожу. Систематическое применение этих препаратов в течение многих лет в конечном итоге привело к тяжелому заболеванию — пресловутому несварению, о котором много писали биографы. По мнению Уинслоу, мышьяковистые мази, широко применявшиеся медиками в прошлом столетии, нанесли английской культуре огромный ущерб, преждевременно сведя в могилу историка Карлейля, поэта Браунинга, философа Спенсера, естествоиспытателя Гексли и других.

ЗАГОРАТЬ ЛУЧШЕ НА СЕВЕРЕ, ЧЕМ НА ЮГЕ

«Если хотите хорошо загореть, поезжайте не в Крым, не на Кавказ, а на литовское побережье Прибалтики — в Палангу, Светлогорск, Зеленоградск»,— рекомендует инженер-климатолог Б. Лихачев. Исследования показали, что в полдень ультрафиолетовое излучение Солнца в этих местах на 20 процентов, а вечером и утром на 50 процентов сильнее, чем в Евпатории. Секрет этого эффекта — в замечательной прозрачности атмосферы, возникшей оттого, что в погожие дни в эту зону проникает с севера чистый полярный воздух, содержащий мало пыли и водяных паров.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Актер и режиссер, народный артист СССР. 8. Автор картины «Грачи прилетели». 9. Порт на Черном море. 10. Русский поэт. 12. Замерзшие пары воздуха. 13. Обезьяна. 17. Русская народная игра. 19. Речная мель. 20. День недели. 23. Роман О. Гончара. 24. Озеро в Сибири. 26. Дощечка для настила пола. 30. Торжественная песня. 31. Осветительный прибор. 32. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 33. Спутник планеты Сатурн. 34. Спортивная лодка.

По вертикали: 1. Штат в США. 2. Селение на Дону, Кубани. 3. Вид местности с высоты. 4. Часть костюма. 5. Опера Ж. Массне. 6. Ткань, используемая для книжных переплетов. 11. Второстепенный член предложения. 14. Народный писатель Белоруссии. 15. Птица семейства фазановых. 16. Английский химик и физик. 18. Сырье для изготовления искусственного волокна. 21. Государство в Южной Америке. 22. Морской рак. 25. Музыкальное произведение для сольного инструмента и оркестра. 27. Торговое объявление. 28. Экваториальное созвездие. 29. Часть города в Древней Руси.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 7. Плутоний. 8. Единорог. 9. Океан. 11. Глиэр. 12. Киев. 14. «Обоз». 15. Антраша. 16. Канклес. 17. «Либерал». 18. Ирбис. 19. «Далибор». 22. Граната. 24. «Апостол». 25. Хета. 26. Ритм. 27. Сопот. 28. Редис. 30. Акварель. 31. Горельеф.

По вертикали: 1. Слово. 2. Тенор. 3. Яломица. 4. Микенас. 5. Адмирал. 6. Долгота. 10. Натюрморт. 11. Гладиатор. 13. Вакцина. 14. Олеандр. 20. Америка. 21. Рашпиль. 22. Гладков. 23. Татищев. 27. Сироп. 29. Смерч.

На первой странице обложки: Валерий Борзов — один из лучших спринтеров мира.

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Памятник, сооруженный в ознаменование освобождения Ростова-на-Дону от белогвардейских банд в 1920 году. Автор — скульптор Е. Вучетич в содружестве с архитекторами И. Ловейко, Я. Ребайном, Л. Эбергом.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

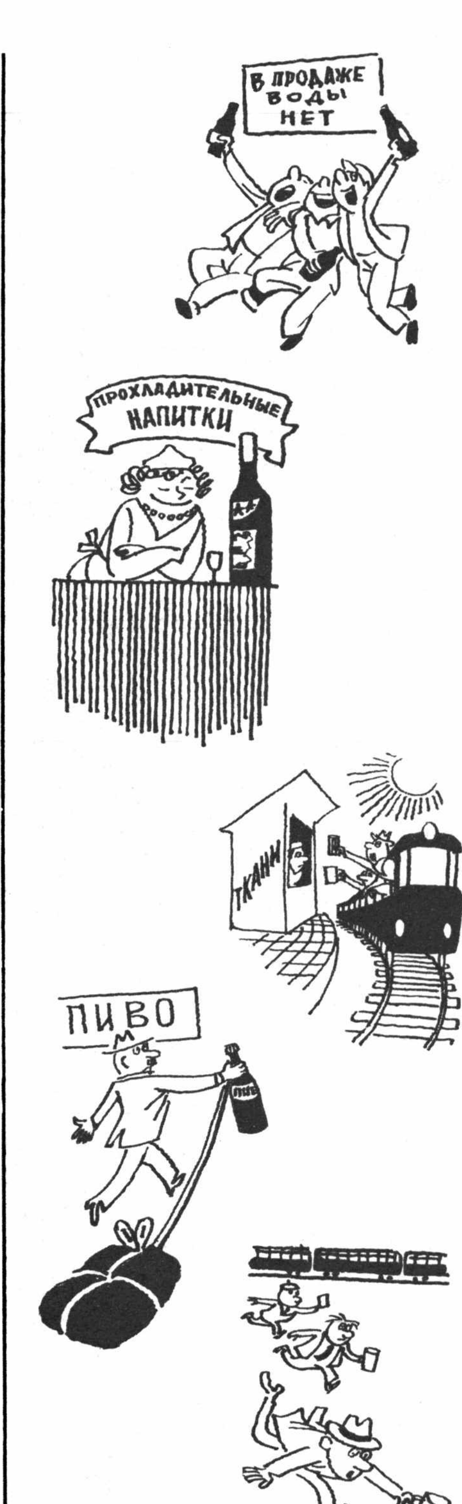
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/VII-72 г. А 00722. Подп. к печ. 8/VIII-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1625. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3272.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ОАЗИС БЕЗ ВОДЫ

Мои попутчики — москвичи, студенты строительного отряда.

— Мы решили ехать от Мичуринска до Рязани электричкой, чтобы увидеть ближе среднюю Россию, — сказали они.

В раскрытые окна электрички влетал жаркий воздух. Всем хотелось пить, и кто-то из студентов, видимо, знаток здешних мест, объявил: «Потерпите до Ряжска. Там и ресторан, и буфет, и много всяких палаток».

В Ряжске электричка стоит сорок минут. Согласно графику. Напиться можно вполне успеть. Но, увы, добрый десяток торговых палаток не имел никакого отношения к прохладительным водам. Почему? Решил взять интервью у продавщицы. Ответ был лаконичен:

— Я уже пять лет работаю на этом месте. Ни летом, ни зимой фруктовой и минеральной воды не продавала.

— Может, у вас тут автоматы торгуют водой?

Она ничего не ответила. Я оглянулся кругом: ни одного автомата.

... Ресторан. Шумно. Вино здесь — рекой. Водка тоже. Пива нет. Минеральной воды нет. Продают тепловатый напиток, отдаленно напоминающий компот, но он тут используется главным образом любителями запить «сто грамм».

Переполненные залы ожидания. В одном из них работает буфет. К пиву здесь приплюсовывается нагрузка: несколько пирожков и яиц... Не купишь пирожки — не получишь пива.

— Точно так же «с нагрузкой» продают и фруктовую воду, которая изредка появляется в буфете, — сказал мне Сергей Евтихиевич Дымченко, дежурный по вокзалу. Он же назвал точную цифру жаждущих напиться: ежедневно Ряжск принимает три тысячи пассажиров. Это только те, кто ежедневно покупает и компостирует билеты. Прибавьте к этому несколько тысяч пассажиров проходящих поездов и электричек, обслуживающий персонал вокзала и станции.

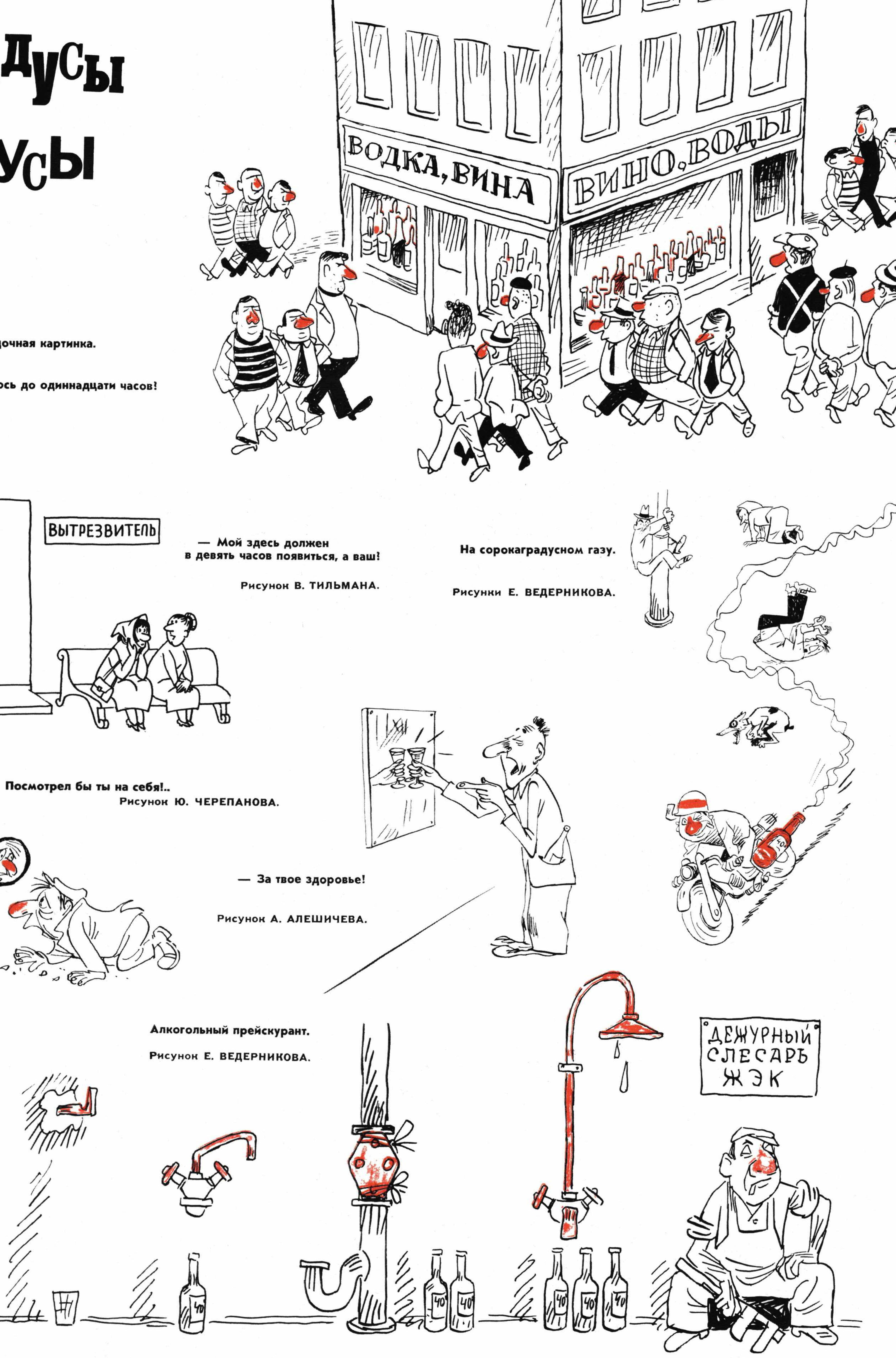
Рязанский трест столовых и ресторанов, который имеет солидное торговое перронное хозяйство и ресторан на станции Ряжск, уже многие годы не в состоянии решить проблему продажи воды на крупном железнодорожном узле.

Что ж мои студенты-попутчики? Со свойственной этому племени юмором они назвали Ряжск «оазисом наоборот»...

Лимарий СЕМЕНОВ

ГРАДУСЫ И КАЗУСЫ

Загадочная картинка.

Сколько осталось до одиннадцати часов!

— Мой здесь должен в девять часов появиться, а ваш!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

На сорокаградусном газу.

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Посмотрел бы ты на себя!..

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

— За твое здоровье!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

Алкогольный прейскурант.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663